

1 рубль.

80
91

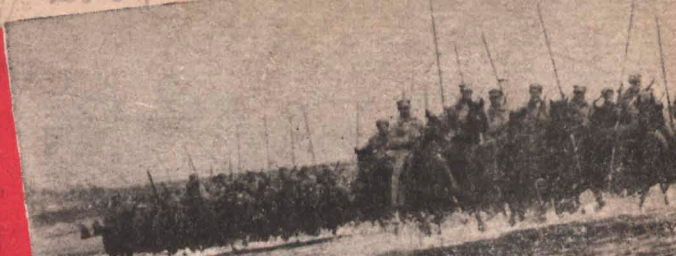
8
498

ПЕРВАЯ КОННАЯ

В
ИЗОБРАЖЕНИИ
ЕЕ
БОЙЦОВ И
КОМАНДИРОВ

Государственное издательство

1930

СССР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЕРВАЯ КОННАЯ
В ИЗОБРАЖЕНИИ
ЕЕ БОЙЦОВ И КОМАНДИРОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

„Первая конная в изображении ее бойцов и командиров“. Настоящий сборник с первой до последней строки принадлежит перу бойцов и командиров Первой конной армии. Мы имеем здесь, наряду с воспоминаниями и бесхитростными стихами неопытных в литературном деле конноармейцев, блестящие, исключительные по своей художественной мощи отрывки из пьесы „Первая конная“ Всеволода Вишневского (бывшего пулеметчика бронепоезда „Коммунар“). Следует отметить, что сборник охватывает далеко не весь боевой путь Красной конницы. Но это ни в какой степени не умаляет его достоинств. Несомненно, что как военный, так и гражданский читатель тепло встретят настоящий сборник, каждая страница которого рассказывает о незабываемых днях и делах героической эпохи гражданской войны.

2010516164

Главлит А 58.419. Гиз. № 38259 В-60. 13 п. л. Тираж 5.000 экз.

Типо-литография им. тов. Воровского, ул. Дзержинского, 18.

СТАЛИН И КОННАЯ АРМИЯ.

Из статьи К. Ворошилова «СТАЛИН И КРАСНАЯ АРМИЯ».

... Следует еще остановиться на одном важнейшем историческом моменте, связанном на Южном фронте с именем т. Сталина. Я имею в виду образование Конной армии. Это был первый опыт сведения кавалерийских дивизий в такое крупное соединение, как армия. Сталин видел могущество конных масс в гражданской войне. Он конкретно понимал их громадное значение для сокрушительного маневра. В прошлом ни у кого не было такого своеобразного опыта, как действие конных армий. Не было об этом написано и в ученых трудах, и поэтому такое мероприятие вызывало или недоумение, или прямое сопротивление. Но не таков Сталин: раз он был уверен в полезности и правильности своих планов, он всего шел напролом в их осуществлении. И 11 ноября РВС Республики получает следующее донесение от РВС Южного фронта:

«Реввоенсовету Республики».

Реввоенсовет Южфронта в заседании своем от 11 ноября с. г., исходя из условий настоящей обстановки, постановил образовать Конную армию в составе I и II конных корпусов и одной стрелковой бригады (впоследствии добавить и 2-ю бригаду).

Состав Реввоенсовета Конармии: Командарм т. БУДЕННЫЙ и члены тт. ВОРОШИЛОВ и ЩАДЕНКО.

Означенное просим утвердить».

Конная армия была создана несмотря и даже вопреки желанию центра. Инициатива ее создания принадлежит т. Сталину, который совершенно ясно представлял себе всю необходимость подобной организации. Исторические последствия этого шага хорошо всем известны.

ПЕРВЫЙ ПРИКАЗ РЕВВОЕНСОВЕТА КОННОЙ АРМИИ.

Первое заседание Реввоенсовета Конной армии происходило в вагоне в районе Старого Оскола. Здесь был составлен и подписан первый приказ Реввоенсовета по армии.

Вот текст этого приказа:

«Приказами Реввоенсовета Республики и Южфронта конный корпус Южфронта (т. Буденного) преобразован в Первую конную армию. Во главе управления армией поставлен Революционный военный совет в составе командующего армией—т. Буденного и членов РВС тт. Ворошилова и Щаденко.

На Реввоенсовет Конной армии возложена чрезвычайно тяжелая и ответственная задача: сплотить части Красной конницы в единую, сильную духом и революционной дисциплиной Красную конную армию.

Вступая в исполнение своих обязанностей Революционный военный совет, напоминая о великом историческом моменте, переживаемом Советской республикой и Красной армией, наносящей последний, смертельный удар бандам Деникина, призывает всех бойцов, командиров и политических комиссаров напрячь все силы в деле организации армии.

Необходимо, чтобы каждый рядовой боец был не только бойцом, добросовестно выполняющим приказы, но сознавал те великие цели, за которые он борется и умирает.

Мы твердо уверены, что задача будет выполнена и армия, сильная не только порывами, но сознанием и духом, идя на-

встречу победе, беспощадно уничтожая железными полками и дивизиями банды Деникина, впишет еще много славных страниц в историю борьбы за рабоче-крестьянскую советскую власть.

Да здравствует Первая конная армия!

Да здравствует мировая советская власть!

Реввоенсовет: Ворошилов, Буденный,

Щаденко.

Секретарь РВС Орловский.

9 декабря 1919 г.

С. М. БУДЕННЫЙ.

ПЕРВАЯ КОННАЯ.

До Октябрьской революции военная история не знала конных армий. Такая организация возникла впервые в дни жестокой борьбы восставшего пролетариата и бедняцкого крестьянства против своих классовых врагов — капиталистов и помещиков. Эта борьба происходила в невероятно тяжелых условиях, тяжелых именно потому, что молодая советская республика должна была создавать свою Красную армию — под ударами не только своей отечественной буржуазии, но и международного капитала. Красная армия возникла, росла, крепла и научилась побеждать своих врагов в бою на полях гражданской войны.

С самого начала гражданской войны на юге и юго-востоке СССР начали группироваться силы контрреволюции.

Два обстоятельства благоприятствовали тому, что юг России стал колыбелью контрреволюции. Первое обстоятельство заключалось в том, что войска немецкого империализма, наступавшие на Украину, создавали завесу, обеспечивающую организацию контрреволюционных сил; второе — что на юге недовольные советской властью зажиточные элементы привилегированного казачества представляли собой тот резерв, из которого контрреволюционные генералы Каледин, Корнилов и Алексеев стали формировать белые кавалерийские части. В ответ на это вокруг руководимых ленинской партией Советов стали спланиваться бедняцко-середняцкие слои крестьянства и трудовое казачество, из которых организовывались партизанские отряды (пехотные и кавалерийские), принимавшие первые бои за советскую власть с отрядами генералов Семилетова и Гниловых.

Красногвардейские отряды, действуя часто разрозненно, необъединенные войсковым управлением, кустарно воору-

женные и малочисленные, стали у Царицына собираться и сводиться в пехотные и кавалерийские полки под общим руководством Реввоенсовета 10-й Красной армии, во главе которого стояли тт. Сталин и Ворошилов. Так из этих кавалерийских отрядов организовались 4-я и 6-я кавдивизии.

Операции у Царицына наших первых кавдивизий в составе 10-й армии показательны рядом отдельных победных боев. Конечно, как и всякий боевой путь, путь этих дивизий не был усеян только победами. Однако среди боевых действий нашей конницы мы имели такие операции, которые натолкнули руководство 10-й армии на мысль организовать конницы в крупные массы.

В мае 1919 г. в Задонских степях под станцией Хомутовской, 4-я кавдивизия встретила уже с конницей Деникина и вступила с ней в бой. Этот жестокий бой с превосходящим нас противником глубоко врезалась в память его участников. Мы со своими четырьмя полками встретились с 19 кавалерийскими полками белых и все же наши доблестные кавалеристы, сломив упорство противника, обратили его в бегство. В результате боя противник оставил нам трофеями 33 орудия, 70 пулеметов, до 2 000 лошадей с седлами и даже 2 автоброневика с автомастерской. Это было только начало боев с Добровольческой армией, под натиском превосходных сил которой нам пришлось затем отходить почти до Саратова.

В это время к 4-й кавдивизии присоединилась 6-я кавалерийская дивизия, организованная из рабочих и бедняцко-середняцкого крестьянства Ставропольщины. Обе дивизии образовали I конный корпус. В руках красного командования этот корпус явился могучей силой, и на его долю выпала тяжелая задача прикрытия пятисоткилометрового отхода 10-й Красной армии под давлением 3 конных корпусов белых генералов Покровского, Шатилова и Улагая. Несмотря на невероятно тяжелые условия отхода, наш конный корпус не только не ослабел под ежедневными ударами противника, но, наоборот, окреп и уже в боях на реке Карамыш дал ряд блестящих примеров действия крупными массами конницы, разгромив все три корпуса белых. Завершить начатый разгром корпуса не удалось, так как он получил новую задачу — разгромить группу генерала Алексеева, занимавшую район станицы Островской и села Даниловки на реке Медведице.

Данная группа состояла из 3 000 пехоты и 7 полков конницы. Конный корпус в ряде тяжелых боев нанес противнику поражение. Вся его пехота была полностью пленена, а остатки конницы отлетели за реку Дон в станицу Уст-Медведицкую.

Сложившаяся на фронте 10-й Красной армии обстановка весьма благоприятствовала нам. Еще один удар 10-й армии по противнику, и Сталинград был бы в наших руках. Однако рейд пятитысячной конницы генерала Мамонтова, брошенной Деникиным для разрушения глубоких тылов наших красных войск, помешал дальнейшим действиям 10-й армии и конного корпуса.

Прорвавшись в тыл, Мамонтов безнаказанно гулял по прямым путям к красной столице, разрушив Грязи, Козлов, Тамбов, Елец и другие пункты. Белые мечтали о близкой победе над Советами и готовились к вступлению в Москву. В этот невероятно тяжелый для страны Советов момент, I Конный корпус получил задачу настигнуть Мамонтова и разбить его. Расстояние между нашим корпусом и корпусом Мамонтова достигало до 40 километров. Задача была нелегкая. Мамонтов был настигнут, но боя не принял и поспешно отошел на Воронеж. Здесь оба корпуса белых объединились, и решили совместно разгромить нашу конницу.

Вступив в командование конной группы, генерал Шкуро отдал следующий приказ: «Я решил разбить конницу Буденного по частям, во исполнение чего приказываю образовать три конных колонны, окружить конницу красных и уничтожить ее на месте». Наш конный корпус, несмотря на превосходство сил противника, нанес Шкуро могучий удар. Оба корпуса белых обратились в бегство, оставив нам трофеями 36 орудий, 40 пулеметов, до 2 000 лошадей с седлами, один бронепоезд и 700 человек пехоты. 25 октября мы заняли г. Воронеж.

Из последующих операций несомненный интерес представляют бои у ст. Касторной. Касторинский узел железной дороги имел для белого командования решающее значение. Противник быстро сосредоточил там 3 000 пехоты, 22 кавалерийских полка, 5 бронепоездов, 4 танка и 4 автоброневика. Однако наша конница, несмотря на совершенный с жестокими боями семисоткилометровый марш, ринулась в бой против превосходных сил противника, разбила и опро-

И. Сталин — член РВС Республики и председатель РВС Южного фронта.

кинула всю Касторинскую группу белых. Пехота была частью перебита, частью взята в плен. Трофеями нам достались 4 бронепоезда, 4 танка, 4 автоброневика. Конница белых, преследуемая нами, бежала на Старый Оскол.

Если Воронеж принес белым опасение за судьбу тыла их войск, действовавших в Орловском направлении, то падение Касторинского узла было началом разложения всего Деникинского фронта. Вместе с Конной армией походные части, ударивши по противнику со стороны Кромы, создали перелом на всем Южном фронте.

РВС Южного фронта в лице гг. Сталина и Егорова принимает решение образовать Конную армию. Разработав стратегический план полного уничтожения южной контрреволюции, РВС фронта поставил перед Первой конной задачей — разорвать Деникинский фронт на две части. Для содействия Конной армии ей были приданы 9-я и 12-я стрелковые дивизии.

Конная армия, имея задачу не дать противнику закрепиться на рубеже реки Донец и помешать юго-западной группе белых, действовавшей на Украине, отойти в пределы Дона и Кубани, двинулась из Нового Оскола в направлении Таганрога через Донбасс. В итоге этой операции были заняты Таганрог и Ростов.

Падение этих двух важных в политическом, экономическом и стратегическом отношениях пунктов, на которых базировалась вся южная контрреволюция, завершило разрыв Деникинского фронта на две части и полностью оправдало стратегический план РВС Южного фронта.

С занятием Ростова был образован Кавказский фронт, в состав которого вошла Первая конная. Первые же дни подчинения Конной армии этому фронту дают поучительный пример, — как не надо использовать конницу. Конная армия была брошена в Батайские непроходимые болота, где она, теряя дорогое время и неся значительные жертвы, увязла в болотах. Только после неоднократных настойчивых требований РВС Конной армии она через месяц была брошена в стык Кубанской и Донской армий. Наше запоздание позволило противнику несколько оправиться от поражения и оказать бешеное сопротивление, в результате чего едва не были сведены на нет все наши успехи. Двигаясь в стык

белых армий, подчинив себе по пути в оперативном отношении 3 пехотных дивизии и одну кавбригаду 10-й Красной армии, Конная армия прорвала фронт на реке Маныч и врезалась в тыл белых войск. Белое командование двинуло против Конной армии кавгруппу генерала Павлова. Эта группа, блуждая трое суток в Задонских степях по глубокому снегу и при 30-градусном морозе, наравлась на расположение

РВС Первой Конной красной армии: т. Ворошилов (член РВС), т. Буденный (командарм) и т. Щаденко (член РВС).

Конной армии и после короткого ночного боя на ст. Торговая под нашими жестокими ударами бросилась бежать на станцию Егорлыкскую, оставив тысячи трупов замерзших солдат.

С рассветом Конная армия вместе с пехотными дивизиями двинулась глубже в тыл противника. По сложившейся к вечеру обстановке перед Конной армией стали две задачи: либо идти в Егорлыкскую и покончить с остатками группы генерала Павлова, либо двигаться на ст. Белая - Глина для уничтожения стрелкового корпуса генерала Крыжановского. РВС Конной армии принял решение уничтожить корпус Крыжановского, что Конной армией 22 февраля 1920 г. и выполнено.

Корпус Крыжановского был разбит и пленен без остатка во главе с командиром корпуса и его штабом. Нами были захвачены трофеи — 6 000 пленных, 3 бронепоезда, вся артиллерия, пулеметы и т. п.

Деникина не оставляет мысль — разбить Первую конную. Для этого он решает за счет всего фронта сосредоточить свою конницу в Егорлыкской с целью нанесения нам оттуда удара. 25 февраля 1920 г. белая конница до 25 тысяч сабель двинулась на Белую Глину. Конная армия вместе с 20-й стрелковой дивизией выступила навстречу ей. Произошел встречный бой крупных конных масс. Незирая на превосходство сил противника, бойцы бросились в атаку и обратили неприятеля в бегство. Преследуемый нами на протяжении 50 километров, он бросил всю артиллерию, пулеметы, огнеприпасы и другое военное имущество и остановился в Егорлыкской.

28 февраля бой в Егорлыкской с этой конной группой и находившейся там пехотой противника закончился нашей победой.

Конная армия, преследуя противника, очищала от остатков белых предгорные станицы Кубани и побережье Черного моря. По выполнении этой задачи она сосредоточилась в районе Майкопа.

В марте 1920 г. было установлено значительное сосредоточение на нашей западной границе белопольских войск. Подготовительные мероприятия польского командования побудили нас принять серьезные меры подготовки на случай возобновления боевых действий. Для этого прежде всего понадобилось перебросить значительные силы с других фронтов и подвести пополнение.

Сложившаяся обстановка на польском фронте предвещала участие Первой конной армии по ликвидации белопольского наступления.

Вскоре за этим была получена директива командующего Кавказским фронтом, которой ставилась армии задача в кратчайший срок сосредоточиться в районе Матвеев-курган и иметь в виду дальнейшее движение на Киев.

Первая Конная походным порядком совершает тысячекилометровый марш на польский фронт.

25 мая 1920 г. Первая конная армия сосредоточилась в районе Умани.

В июне Конная армия подошла к расположению фронта противника. Первый бой пришлось выдержать с петлюровскими бандами, которые были выброшены впереди фронта польским командованием. Эти банды были уничтожены.

На второй день славная 6-я Чонгарская кавдивизия на походе уничтожила батальон пехоты 13-й польской стрелковой дивизии под м. Животовым, а 4-я кавдивизия столкнулась с частями польской конницы — дивизией генерала Корницкого.

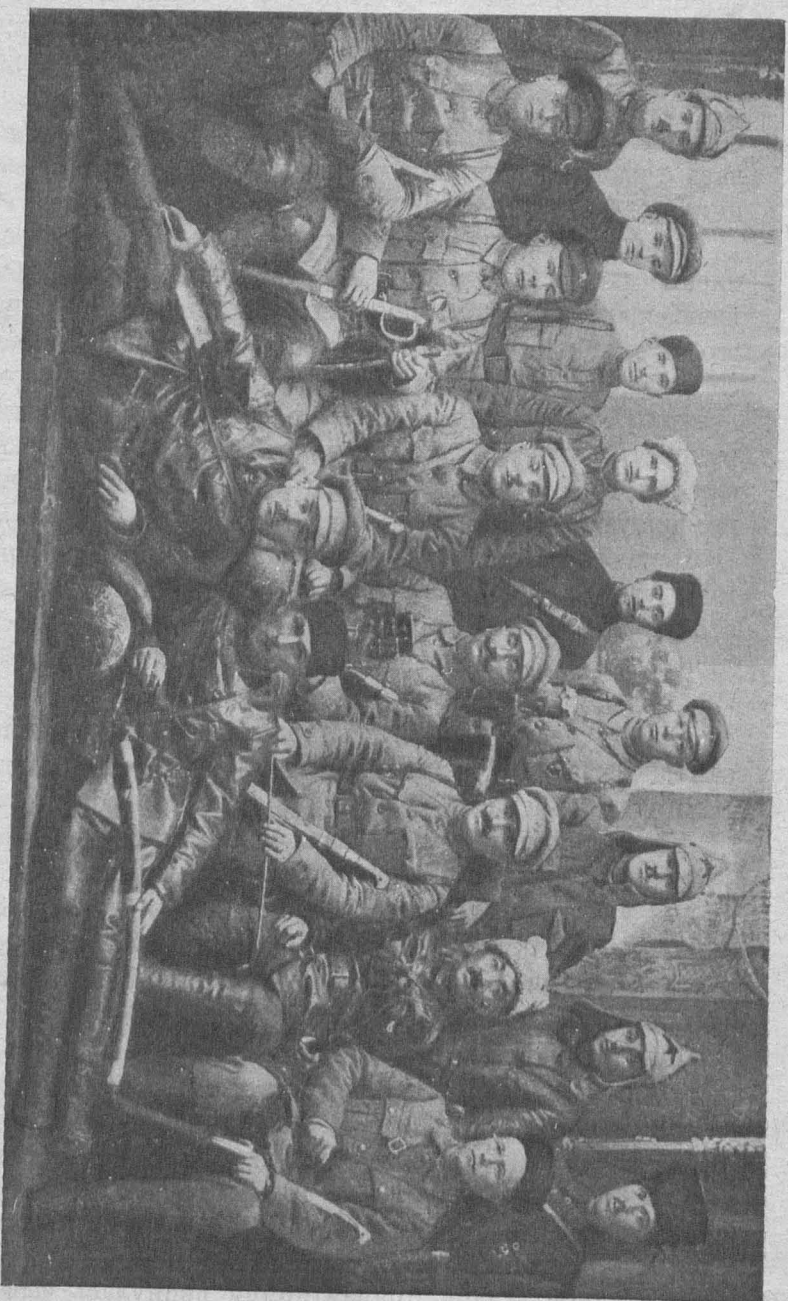
Дабы положить начало переходу в решительное наступление по всему нашему Юго-западному фронту, было решено прорвать фронт противника и двинуться в глубокий его тыл, в направлении Житомира, Бердичева и Казатина, с тем, чтобы уничтожить в Житомире штаб польского командования Украинским фронтом, в Бердичеве и Казатине разрушить базы огнеприпасов и прервать связь в глубоком тылу фронта, после чего обрушиться на 3-ю польскую армию, занимавшую Киев.

Первая часть этой задачи была выполнена Конной армией удачно. Фронт был прорван, управление войсками польского Украинского фронта было совершенно нарушено, бердичевская база огнеприпасов уничтожена, а 3-я польская армия, бросив Киев, начала отступать.

Вторая часть задачи, поставленной командованием Юго-западного фронта; — уничтожение живой силы 3-й польской армии, выполнена не была по вине самого фронта.

Конная армия перебрасывается от Львова в Люблинское направление. Но эта переброска весьма запоздала. Конная армия уже не могла оказать существенной помощи Западному фронту, так как ей пришлось бы дважды форсировать реку Западный Буг, движением назад и снова вперед на северо-запад.

Конец войны с поляками не является для советской власти передышкой. Создается Врангелевский фронт. Конная армия вновь совершает походным порядком шестисоткилометровый марш в районе Бреславля с задачей: закрыть отход врангелевских войск на полуостров. А задача была тужелой, так как Конной предстояло принять на себя удар всей врангелевской армии, отступающей из таврических полей. Для выполнения поставленной задачи Конная армия двинулась через Кахов-

Высший состав Первой конной армии по взятию г. Майкопа (Кубань — март 1920 г.)

Стоят: 1) военком 2-й кавдивизии т. Грушин, 2) нач. 2-й кавдивизии т. Рожков, 3) для поручений при командарме чени т. Лундич, 4) нач. 14-й кавдивизии т. Лева, 5) военком 14-й кавдивизии т. Блюок, 6) командокл. особото назна- т. Косоров. Сидят: — 1) военком 6-й кавдивизии т. Вахтуров, 2) нач. 6-й кавдивизии т. Тимошенко, 3) член РВС Конной армии т. Ворошилов, 4) командарм т. Буденный, 5) нач. полетстаб. т. Зотов, 6) нач. 4-й кавдивизии т. Лордовиков, 7) военком 4-й кавдивизии т. Дегисов, лежат: — 1) секретарь командарма т. Лакотала, 2) секре- тарь члена РВС Конной армии т. Максимингалашев.

ский плацдарм. Три дня действий по тылам врангелевских войск немедленно дали себя почувствовать всему фронту. Действия Конной армии имели большое значение для успешных действий 6-й Красной армии по овладению Сивашем и Перекопом. Дальнейшие действия Конной армии на Крымском полуострове были настолько стремительными, что противник оставил без боя Симферополь, Севастополь и Ялту.

После очищения Крыма, Конная армия перебрасывается против банд Махно. На протяжении трех месяцев она ведет упорнейшие бои с этими бандами.

По завершении этой операции Конная армия сосредоточилась в районе Днепропетровска и занялась учебой, оказывая трудовую помощь беднейшему населению. Ее силами на Украине было вспахано и засеяно до 50 000 гектаров. Вскоре Конная армия была переброшена опять походным порядком на Северный Кавказ, где она приняла активное участие в советизации края, уничтожая и выкорчевывая остатки белогвардейских гнезд, закрепившихся здесь еще со времени Южной контрреволюции. Кроме того, Конная армия уничтожила вновь возникшую повстанческую армию генерала Пржевальского, организованную английским капиталом. Одна из славнейших кавалерийских дивизий — ныне восьмая, была брошена против английского наймита Энвер-паши, который врезался с своими бандами в нашу еще не окрепшую окраину — Советский Туркестан. Стойко и гордо держа боевое красное знамя коммунизма, дивизия уничтожила банды во главе с пашей. Таков в кратких чертах боевой путь Первой конной армии за время гражданской войны.

Сила Конной армии была в крепкой боевой спайке красноармейцев и начсостава. Эту крепкую боевую спайку обеспечила коммунистическая партия, передавшая бойцам лучшие свои боевые традиции, воспитавшая их в духе беззаветной преданности делу Ленина, делу пролетарской революции.

Много бойцов отдали свою жизнь на полях сражений с глубоким убеждением и верой в победу рабочего класса. Они стойко и твердо боролись за дело коммунизма.

Честь и слава погибшим героям!

Да здравствуют славные беззаветной храбрости строители социализма — бойцы и начальствующий состав Первой Конной армии!

М. КРЕМЕНЬ.

НА КАСТОРНУЮ.

Приказ по конному корпусу № 155 гласил о немедленном выступлении корпуса из Воронежа и о переправе его на западную сторону реки Дона.

27 октября (по старому стилю) 1919 г. воронежские обыватели недоверчиво глядели на красноармейцев, собиравшихся в поход, на лохматых и хмурых кавалеристов, седлавших лошадей, на выезжавшие со дворов четверки в тачанках с пулеметами, громыхавшие по мостовым пушки и на бесконечные обозы, покрытые будками и брезентами.

Солнце, точно большой корабль в бурную погоду, ныряло в тяжелых, низко нависших тучах.

Сборы, наконец, были окончены, и семитысячная кавалерийская масса стремительным потоком полилась к реке Дону.

Части 12-й и 16-й пехотных дивизий, подчиненные Буденным, после занятия Воронежа, уныло стояли по линии реки Дона от Семилук до устья реки Воронеж, нехотя охраняя испорченные переправы. Они не стремились их исправлять, опасаясь того, чтобы Шкуро и Мамонтов не переброшили снова своей кавалерии.

Ветер усиливался, крутя в воздухе мелкую снежную крупу.

— Та где ж ты там переправыш? — басил комбриг Маслак.

— У Панская Гвоздлевка, там можно навести переправ, — мягко говорил начдив Городовиков, просительно щуря калмыцкие глаза.

— Та ничего ж не выйдэ, — возражал комбриг, — он учера Апанасенко переправыв... два эскадрона пропало зразу к... Горстока, та мокрэ мисто од их засталось. Я пошукаю броду. Кажуть шо тут дэсь у Нижнем Животинном броде.

— Буденный требует, чтоб мы сегодня переправились у Панской Гвоздевки, — настаивал начдив на выполнении приказа № 155.

— Ну пожь, мы будем бытсья тильке не знаю шо выйдэ, — нерешительно закончил Маслак.

Противник, заметя движение кавалерийских колонн и обозов, яростно стал обстреливать переправы, предполагая, что они исправляются.

Снаряды, преодолевая сопротивление ветра, летели с пронзительным визгом, разрывались и с силой разбрасывали комья мерзлой земли.

Дон неумно ревел. Речная вода клокотала, словно в котле, выбрасывая на синеватую поверхность оглушенную и убитую рыбу.

— Гы-гы-гы! — смеялись красноармейцы, подбирая сазанов и лещей. — На ужин рыбки нам бьют кадюки!

— Хорошо! А ну ище! Гы-гы-гы!

— Тыщи три снарядиков испортили сегодня? А?

— Паника у них! — ухмылялся здоровенный кавалерист, следивший за двумя пехотинцами, подбиравшими рыбу в лодку.

— Определенно паника! — восхищались «рыболовы».

— Брешут гады, все равно завтра будем там, — заключил кавалерист и, повернув коня, поехал вдоль реки.

Вечерело. Части и обозы располагались по ближайшим деревням в ожидании переправы.

— Да усе равно сегодня не переправимся, надо распрягать, — говорил, сидя на бричке, обветренный краснокожий подводчик в барской шубе.

— Скажут, дак переправимся! — отрубил начальник обоза, сидевший на рыжей кобыле.

Порывистый, резкий ветер доносил пулеметную дробь сторожевых застав. К его пронзительному свисту примешивался глухой орудийный гул.

— Чего же наша артиллерия не бьет? — проворчал старик Жихарев, у которого три сына были бойцами и один командиром взвода артиллерии. Сам же он на собственных лошадях ездил другой год обозным.

— Нам снаряды даром достаются, што ли!.. У нас нет хранцузов, да англичанок, штоб нас снабжали, — разъярял

командир обоза—нихай кроють, а наши знай подражничай, а как у них снарядов-то поменьше станет, так наши жик! В атаку, и есть.

Солнце в последний раз взглянуло на переправы, на темные колонны войск и погасло.

Обозы и эскадроны заезжали в дворы, расседливали, распрягали коней.

Неугомонная артиллерия противника долго еще была по реке, освещая красным пламенем потухающий небосклон.

На следующее утро, с первыми солнечными зайцами, запрыгавшими по скользкому полю, Буденный был уже на ногах.

Нахмурив брови, он сурово, смотрел на Маслака, требуя немедленной переправы.

— Найшов. Учера тилько ночью нашли брод. Зараз переправымось, — оправдывался Маслак.

— Вы, Ока Иванович, — строго сказал Буденный, сидевшему на сером коне начдиву 4, — сами будьте у переправы.

— Слушаюсь! — взметнув косыми трещинами век, ответил Городовиков.

— Чтoб в два счета! Понимаете? Чем дольше будете расусоливать, тем больше жертв. Сразу! Раз, раз и там!

— Слухаю. Так мы и так зразу, — заверил Маслак.

— Я после сам подъеду к переправе, — пригнул Буденный и, мягко повернул красавца Казбека, вместе с Дундичем и двумя ординарцами поскакал к 6-й.

— По коням! — хрипло потрубил Маслак.

— По ко-ням!.. — беспроволочно передавали команду стальные кольца командирских ртов.

Быстро стоились железные колонны эскадронов и, как огромные удавы, извиваясь, вытягивались на дорогу, блестя чешую стальных клинков.

По дорогам, ведущим к Животинскому броду, мощным потоком стальных колес, артиллерии, пулеметов и обозов, вся масса устремилаь к Дону.

Комбриг из шахтеров Мироненко, подскакав на вороном к начдиву 4, доложил, что противник заметил движение его бригады.

— Ну и што ж? — ответил невозмутимо начдив, — держи мала-мал свой бригад левее. Артиллерий и пулемет выдвинь

вперед! — посоветовал Городовиков и быстро поскакал к броду, чтобы лично наблюдать за переправой.

— Иван Дмитрич, — бросил он на ходу наштадиву, — через пять минут бери вся музык и приезжай туда.

— Хорошо! — отрывисто прозвучало в сыром воздухе.

Ветер холодными каплями дождя хлестал по бронзовым щекам бойцов.

Противник, заметив движение, стал вилками снарядов накаливать колонны эскадронов.

Пушки, простуженные за ночь на холодном ветру, подозрительно кашляли, выбрасывая вместе с серыми клубами дыма смертоносную шрапнель. Белые пристрелялись, и снаряды падали уже у самого места скопления колонн и обозов.

Но людской и лошадиный поток, гогоча и фыркая, продолжал литься в Дон.

Старые кавалеристы и казаки, заранее подтянув стремена, стоя, переправлялись почти сухими, но большинство переезжало сидя в седлах или плыло вместе с лошадьми, держась за хвост, повод и гривы. Снаряды фонтанами выбрасывали кипящую воду, выбивая на поверхность трупы лошадей, людей и рыб.

— Музыка, марш! — скомандовал начдив 4 подъехавшим трубачам. Бурно всплеснулись звуки «Девятого вала» из медных глоток, бодряще разливаясь вслед неудержимо плывущей людской стихии.

— Гы-гы-гы! — катилось по реке, — смотрите, смотрите! Ваньки топнут! — смеялись старые лихие рубаки над беспомощно барахтавшимися в воде новичками.

— Лови, лови, рыбу!

— Гы-гы-гы! Есть!

Пушки с разгону бросались в реку и ныряли под водой, глубоко погружаясь колесами в песчаное дно. Лошади, хряпя фыркая, еле тащили тяжелую ношу.

Ветер свистел в ушах, крутил разрывы, сыпал шрапнельным дождем. Но красные продолжали литься в Дон непрерывной, неудержимой лавиной. Оркестр перешел на частушки. Плясуны ухитрялись, стоя на седлах, выбрасывать замысловатые коленца, вызывая общий раскатистый смех.

И вот на той стороне, откуда лились раскаленные струи железа и чугуна, уже раздалось остервенелое ура. — Это

мокрые, почти обледенелые, лошади и люди, от которых шел пар, неслись в атаку на оцетиневшегося огнем и сталью противника.

— Ура-а-а-а!.. Ура-а-а-а!..

Противник задохся. Его орудия стали стрелять все реже и реже и наконец совсем умолкли. А спустя немного красноармейцы уже располагались в только-что занятых деревнях Ольховатка-Хватеевка и Гвоздевка.

— Думали не пустить нас гады! Штоб мы мокрые позамерзли в степи! А этого не хотите! — подмигивал строящимся эскадронам Мироненко. — Располагайтесь товарищи, сушись. А кто сухой, ко мне и в сторожевку! — скомандовал он, слезая со своего Ворона.

Переправившиеся части, штабы и обозы, стремясь обогреться и высушиться, мигом заполнили все крестьянские хаты.

* * *

Грозовым раскатом пушек стонал первоноябрьский расвет.

— Ох! Ох! Ох! — таяло в сером тумане.

Батареи 4-й и 6-й кавдивизий посылали белым свинцовые горячие галушки — свежие гостинцы ГАУ.

Не скупились на отдарки и белые.

Противник всю ночь готовил части с тем, чтобы на расвете обрушиться на красных, переправившихся через Дон. Прогнать их во что бы то ни стало обратно и в ней, в казачьей реке, потопить краснопузиков...

Но красные опередили. 4-я, развернувшись вместе с одной бригадой 6-й дивизии, стремительно пошла в наступление на Перловку.

— В рубку! — трубил Маслак.

— В рубку! — гремели Мироненко и Алаухов.

Взвизгнула сталь клинков и заиграла тысячами солнц.

Как две грозовые тучи, гонимые бешеным ветром, неслись навстречу полки. Вот уже близко. Грозовые раскаты ура, потрясали сгущенную атмосферу.

— Хруст. Храп. Хрип. Стон.

— Дзинь бах.

— Ура-а-а-а!..

— За мной братва! — хрипел Маслак.

Генералы Шкуро и Мамонтов, сообразив, что красные могут их обойти, к вечеру сосредоточили под Перловкой 12 полков кавалерии и снова повели бешеные атаки на 4-ю кавдивизию. Но результаты получились еще печальнее: белые, оставив на поле битвы 400 убитых, 4 орудия и 20 пулеметов, откатились на Землянк.

После боя комкор, окруженный штабом, спустился с бугра.

— Молодцы, ребята, спасибо! — поблагодарил комкор усталых рубак и поскакал вместе с комдивом в Перловку.

X * * *

Десять дней упорных боев, жестокие холода до крайности вымотали людской и конский состав. Поэтому, после напряженнейшего встречного боя 10 ноября, когда 6-я дивизия к вечеру отбила у противника 13 пулеметов и много другого имущества, Буденный отдал приказ отдохнуть частям, подковать лошадей, подготовиться к решительному бою за Касторную.

Шкуро и Мамонтов также отдали приказы об отдыхе корпусам и подошедшей им на помощь 12-й кавдивизии.

Рабочая республика в тифу, в стуже, ожидала в огромных очередях осьмушки хлеба, лихорадочно следила за двумя направлениями: Воронеж—Касторная и Орел—Харьков.

Каждая из сторон ставила ставку на эти две точки, с надеждой выигрыша.

Что будет у большевиков: Орел или решка?!

Контрреволюция также лихорадочно следила за этими двумя пунктами и, сидя по ресторанам и кафе-шантанам Ростова, Харькова, Киева, Одессы, Новороссийска, пила авансом за единую-неделимую.

Парижская и лондонская биржи отвечали повышением денкинских бонов.

Пароходы прямого сообщения Новороссийск—Лондон и Новороссийск—Одесса—Таганрог (ставка генерала Деникина) везли обмундирование, сукно, шелка, мануфактуру, пудру, краски, коньяк, ликеры.

Все порты Черного, Азовского и даже Каспийского морей находились в руках белых, их пароходы были загружены иностранными товарами, отвоеванной у Советской республики нефтью, пшеницей, сырьем.

Тифлис, Баку, Ростов, Новороссийск, Севастополь, Одесса, Киев, Харьков, Орел.

Что же там остается еще? Пустяки!

Белая Россия, пей, у нас Орел!

А у них, у большевиков — решка.

Но история сказала другое.

В Серпухове штаб фронта во главе со Сталиным проводил бессонные дни и ночи над картой. Под Орлом сосредоточивали лучшие части курсантов, латышских стрелков, червонных казаков.

Посмотрим, что у Деникина будет: Орел или решка!

Касторинская группа генерала Постовского с его офицерскими батальонами, Марковским и Алексеевским полками, танками и бронепоездами, стальным капканом, волчьей ямой, растянувшись по фронту, преградили путь красным.

Корпуса Мамонтова и Шкуро лихорадочно готовились к решающим боям за Касторную, которую красные кавалеристы прозвали «Касторкой».

Утро 14 ноября родилось в страшном реве орудий, в тревожных гудках паровозов и в стрекотании пулеметов.

Касторинская группа генерала Постовского готовилась не только к защите Касторной, но совместно с корпусами Мамонтова и Шкуро к разгрому корпуса Буденного, который сбил их с московской дороги и мешает продвигаться вперед.

С бешеной остервенелостью они бросились на наступающие части красных, стремившихся взять во что бы то ни стало опорный пункт контрреволюции.

Каждый боец и командир прекрасно понимал важное значение Касторинского узла и прилагали все усилия, чтобы разрубить этот узел с налета в лоб; но не тут-то было.

Штакор, расположившись на ночь в селении Стадница, давно уже был на ногах и получал письменные сводки и донесения по телефону.

Противник стянул к Гордиеву узлу около 3 пехотных, 20 кавалерийских полков¹, 4 танка, 3 автомашины и 5 бронепоездов, был уверен, что красные получат здесь реванш за Воронеж.

¹ Полки были небольшой численности. (Справка бывшего начдива IX корпуса Мамонтова ген. Секретева.)

Наштакор Погребов доложил вошедшему в штаб комкору, что на участке двух дивизий идет ожесточенный бой с переменным успехом.

— Ерунда! — раздраженно проговорил комкор. — Я сам сейчас еду на позицию и заставляю части сегодня же взять Касторную. А что делает шестая? — после некоторого раздумья спросил он, хмурия брови.

— Она исполняет данную ей задачу: следит совместно с пехотой за Мамонтовым, который занимает Нижнедевицк, — ответил Погребов, бегая серыми, как мыши, глазами по смуглому лицу комкора.

— Ага. Ну хорошо! — припачтал Буденный и, нащупав глазами Зотова, коротко бросил: — Едем, Степан Андреевич!

А Степан Андреевич, давно готовый, вытянувшись повахмистерски, односложно буркнул: — Слушаю!

— Держать со мной связь. И донесения присылать вон на тот курган! — выходя из штаба-хаты, показал рукою комкор.

— Слушаются! — ответил наштакор.

Быстро вскочив на коня, прозванного Дезертиром за то, что однажды, вырвавшись из рук ординарца, он убежал с позиции, Буденный, в сопровождении Зотова и двух ординарцев, вихрем помчался к намеченной ставке.

Взобравшись на курган, он окинул глазами картину разыгрывающегося боя.

4-я и 11-я дивизии, почти целиком втянувшись в бой, лихо неслись в атаку на окопавшуюся под прикрытием бронепоездов и танков пехоту. Белые, оскалив зубы стальных штыков, бешеной слюною пуль и снарядов вторично отбивали атаку красных.

Комкор напряженно следил за боем, не отрываясь от бинокля, как бы стараясь через его шестикратные стекла нащупать слабое место противника.

Солнце спряталось за огромные, серые, как бронепоезда, тучи. Свирепый, отчаянный ветер путался под ногами бойцов и лошадей.

На сером Клопе прискакал начдив 4.

Спрыгнув с коня, Городовиков стал докладывать, что с восточной стороны в лоб Касторную взять невозможно.

— Бронепоезда и танки не дают забирать его пехту. Третьи сутки ничего не можем поделать.

— А как одинадцатая? — спросил в раздумьи комкор.

— Она тоже атакует! — ответил начдив.

— А много у белых пехоты?

— Тысячи четыре, пожалуй, будет, — неуверенно процедил начдив сквозь зубы.

— Ну, брат, умри, а пехота чтобы была наша! — как кусок дерева, отрубил комкор.

— Хорошо, попробую еще, — обтирая торчащие усы, безнадёжно ответил начдив.

А комкор, подожженный серой нерешительности, стал метать искры негодующих слов:

— Надо смелей! Сразу! Раз, раз! Два зуба и глаз вон!

— Слушаю! — сказал начдив и, покосившись на пламенеющее лицо комкора, зайчиком вскочил на своего Клопа и поскакал к дивизии.

Не обращая внимания на ветер, обжигавший лицо, Ока Иванович упорно думал о директиве.

— Да, нужно незаметно для противника накопить как можно больше эскадронов в складках местности и внезапно броситься в атаку.

Комкор, стоя на вершине бугра, тоже обдумывал только что данную директиву: сомнение в ее целесообразности надоедливой мухой щекотало его сознание. Он намечал уже новый план перенесения удара.

— Степан Андреевич! А ведь, пожалуй, Городовиков прав. Как ты думаешь, если нам перенести удар на Суковкино, а? — неожиданно спросил комкор.

Степан Андреевич молча поднял на комкора с казачьей хитрецей глаза.

— Ну-ка, дай карту, — потребовал комкор, и они оба, склонившись у карты, начали обсуждать еще раз план разгрома белых. Ветер вырывал карту из крепких рук Степана Андреевича.

— Может быть написать приказание начдиву 4, чтобы он не атаковывал больше противника в лоб? — спросил Зотов, поняв соль нового плана.

— Нет! — сверкнул глазами комкор, — пусть ведет! Ты же видишь, что генерал Постовский со Шкуро и Мамонтовым

хотят нас зажать в подкову. Но мы эту подкову должны сломать во что бы то ни стало!

Буденный, помолчав немного, продолжал развивать свою мысль.

— Нужно сделать так, чтобы одиннадцатая пошла в обход с севера на линию Касторная—Мармарожи. Шестую оставить на месте, поручив ей строго смотреть за Мамонтовым. Здесь оставить заслон из Сибирской бригады, и мы с рассветом 14 ноября четвертой и двумя бригадами перейдем в решительное наступление на станцию Суковкино. Поняли?

— Так точно, понял! ответил Степан Андреевич.

Комкор поднялся, взял бинокль и стал лазить глазами по занятой противником местности. Бронепоезда и танки, как огромные овчарки, отрывисто и хрипло лаяли. Пулеметы заливались мелким свинцовым смешком.

Белые были твердо уверены, что буденновцы не выдержат, растратят свой боевой пламенный порыв и усталые отхлынут. И вот тогда контрреволюция отомстит красным сразу за все — за Ворожеж, за Царицын, за Дон.

Огромными рыбами туч трепало небо. Ветер с визгом проносился по полю, как бы угрожая красным: «Я вам покажу! По-ка-жж-уу!»

На участке 6-й дивизии шла редкая орудийная перестрелка.

Степан Андреевич Зотов, положив на правое колено шапку, писал проект приказа. Ветер озлобленно рвал листы полевой книжки, раздражаясь все больше и больше.

— Ну что, написал? — отрываясь от бинокля, спросил комкор.

— Гото-ов, — протянул Зотов, желая выгадать время на дописание последних строк.

— Читай! — приказал комкор.

Зотов стал читать.

Ветер, рванул из его рук листы бумаги, помчался в лощины и складки местности, где, старательно скрываясь от противника, Городовиков готовил свою дивизию к атаке.

IV артдивизион, часто передвигая батареи, вел не совсем удачный обстрел противника. Глухо стучали пулеметы, захлебываясь холодными струями ветра.

Тучные рыбы ноябрьского неба начали метать белую икру.

Комкор, склонивши голову и морща бронзовый лоб, ловил слова приказа.

— Правильно, верно! — возбужденно произнес он, дослушав приказ. — Посылай!

— Может выждать результатов четвертой атаки, которая с минуты на минуту должна была начаться, — осторожно предложил Зотов, глядя в недоумевающее лицо комкора, и затем быстро добавил, — впрочем, все равно, тогда можно будет отменить.

— Отменять не придется, посылай скорей! — слегка раздражаясь, произнес комкор и, отойдя в сторону, стал наблюдать.

Через две минуты четыре ординарца, проинструктированные предварительно Степаном Андреевичем, мчались в разные стороны, развозя приказ.

— Смотри, смотри, Степан Андреевич, Маслак повел бригаду, — указал комкор левой рукой на селение Котовка-Погожево.

— Да, да, — вглядываясь в артиллерийский бинокль, подтвердил Зотов.

— А это кто же с ним впереди на сером коне? — спросил комкор.

— Политком Алехин, — уверенно ответил Зотов.

— Смотри, смотри, как рубят! — восторгался Буденный, — а вон и бригада Колесова понеслась во фланг.

— Эх! — крикнул Степан Андреевич, — рубка-то рубка какая!

— Ура-а-а!

Ветер метелицей кружил белую крупу, сквозь редкую сеть которой было видно, как люди и лошади с криком, стоном, храпом и бешеной руганью валились на белеющую землю.

Из-за леска, расположенного недалеко от деревни Лозовка, неистово нахлестывая рыжую лошадь, оборванный, с растрепанной ветром головой, к кургану быстро приближался всадник.

— В чем дело? — затревожился комкор, узнав в подъехавшем всаднике своего ординарца, недавно посланного в дивизию с приказом № 164.

Городовиков—начдив 4-й кавалерийской.

— При... приказ отняли!!... — заревел ординарец, — теперь воны уси секретры узнают.

— Брось реветь по-бабьи!.. Рассказывай толком, — строго приказал комкор.

Красноармеец обтер рукавом слезы, выпрямился и начал рассказывать:

— Я подбихав к позиции, мини товарищ каже шо начдив у той колони... шо на бугри. Я и поихав туды! Ихав и все дывывся туды и бачив як воны зтыхалы в балку. Пидбихав, а воны били, сразу схопылы за повод коняку и кажут слизай! Я злиз, воны сразу раздяглы и приказ забралы! А мене узялы и повелы расстрелювать. Колы дивлюсь! Наша втора бригада зайшла с хлангу да як кинулась оравою на их! а воны злякалысь и тикать. Я бачу, той що це наши затрусывся увесь да як бросаюсь на конвойного, вырвав винтовку и убыв, а другой утик! Я взяв цего що був коня и вмисти с товарищами, за имы, думав шо приказ одибьем! Ну деж его одибьеш, колы воны увезлы мабудь в штаб, — закончил красноармеец, и слезы снова покатались из его глаз.

Подумав с минуту, комкор решительно заявил:

— Ну чорт с ним! Не нужно быть разиней! — и обернулся к Степану Андреевичу. Вот, что я думаю: нам нужно сейчас же послать дивизиям, что приказ захвачен противником, но он остается в силе, срок его исполнения изменим и все. У нас было написано с рассветом, а мы выступим теперь же вечером, в остальном без изменения. Поняли!..

— Так точно понял, — ответил Степан Андреевич и быстро принялся писать. А комкор, следя в бинокль за действиями Городовикова, вслух продолжал рассуждать:

— Покуда они за ночь сообразят, да начнут отдавать приказание о перегруппировке своих частей, мы им все карты и перепутаем. Тем более, что они уверены что захваченный приказ мы выполнять не станем.

— Так точно, я тоже думаю, что они не сообразят, в чем дело, и мы им наложим за мое почтение! — подтвердил Зотов.

Солнце с отчаянной стремительностью катилось к западу.

Части 4-й дивизии преследовали белых пехотинцев бежавших точно овцы под прикрытием артиллерийского огня.

Рихрем носились по полю бойцы, блестя стальными клинками, устилая серыми трупами белеющее поле.

Кучка маслаковцев, собравшись вокруг десятка трупов, делилась горячими впечатлениями боя.

На прекрасном золотистом Дончаке ураганом пронесся Дундыч¹, крича ломаным сербским акцентом:

— Эй! За мною!..

Трое быстро вскочили на коней и лихо помчались вслед за Дундычем.

Широким кумачом полыхнул закат. Пулеметы попеременно с отдельными выстрелами винтовок, точно дворняжки, завидевшие посторонних прохожих, заливались хриплым прерывистым лаем.

Ветер подхватывал их злые голоса и, кружа вместе с мятежью, рассеивал по полю...

Комкор все еще стоял на кургане.

— Ну что, получили новый приказ? — нетерпеливо обратился он к группе подъехавших всадников.

— Так точно получили! — раздались голоса.

— Но мы приехали получить разъяснение, — проговорил военкомдив 4 Детистов.

— Ведь люди и лошади устали, целый день не ели, дрались!

— А ночью приходится опять действовать!

— Так что, конечно, я думаю чужало будить, тем болей, што шестой сегодня кажись мало дралсы! Но ничего не поделаешь товарищ, когда обстановка сложилась такой, што надо действовать, то конечно, придется действовать, — разъяснил им раньше успевший подъехать Городовиков.

Комкор молча смотрел на его смуглое, скуластое лицо, потом добродушно усмехнулся и мягко, но решительно заявил:

— Нет! Иначе нельзя! Иначе противник нас разобьет! Если мы сегодня ночью не сумеем обойти его и расколоть пополам, он нас обойдет завтра. Эту операцию надо выполнить во что бы то ни стало. Иначе будет плохо. Я буду вместе с вами, — и, наклоняясь к карте, разостланной на колене Зотова, комкор стал разъяснять задачу.

¹ Сербский офицер, легендарный герой Первой конной, погибший в боях с белополяками под Ровно в августе 1920 г.

Было уже темно или вернее бело от густого снега, плясавшего под заунывную шарманку ветра, когда четвертая строилась в колонны. Люди и лошади, накормленные сытым ужином, лениво вытягивались из деревень, где был устроен короткий привал.

— Не курить! И громко не разговаривать! — приказал комдив, пропуская части.

Через полчаса живой двухрядной гармонией, то сжимаясь, то растягиваясь, четвертая двинулась по степи.

Буран гоготал, визжал, свистел. Лошади, фыркая, ступали по незнакомой, занесенной снегом дороге. Колеса тачанок, бричек и орудий глухо рокотали.

— Сучья свадьба, а не погода! — сердито буркнул один кавалерист.

— Глаза не дает раскрыть, — хрипел, как простуженный, другой. — Так и лепит, так и лепит!

— Попадем, прямо к гадам в пасть, да и не выскочим.

— Им что, они выскочут, у них кони хорошие, а с нашими попробуй — выскочишь!

— А тебе кто не велит достать хорошего? Рукава болят добыть коня в бою?!

— Гайка слаба!

— Что ж ты ругаешь, браток, подо мной четвертую уже убили.

— Тише, братва, Буденный!

Буран с диким воем кружился по полю. Он ударял в мохнатые струны телеграфных проводов, отчего они неистово и тоскливо гудели.

За сто шагов вперед ничего нельзя было видеть. Движение конницы становилось все медленнее.

Каждый командир, боец и возница чувствовали приближение решительного момента, каждый понимал, что от осторожности и смелости действий зависит не только выигрыш боя, но и собственная жизнь.

— Стой! — тихо прозвучала команда. И бережно, полупопотом, стала передаваться для исполнения по колоннам.

— Без шума, пулеметы вперед.

Крепким вином входили в сознание кавалеристов слова боевого приказа. Они опьяняли, будоражили и заряжали каждого бойца единой волей, — умереть, но выполнить приказ.

— Тише! — еще раз пробежало по колоннам.

Станция Суковкино выросла перед глазами передовых бойцов совершенно неожиданно, и они, огибая ее железной цепью своих рядов, стремились как можно скорее затянуть у нее на шею петлю.

Глухая, степная полночь.

На белоснежном фоне лишь кое-где фонари и керосиновые лампы мигали красноватыми точками.

Белый бронепоезд, как и его команда, сладко спал издавая мерное сопение.

— Тшш — псс! Тшш — псс!

Белые не проснулись даже от криков ближайших постов, внезапно захваченных красными.

Батальон охраны спал вповалку в помещениях первого и третьего классов.

Комендант станции, молодой поручик, так же как и телеграфисты, потирая сонные глаза, не сразу поняли, в чем дело.

— Где ленты последних разговоров со штабом и депеши по линии? — строго спросил Буденный, вошедший в телеграф в сопровождении Дундича и Зотова.

— Встать от аппарата! — крикнул он, заметив, что телеграфист пытается ответить на вызов.

Пленные замерли, только теперь отчетливо поняв свое положение.

— Ценою жизни я требую объяснения обстановки, — коротко, как кусок удушающей веревки, бросил комкор.

Старший телеграфист подал депеши и ленты. Комендант, козырнув дрожащей рукой, попросил разрешения говорить.

— Только, поручик, помните, ответственность за каждое ваше слово, — предупредил комкор.

— Слушаюсь, — свякнул шпорами пожелтевший осенним листом комендант и начал обрисовывать обстановку.

Вошедший через некоторое время начдив 4 доложил, что все выполнено в точности. Команда бронепоезда и батальон разоружены. Станция со всех сторон оцеплена густым кордоном. Разведки в сторону Бычек и Касторная усилены.

— Так что противник ни на станцию, ни со станции проникнуть не может!

— Следите пожалуйста! Строго следите сами! Чаше ставьте меня в известность и немедленно пришлите связ-

ных, — приказал комкор. — Да вот еще, — добавил он, — сейчас же подобрать прислугу на бронепоезд.

— Слушаюсь, — козырнул начдив и быстро вышел на платформу, где его ожидал наштадив.

На ходу он приказал наштадиву заняться формированием бронепоездной прислуги, а сам с комиссаром Детистовым поехал снова проверять посты охранения и разведку.

Радостно бились сердца бойцов. Злой буран им казался теперь веселым балагуром, трубящим на весь мир о трофеях, пленных генералах и офицерах, которых сейчас допрашивает сам Буденный.

— Я двух гадов придавил! — хвастался здоровенный детина в матросской фуражке, — абоя стояли в секрете — один поручик, а другой есаул. Только кекнули, как куры на нашестви!

— Да брешешь — одново!.. Мы же вместе были, — проговорил другой.

— Вместе-то одново, а я еще после другога гада пришел! — выпутывался матрос.

— Товарищ тожа!..

— Так вы говорите, что в Касторной четыре бронепоезда, — допрашивал комкор бывшего коменданта ст. Суковкино.

— Так точно! — отвечал последний, вытунувшись желтым кантом.

— Так-ак! Это хорошо! — тянул комкор, соображая, что предпринять, — связь со штабами, говорите, полная?..

— Так точно! Вот последний разговор мой со штабом группы Постовского.

Комендант показал несколько сколотых листков телеграфного бланка, из которого было видно, что штаб группы предупреждает коменданта быть сугубо бдительным, так как кавалерия Буденного может всею массою обрушиться на станцию на рассвете 14 ноября.

В целях готовности и большей безопасности предлагалось вызвать из резерва штаба Шкуро (селение Бычек) полк-два кавалерии. И если нужно, штаб группы обещал выслать еще один бронепоезд.

— Ага! — почти вскрикнул от радости комкор. — Так что же, вы вызвали?

— Так точно, вызвал. Из Касторной бронепоезд «Слава офицерам» подойдет сюда минут через 20—30, а два полка кавалерии из селения Бычек должны быть к рассвету, — ответил комендант.

— Великолечно, — вскочил с места комкор, — Степан Андреевич, срочно вызвать начдива.

— Слушаюсь! — ответил Зотов, беря неуклюже под козырек.

— А с Мамонтовым связь есть? — продолжал задавать вопросы комкор.

Комендант из кожи лез, подробно обрисовывая обстановку и угодливо представляя комкору соответствующие документы и ленты.

Телеграфисты со страхом и любопытством рассматривали Буденного, одно имя которого наводило в последнее время панику в белых штабах, в частях, обозах и по станциям.

Спустя немного вошедший в сопровождении командира или политкома дежурный по станции отрапортовал, что бронепоезд подходит к станции.

— Все готово? — спросил комкор у стоящего рядом начдива.

— Так точно, все!

— Принимайте! — приказал комкор дежурному по станции, — а вы, Ока Иванович, — обратился он к начдиву, — проследите сами за приемом, чтобы не напутали.

Начдив и дежурный по станции быстро вышли на пути.

Прошедший за переведенные и немедленно замкнутые стрелки путей бронепоезд «Слава офицерам» был окружен спешенными кавалеристами. На команду: «Вылазь» — белые попытались было оказать сопротивление, но наведенные в упор пушки с бронепоезда «Гром победы» заставили их покориться.

— Штаб группы генерала Постовского вызывает начальника штаба корпуса Шимер-Маркевича, — доложил посаженный за аппарат корпусной телеграфист.

— Отвечайте — Шимер-Маркевич у аппарата, — приказал наштакор.

— Командующий Касторинской группой спрашивает, как у вас дела. Дежурный по штабу группы полковник Гонецкий, — читал наштакор Погребов.

— Отвечайте, — приказал комкор. — Несмотря на снежную мять и ночь, противник сильными разбедами атакует наши передовые посты у станции Суковкино точка Только что подошедший бронепоезд «Слава офицерам» был обстрелян на перегоне Суковкино и сейчас вместе с «Гром победы» ведут артиллерийскую перестрелку примерно с двумя батареями противника точка Я немедленно по приказанию генерала Шкуро высылаю из вашего резерва одну кавбригаду точка.

— Что делает генерал Мамонтов? Мы никак не можем добиться с ним связи, — задал вопрос Гонецкий.

— Постойте! — остановился Буденный и, немного подумав, сказал: — Отвечайте: Мы тоже два раза вызывали его штаб, но он почему-то не отвечает точка Сейчас попытаемся вызвать и тогда вам скажем.

— Хорошо, буду ждать у аппарата. Гонецкий.

— Что прервал? — забеспокоился Буденный.

— Так точно, — ответил телеграфист, — но он у аппарата...

— Очень хорошо! Теперь вот что: вызывайте от имени Мамонтова штаб Шкуро, скажите, что он с частями корпуса находится на станции Суковкино, и требуйте присылки до рассвета одной кавбригады.

— Слушаюсь, — ответил наштакор.

— Тр-ту-та! Тр-ту-та! Тр-ту-тут! Тр-ту-тут! — грыз мышинными зубами потрепанный Морзе, прокусывая ленту и слюнявя ее черной краской.

Весь штаб напряженно и молча ждал ответа на вызов.

Старый Морзе, забитый, заезженный рядовой работник огромной телеграфной сети, знал много тайн, но такого разговора ему никогда не приходилось передавать.

— Тут-тут! Тут-тут! — выкусывал он подтертыми зубами сапфира.

— Ззд-есь! Ззд-есь! — хрипела заводная пружина.

— У аппарата дежурный по штабу корпуса генерала Шкуро — капитан Грачев, — расшифровывал ленту телеграфист, не отрываясь от аппарата.

— Ага, великолепно! отвечайте: У аппарата командующий корпусом генерал Мамонтов точка Немедленно доложите генералу Шкуро что сложившаяся обстановка вынудила ме-

ня отойти к станции Суковкино где я в данный момент и нахожусь точка Буденный крупными силами не менее трех дивизий стремится выбить нас со станции точка Но при поддержке двух поездов присланных генералом Постовским я отчаянно сопротивляюсь точка Нужна вапа срочная помощь и обязательно до рассвета не менее одной бригады точка Со штабом Постовского связь имею.

— Слушаюсь, сейчас доложу.

Аппарат замолк. Телеграфист взял масленку, подлил в корыто черного пойла и сел в ожидании ответа.

Буденный расправил черные, густые усы и, наклонясь к присутствовавшим Городовикову, Зотову, Детистову и Погребову, стал о чем-то вполголоса беседовать.

— Ввуу! Внууу! Ввууу! — ууу!!! — гудел и бесился за окном буран.

— Товарищи, кому делать здесь нечего, могут оставить помещение, — оторвался от разговора комкор.

Зелеными грушами посыпались любопытствующие из помещения.

— А вы останьтесь, — обратился комкор к бывшему коменданту.

— Слушаюсь! — сказал тот и, как побитая собака, отошел в сторону, вопросительно виляя глазами.

— У аппарата дежурный по штабу поручик Грачев, — передал телеграфист.

Все устремились к аппарату.

— У аппарата генерал Мамонтов! — ответил Погребов.

— Генерал Шкуро приказал немедленно поднять гренадерскую бригаду, и она к рассвету, а может быть и раньше, будет в вашем, ваше превосходительство, распоряжении точка Генерал Шкуро просит чаще его информировать о положении точка Грачев точка.

— Хорошо! Передайте генералу привет и мою искреннюю благодарность за помощь точка Мамонтов.

— Все? спросил телеграфист.

— Да все! А что же вам еще надо, — смеялся Буденный и, потирая руки, обратился к начдиву 4. — Здорово, а? Как ты думаешь?

— Да ничего, теперь надо подготовить им хорошую встречу, — ответил Городовиков.

— Ну вот, иди и подготовь, а мы пока будем вести переговоры с Постовским, сколько и чего он еще нам пришлет,— весело говорил Буденный, хлопая по плечу Городовикова.

Городовиков и Детистов направились к выходу. Буденный подошел к коменданту.

— Так вы говорите, что главная база снабжения патронами, снарядами и прочим находится в Касторной?

— Да, она по распоряжению командующего Касторинской группой, генерала Постовского, дней пять как прошла туда и находится на колесах.

— Это вы точно знаете?

— Совершенно точно, — подтвердил комендант.

Подумав несколько секунд, Буденный решительно приказал телеграфисту:

— Вызывайте Касторную — штаб группы.

Буденный, Зотов, Погребов и военком Беляков с напряженным вниманием, склонившись как у постели больного, следили за бием нульса ненадежного Морзе.

Им казалось, что сердце старика вот-вот откажется работать, и все облегченно вздохнули, когда телеграфист объявил:

— У аппарата дежурный по штабу полковник Гонецкий.

— Отвечайте! — радостно выпрыгнуло изо рта у Буденного.

Погребов уселся поудобнее на табурет и стал диктовать:

— У аппарата комкор Мамонтов точка Вы очевидно полковник немного удивлены почему я здесь. Именно здесь на станции Суковкино но обстановка неблагоприятно сложившаяся для моего корпуса вынудила меня отойти сюда и я сейчас совместно с предусмотрительно присланными вами бронепоездами отбиваюсь от красной саранчи Буденного которая несмотря на вьюгу летит черт знает как точка Передайте пожалуйста сейчас же генералу Постовскому что без его поддержки я вряд ли долго смогу продержаться хотя мне генерал Шкуро и обещал к рассвету помощь но боюсь что будет поздно точка Я думаю что базу с огнеприпасами при создавшемся положении держать в Касторной по меньшей мере рискованно точка Мой совет генералу Постовскому немедленно под прикрытием бронепоезда и надежной охраны двинут все огнеприпасы продовольственную и вещевую базу на Старый Оскол точка Комкор Мамонтов точка

— Слушаюсь, сейчас доложу! — ответил полковник Гонецкий.

Аппарат замолк. Буденный ходил по небольшой комнате станционного телеграфа и думал, что делает теперь его одиннадцатая дивизия, с которой не было у него связи и которая должна была наступать с рассветом с севера на Касторную.

А у нее в это время не все было благополучно. Она напоролась на добровольческие штыки марковцев, и ее 63-й полк был смят и понес значительные потери. Кроме пулемета,

Типы бойцов Первой конной армии.

этот полк отдал белым до 100 человек пленными, которые немедленно были расстреляны.

Буденный ходил, сосредоточенно думая, не зная, что у него происходит на правом фланге. За левый он был спокоен. У него разгорался аппетит насчет того, чтобы группу генерала Постовского забрать целиком. Простая задача овладения Касторной его теперь уже не удовлетворяла.

— А как вы думаете, Степан Андреевич, — обратился он к Зотову, — что сегодня одиннадцатая вела бой или нет?

Наштакор Погребов не слышал вопроса, он дремал, сидя на табурете, схилившись головой на стол.

— Думаю, што вяла, — с сильным казачьим выговором ответил Зотов.

— Да если и вела, то наверное неудачно, — уверенно продолжал комкор.

— Почем знать? А можа и удачно! — возразил Зотов.

— Нет, Степан Андреевич, чувствую, что неудачно: дивизия еще слабая, а у противника там силы большие и отборные.

— Но ведь нам не важна ее удача, нам важно, чтобы она приковывала к себе внимание противника. Завтра мы их должны с потрохами сожрать, нам одиннадцатая должна быть заслоном с той северной стороны, штоб они не убежали в Москву, — скаля зубы, весело говорил Зотов.

— Ха-ха-ха! — это ты верно, Степан Андреевич, придумал, а то чего доброго могли убежать и в Москву, — смеялся Буденный.

— Тр-ту-тыт. Тр-ту тыт, — клевал, как сойка, сонным носом Морзе.

— Зд-есссь... Зд-ессь, — кричало его пружинное горло.

— У аппарата полковник Гонецкий, — как-то испуганно объявил телеграфист, с трудом отгоняя дремоту.

— Замечательно, — прервал Буденный разговор с Зотовым. — Отвечайте: У аппарата Мамонтов... Нет, не Мамонтов, подождите. Вы что передали?

— Я еще ничего не передал, — спокойно ответил телеграфист.

— Ага, ну вот! — комкор толкнул в плечо спавшего Погребова: — передайте: сейчас позовем генерала Мамонтова. — Передали?

— Да! — односложно бросил телеграфист, смертельно хотевший спать.

Разбуженный Погребов, плохо соображая, недоуменно огляделся вокруг красными от бессонницы глазами.

Буденный, посмотрев на него с укоризной, обратился к телеграфисту:

— Передайте, что комкор Мамонтов у аппарата.

— Командующий группой генерал Постовский приказал немедленно направить часть грузов с огнеприпасами, продовольствием и офицерские вещи на Старый Оскол точка Два паровоза имеются под парами которые немедленно отправля-

ются точка. Думаю что до рассвета нам удастся отправить все грузы точка Полковник Гонецкий точка

— Великолепно! — мячиком запрыгало в комнате.

— Это самое главное—огнеприпасы! — потирал руки Зотов.

— Спросите, что же грузы будут сопровождаться бронепоездом или пойдут прямо? — приказал телеграфисту Буденный.

— У нас осталось два бронепоезда, из которых один ушел на Щигры точка Мы постараемся во всяком случае послать с сильной охраной. — Простукал ответ Морзе.

— Отвечайте: я все же настоятельно рекомендую под охраной бронепоезда, так как линия может быть каждый час перехвачена противником точка. Комкор Мамонтов точка

— Хорошо, будет сделано точка Полковник Гонецкий точка

— Степан Андреевич, а где же начдив, — спросил Буденный.

— А он ведь готовит встречу бригаде, — ответил Зотов.

— Ах, да!... Ну дела пока идут прекрасно! Я вот только думаю, чего бы посоветовать Мамонтову, чтобы облегчить положение 6-й дивизии, а?... — озадачил Буденный Зотова который, приложив карандаш к толстой нижней, всегда потрескавшейся, губе, туго думал.

— А што, если ему от имени генерала Шкуро предложить перебросить одну бригаду сюда к станции Суковкино, — продолжал комкор.

— Думаю, что он не послушает, так как у них со Шкуро, по сведениям пленных, большие нелады, лучше от имени Постовского, это будет вернее, — отозвался Зотов.

— Да пожалуй ты прав! — вмешался комиссар штакорта. Беляков. — Между ними действительно какая-то свара. Шкуро хочет быть старше, а Мамонтов ему не хочет подчиняться, это верно. Вот для этого вероятно Деникин и поставил на пост командующего группой Постовского; ведь Шкуро является представителем Добровольческой армии, а Мамонтов вышел из Донской и является ее представителем. А кому же не известно, что между Красновым—донским атаманом—и Деникиным была большая склока, пока, наконец, Краснова не удалось им свалить. И кубанскую раду Деникин расстрелял ведь тоже из-за этого. Он теперь является на бумаге

полным диктатором, правителем Юга России, как он себя именует, а на деле выходит развал фронта, — закончил Беляков, глядя на Буденного большими синими глазами.

— Да, — с жаром заговорил встрепенувшийся Зотов, — он был донским казаком и интересы Дона для него были своими, близкими! Конечно казаки не будут подчиняться Добрармии, хотя Деникин и назначил теперь верных ему атаманов: Богаевского Африкана на Дон, а на Кубань Филимонова, но ведь это все дутые атаманы, которые были и при царе атаманами, они там не популярны и их слушать никто не будет!

— А нам все это наруку, — сделал вывод Буденный.

— Конечно наруку, — согласился Зотов и посмотрел на часы. — Ого время того, к рассвету близится.

— Два эшелона с бронепоездом со станции Касторной идут к нам. Как прикажете? — доложил Гонин, временно назначенный комендантом станции Суковкино.

— У вас к приему все готово? — нахмурился Буденный.

— Так точно, бронепоезда наготове и люди в засаде есть, — ответил комендант штаба корпуса т. Гонин.

— Ну тогда принимайте, — приказал комкор и, взглянув на дремавшего Погребова, добавил: — Степан Андреевич, пойдем-ка с нами на пути. А вы, — обратился он к военкому штаба т. Белякову, — передайте генералу Мамонтову то, что мы наметили.

— Слушаю, — ответил Беляков.

— А если что возникнет, то позовите меня, я буду на путях... к Ростову! — смеялся Зотов.

— Да, это верно, теперь к Ростову! — убежденно подтвердил Буденный, и они вышли на платформу станции. Буран несколько уюмонился, провода телеграфа уныло гудели, жалуясь на столбовую усталость. Чувствовалась близость утра.

— Ну как?... Степан Андреевич, — спрашивал возбужденный большой удачей Буденный.

— Хо-ррошио! Хо-ррошио! — отвечал Зотов.

— Везет нам, Степан Андреевич, мы их теперь разгромим в два счета!

Из сереющей мглы осторожно выползал бронепоезд «На Москву». За ним, как две длинные баржи, силуэтами выри-

совывались эшелоны. Семафор открыл им путь, и они, ничего не подозревая, полезли в засаду.

— Ну как тут? — спросил, вылезая из дульмана, командир бронепоезда, слыша вдали одиночные выстрелы, с запада от станции.

— Да ничего, отогнали красных, — ответил Буденный и, переменяв тон, скомандовал: — Командир бронепоезда, немедленно к генералу Мамонтову, он вас ждет на телеграфе станции.

— Слушаюсь!

— Ну, как благополучно проехали? — спрашивал Зотов команду бронепоезда.

— На последнем перегоне нас обстреляли из пулеметов, но мы им дали такого жара, что они быстро скрылись, — врал хвастливый щупленький офицерик.

— Ага! хорошо, — сказал Буденный, — а теперь вот что: прикажите команде бронепоезда построиться на платформе станции, так как по всей вероятности генерал Мамонтов поздравит команду и скажет ей несколько слов.

— Слушаюсь — ответил командир поезда.

Вмиг была подана команда построиться на платформе. Люди мячиками запрыгали на землю.

— Наверно у Городовикова неблагополучно, слышите: там усиливается стрельба, — беспокойно прошептал Буденный, нагибаясь к Зотову.

— Сейчас узнаю! — ответил Зотов и, подозвав бессменного дежурного по штабу т. Лемешко, приказал ему немедленно выяснить, в чем дело. Но уже через две минуты прискакавший на сером Клопе начдив 4 доложил, что все благополучно ликвидировано, ни один человек в сторону селения Бычек не ушел; сюда направляются около 300 пленных.

— А что за стрельба была там у вас? — недоверчиво осведомился Буденный у Городовикова.

— Человек пять офицеров пытались бежать, ну ребята их и того...

— Снимай оружие! — приказал опешившей от неожиданности команде бронепоезда красный комендант станции Гонин.

— Ну теперь у нас все есть для полного разгрома противника и захвата Касторной, — радовался Буденный, глядя в испуганные лица разоруженной команды.

Огромным выменем симменталки выползло солнце из-за молочных сугробов туч. Кругом было бело и пустынно. Затихший было ветер теперь снова начал свирепеть, бросая в лица бойцов пылью холодного колкого снега. Преодолевая его бешеное сопротивление, полки, орудия, обозы 4-й дивизии и два бронепоезда двигались вперед, сливаясь с общим фоном молочного дня.

— Даешь Касторную! — проезжая на любимом Казбеке, бросал Буденный полкам и батареям.

— Даем Касторку! — комкал ветер радостные крики бойцов.

Степь уже дрожала от гула орудий Касторинской группы и 11-й дивизии.

Бронепоезда с новыми командами получили задание продвинуться вперед под монархическими флагами белых, ворваться на станцию и только после этого открыть огонь.

Штаб группы, как и комендант станции Касторная, получили донесение, переданное по телеграфу со станции Суковкино, в котором «генерал Мамонтов» сообщал о полном разгроме Буденного и о том, что бронепоезд «Гром победы» и «Слава офицерам» следуют обратно.

Белые в Касторной ликовали, рассылая радио о поражении красных. И вдруг, как снег на голову, обрушился на Касторную Буденный, ворвавшийся с бронепоездами и частями под видом белых.

Осатаневший от ужаса и неожиданности противник отчаянно сопротивлялся.

— Бросай винтовку! Клади оружие... Сдавайся, сволочь! — хрипло кричали МIRONЕНКО и МАСЛАК, лихо рубя не желающих сдаваться.

Вихрем носились бойцы 4-й кавбригады в атаку на пулеметы, танки, бронемашины¹, разоружая и сгоняя пленных под защиту бронепоездов, которые, освоившись с пленом и красной братвой, ретиво защищали советы².

¹ В 4-й кавбригаде 4-й дивизии в славных боях за Касторную вышло из строя убитыми и ранеными до 80% состава, но зато она отвоювала себе славное первенство у других бригад.

² Бронепоезд „Слава офицерам“ был переименован в „Красный кавалерист“, а „Гром победы“ — в „За Советы“.

Ликвидация противника подходила к концу. Буденный временно разместился со штабом на станции Касторной, имея связь с штабами Мамонтова и Шкуро и продолжая вводить их в заблуждение.

Начдив 11 Матузенко, после трех дней самостоятельных операций, докладывал Буденному ход развития боев и результаты побед, главным образом 1-й бригады, которая больше всех имела трофеев и пленных.

— Великолепно, — сказал Буденный, отрывая глаза от карты, — теперь можем и отдохнуть.

— Денька два-три? — улыбнулся Матузенко.

— Да, наверное так, — ответил Буденный, прощаясь с ним.

— Степан Андреевич, — обратился комкор к Зотову, — нам нужно подсчитать трофеи и пленных и немедленно сообщить фронту.

— Слушаю! А по радио тоже прикажете послать сводку? — спросил Зотов.

— Да, и по радио тоже, — устало пробормотал комкор, уходя спать.

Тихо было вокруг Касторной, утомленные бойцы и командиры, окутанные черной шубой ночи, спали по квартирам, отдыхая после побед.

Радиоволны темной ночи передавали:

Всем! Всем! Всем!

15 ноября 1919 г. Касторинская группа генерала Постовского как и корпуса генерала Мамонтова и Шкуро разгромлены красными орлами Первого конкорпуса. Наши трофеи: 4 бронепоезда, 4 танка, 4 бронемашины, 22 орудия, свыше 100 пулеметов, десятки тысяч снарядов, 2 миллиона патронов, 5 000 винтовок, свыше тысячи лошадей и до 3 000 плен-ных.

АНДРЕЙ ИРКУТОВ.

О КРАСНОАРМЕЙЦЕ ПЕТРЕ ПЕТРОВЕ.

I.

Красноармеец Петр Петров
Еще недавно в Красной армии.
Здесь каждый час и день для парня
Так неожиданен и нов.
Была деревня — сорок хат...
В ней жил отец Петра Петрова:
Старик не беден, не богат:
Две лошади, одна корова.
Была гнетущая тоска,
И на раздолье сенокоса
До боли крепкая рука
Сжимала гнущуюся косу!
А в дни апреля, в дни весны,
Когда ручьями пели горы,
Петру казались тесны
Полей немеренных просторы!
Уйти? Бежать в иную даль...
Тоска сильней, а песня глуше,
И все мучительней печаль
В тенета скуки вяжет душу.
Когда ж в деревне красный зов
Поднял и пешего и конного,
С отцом простившись, Петр Петров
Пошел под алый стяг Буденного!
За фронтом фронт, за боем бой,
И скоро в племе и с винтовкой
Он стал как все: такой лихой,
Такой уверенный и ловкий!

И вот уже как будто сон
Отец и даль деревни мгlistой:
Крестьянский парень превращен
В заправского кавалериста!

II.

Вчера сказали: боя ждем,
Сегодня всех бойцов созвали.
Им об Интернационале
Доклад читает военком.
Слова просты, слова ясны,
А мозг и душу жгут, как пламя.
— Деремся, братцы, не одни:
— Весь мир трудящихся за нами.
— Мы только маленький отряд,
— Мы только дерзкое начало.
— За нами в грозный бой спешат
— Ряды Интернационала.
— Сжимайте крепче ваш клинок,
— Держите выше ваше знамя.
— За нами Запад и Восток,
— Весь мир трудящихся за нами.
— И те, кто в эти дни назад
— Не возвратятся из похода,
— Пусть знают: память сохранят
— О них восставшие народы.

III.

Всю ночь не спалось до утра
Бойцу в душистом сеновале.
Глубоко в памяти Петра
Слова великие запали.
Весь мир, все земли! Эка ширь!
Вот где простор руке могучей!
И Петр как будто богатырь
И будто шлем до самой тучи!
Вот где пройти с косой своей!
Вот где от края и до края
Очистить ширь мирских полей
Для небывалых урожаев!

Мы не одни...
Скорей бы в бой!
Скорей бы, подтянув подпруги,
Лететь, пригнувшись над лукой,
И пашкой звонкой над собой
Чертить пылающие круги!

IV.

Едва забрезжила заря
Трубят труба раскат тревоги.
Коней замученных бодря,
Красноармейцы у дороги,
Ловя команду, держат строй,
Со сна ругаясь и зевая:
— Вчера был бой, сегодня бой...
Враг притаился за рекой
И ждет затравленный и злой,
Минуты отдыха считая:
— Вчера был бой, сегодня бой!
Шрапнель пропела в вышине.
Метнулось облачко, другое.
Шрапнель пропела в вышине.
Шесть человек ушло из строя!
Что ж? На войне, как на войне!
Шрапнель пропела в вышине!
Как будто сучья за рекой
Ломают спугнутые звери.
Треск беспорядочный, сухой,
Короткий залп, еще потери!
Как будто сучья за рекой
Ломают спугнутые звери!
Пора, пора, смыкай ряды,
Подальше раненых от строя.
Враг за рекой не ждет беды,
Враг за рекой не хочет боя!
Пора, пора, смыкай ряды!
Подальше раненых от строя!
Пора!
Команда: пашки вон!

И вот по вспугнутому полю
Летит в атаку эскадрон!
И крик бойцов как будто стон:
Какой простор, какая воля!
Пора, команда: пашки вон!

V.

Петр впереди! Безумен лёт
Коней, распластанных в карьере!
Все злей стрекочет пулемет.
Врага бесчисленны потери.
Петр впереди! Безумен лёт
Коней, распластанных в карьере!
Петр впереди! Петр сам не свой
Кунает сталь в кровавых росах!
Дорвался он с своей косой
До настоящего покоса!
Петр впереди! Пощады нет!
Рука от взмахов не устала:
— Мы не одни. За нами след
— Ряды Интернационала!
— Мы только маленький отряд,
— Мы только дерзкое начало.
Вперед грядущих зорь солдат,
Солдат Интернационала!

VI.

Стихает и гаснет умчавшийся бой
В полях зеленеющих новью.
У самой воды над кровавой рекой
Солдат, истекающий кровью.
Глаза не закрыты, и взгляд их суров,
Рука не рассталась с наганом.
Как будто силен еще Петр Петров,
Как будто бы снова в атаку готов
Итти с незакрывшейся раной.
Глаза не закрыты, и чудится им,
Что возле песчаного ската
Проходят рядами один за другим
Интернационала солдаты.

Уверенна поступь железных шагов,
Все в отсветах красных пожарниц
Над трупом склоняются:
— Здравствуй Петров!
— Спасибо за службу, товарищ!
— Я в вечной работе гну спину свою,
— Я в шахтах клянусь свою долю.
— Спасибо, товарищ, погибший в бою
— За нашу грядущую волю!
— Я — кули от берега Желтой реки!
— Я — бедный крестьянин Памира!
— Спасибо, товарищ, от вражьей руки
— Погибший за будущность мира!
— Я — негр, чья спина ненавистным бичом
— Изранена в Африке знойной.
— Спасибо, товарищ, мы скоро придем
— На смену! Усни же спокойно!
— Спасибо, товарищ. Проститься с тобой
— Пришли мы. И снова и снова
Проходят. И каждый своею рукой
Жмет мертвую руку Петрова.
Порывы зарницы, неожиданной, как взрыв,
Встают за рекою кровавой.
А кони Буденного мчатся в прорыв
За новой победой и славой.

Москва—Гомель 1922 г.

С. ТИМОШЕНКО.

ИЗ ПОЛЕВОЙ КНИЖКИ.

Конная армия героическими усилиями заняла город Ростов. Бесперывные бои и страшные холода сильно измотали наших бойцов, однако медлить было нельзя. Нужно было боевые операции развивать дальше, чтобы противнику, ошеломленному сдачей г. Ростова, не дать возможности опомниться.

Реввоенсовет Конной армии решил, что для успешности борьбы в силу особенностей складывающейся обстановки необходимо перебросить армию на станицу Великокняжескую, чтобы обходным движением нанести фланговый удар противнику, действующему по правому берегу р. Дон против нашей 9-й армии. Командующий же фронтом с таким решением не соглашался и требовал выполнения ранее поставленной задачи, сводящейся к тому, чтобы переброску армии на правый берег р. Дон не производить, а действовать против того же противника, но с фронта. Мнения разделились. Преимущество решения Реввоенсовета Конной армии заключалось в том, что оно позволяло нанести противнику жесточайший удар, к тому же выйти во фланг белым было вполне возможно, так как переправы через Дон находились в наших руках. По варианту же командования фронта действовать было неудобно не только в силу стратегических соображений, но еще и потому, что местность предстоящих действий представляла сплошное болото, хотя и замерзшее, но не позволявшее продвигаться войскам. Ясно, что решаться на действия в подобных условиях значило погубить армию. Однако нужно было действовать, ибо нашим малейшим промедлением мог воспользоваться противник для захвата инициативы. Но действовать так, как приказывало командование фронта, большинство командного состава, в том числе пишу-

щий эти строки, считало неправильным. В среде командного состава начался глухой ропот.

Учитывая создавшееся положение, Ворошилов и Буденный донесли о невозможности выполнить задачу, возлагаемую на армию командованием фронтом.

От фронта последовало вторичное подтверждение о немедленном выполнении приказа. Реввоенсовет Конной армии, по-прежнему настаивая на своем, решил взять на себя величайшую ответственность. Тов. Ворошилов и Буденный по телеграфу донесли тт. Ленину и Сталину о том, что задание, возлагаемое на армию фронтом, есть или грубое непонимание стратегической обстановки, или, хуже того, — преступление. На основании этого они просили отменить приказ командования фронтом.

Как сейчас помню, командиры полков и бригад спрашивали меня: «Что же будет?» Стоя всецело на стороне решений Конной армии, я отделялся молчанием, поскольку не знал, как отнесется к этому решению центр.

Ответ из центра все ожидали, как смертельного приговора. Наконец на второй день после подачи телеграммы ответ был получен: нам разрешалось действовать согласно решениям Реввоенсовета Конной армии. Все с облегчением вздохнули; настроение личного состава сразу приподнялось.

Армия двинулась обходным движением через Новочеркасск в направлении хутора Кузнецовского, что в 8 километрах юго-западнее Семикаракорска, и дальше на станицу Великокняжескую. К вечеру 19 февраля 1920 г. мы достигли села Воронцовского.

Чтобы наверстать потерянное дорогое время, поход совершался усиленным темпом; проходили 70 и больше километров в сутки. Естественно, что разведывательные части, которые должны были двигаться впереди от главных сил на дистанции до перехода и больше, не могли уйти на это расстояние и двигались почти в голове. В результате мы шли, не имея достаточных сведений о противнике. Он был не за горами. При занятии села Воронцовского главными силами 4-й кавалерийской дивизии мы захватили мелкие передовые части белых, которые действовали в районе Шабленовки — Воронцовского и принадлежали к частям левого фланга стрелкового корпуса генерала Крыжановского.

Не смущаясь близким присутствием противника, продрогшие до костей, измученные походом и еще более измучившие лошадей, мы вынуждены были в Воронцовском остановиться на ночлег.

Не прошло и двух часов, как наши войска разместились по квартирам; правда, без особых удобств: в самую маленькую избенку набивалось по 40 красноармейцев. Ложились кто где мог; на печке, под печкой, на столах, под столами. Мне как начальнику дивизии была отведена «штаб-квартира» — один сундук в комнате, где расположилось до 30 бойцов. Сундук попался с обручами, которые жестоко впивались в ребра. Однако усталость была так велика, что через миг все спали, кроме дозоров и разведки, да в штабе т. Буденного чуть мерцал огонек.

Как мы уже говорили, наша разведка не могла уйти на требуемое расстояние от главных сил. Это обстоятельство ввело противника в заблуждение. Не встречая наших разбегов, он решил, что мы находимся еще далеко. В результате получилось следующее.

Конный корпус генерала Павлова выступил из хутора Веселого, что находится на расстоянии трех переходов от Воронцовского, с задачей столкнуться с нашей армией и разбить ее. Положение у Павлова было гораздо хуже, чем у нас. Он шел трое суток, люди голодные, одетые неважно, перезябли настолько, что потеряли всякую боеспособность. Не подозревая о нашем присутствии, части корпуса Павлова ввалились в Воронцовское и начали наперегонки захватывать квартиры для расположения. Наши охраняющие части вступили в схватку с перезябшим противником и завязался уличный ночной бой. Но этого мало. Белые, вламываясь в избы, натывались на красноармейцев: начался «квартирный» бой врукопашную. Поднялась ружейная трескотня. Темнота, гвалт, сутолка, неразбериха, не поймешь, кто и кого бьет. Все стало ясно только после того, как С. М. Буденный, выскочив с левым штабом на площадь, поднял тревогу. Полки дивизий быстро построились; тем временем ворвавшийся противник был отеснен. Но спустя немного на Воронцовское начал наступать весь корпус Павлова. Он во чтобы то ни стало хотел занять Воронцовское: во-первых потому, что весь личный состав корпуса крайне нуждался в отдыхе, во-вторых занятием

Воронцовского он выбивал нас из верно выбранного направления и преграждал нам путь. Таким образом Воронцовское приобретало громадное стратегическое значение для обеих сторон и особенно для Павлова, так как мы были все-таки в лучших условиях во всех отношениях.

Наши дивизии спешенные развернулись по реке Егорлык. Вся двадцативосьмитысячная масса павловцев сначала навалилась на нас в конном строю, затем, видя, что в конном строю действовать нельзя, Павлов стал комбинировать строи, т. е. часть в конном строю, часть — в пешем. С обеих сторон завязалась горячая перестрелка, которая длилась до утра.

Серое холодное зимнее утро застало обе стороны в ожесточенной огневой схватке. Но с нашей стороны огонь становился с каждой минутой все усиленнее и метче, тогда как совершенно перемерзшие павловцы вовсе отказывались стрелять.

Потерпев полную неудачу в захвате Воронцовского, Павлов решил отступать до станицы Белая Глина и там преградить путь Конной армии со стороны Егорлыкской. Его замысел был ясен, и мы в свою очередь стремительно двигались на Средне-Егорлыкскую, дабы не допустить противнику преградить нам путь.

6-я дивизия обходным путем опередила отходящие части Павлова и заняла с. Лопанку. Там действовала одна кавалерийская бригада противника, знавшая, что на село Лопанку отступают их части — корпуса Павлова. Поэтому она приняла нашу 6-ю дивизию за свою. 6-я дивизия основательно растрепала эту бригаду, захватив в плен ее командира-генерала. Там же были захвачены все орудия, пулеметы, много пленных и весь обоз бригады.

4-я дивизия к этому же приблизительно времени заняла с. Богородское.

Еще при захвате Лопанки были получены сведения, что колонны противника двигаются с севера-востока на Лопанку. 6-я дивизия приготовилась его встретить. Между тем противник, все еще не подозревая о разгроме бригады, преспокойно двигался на Лопанку. Сначала там появилась его команда квартиреров человек 600. Всех их захватили в плен кроме нескольких человек, которые успели выскользнуть и донести главным силам белых о том, что в Лопанке красные. Против-

ник вынужден был изменить направление и пойти на станцию Егорлыкскую. Таким образом не белые нам, а мы им преградили путь.

Вторая колонна противника двигалась на село Богородское, занятое 4-й кавалерийской дивизией, не ожидавшей белых. Неприятельские квартирьеры застали ее врасплох. Но и сами в свою очередь приняли наши части за свои, так как совершенно не предполагали столь быстрого появления красных в тылу. Поэтому квартирьеры преспокойно начали разбивку квартир. Наши патрули тоже, не разобравшись в чем дело, стали скандалить, заявляя белым, что все квартиры заняты. Квартирьеры не уступали; они попросили провести их к старшему начальнику.

Красноармейцы доставили их на квартиру командира дивизии т. Городникова. Вполне уверенные, что это командир белой дивизии, квартирьеры обратились к нему, как к генералу: «Ваше превосходительство, где нам прикажете занять квартиры?»

Городовиков после долгих бессонных ночей словно убитый спал на сундуке. Когда его разбудили, он, тоже не поняв, что перед ним находятся белые, пробормотал: «квартирами ведает начальник штаба» и махнул рукой в сторону спящего на полу начальника штаба дивизии.

Когда квартирьеры обратились к тому с «вашим превосходительством», начальник штаба дивизии сразу понял в чем тут дело. Не растерявшись, он сказал: «а, квартиры, спю минуту» и, выскочив на двор, поднял тревогу. Всех квартирьеров захватили в плен. Насевшего было противника отбили.

После этого курьезного события 6-я дивизия, выставив сторожевое охранение с северо-востока, вновь спокойно расположилась на отдых, в полной уверенности в том, что противник больше не потревожит. Между тем одна из его бригад ночью заблудилась, проплутав до утра и, на рассвете напоровшись на Лопанку, расположилась на западной ее окраине в то время как наша дивизия находилась на северо-восточной. Вскоре это обнаружилось, и завязалась перестрелка. Но белые были настолько измучены и так перемерзли, что не могли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Вся бригада сдалась в плен.

Генерал Павлов после всех неудач решил дать своим войскам отдых, чтобы поднять их боеспособность. С этой целью он направил все свои силы на Егорлыкскую.

Тов. Буденный учел этот момент и двинул 4-ю и 6-ю дивизии на Белую Глину, 11-я дивизия была оставлена на

Тимошенко — нач. 6-й кавдивизии.

месте для охраны тыла в случае нападения со стороны Павлова.

Этот маневр был направлен в тыл Кубанскому стрелковому корпусу ген. Крыжановского, который мог оказать влияние на исход операции Конной армии.

При подходе к поселку Горьковский 4-я дивизия уничтожила два пехотных неприятельских полка и разрушила линию железной дороги. На станции находился бронепоезд противника, старавшийся прорваться и очистить дорогу отступающему корпусу Крыжановского. Дивизия завязала с этим поездом бой. Несмотря на сильный артиллерийский огонь, красные захватили бронепоезд.

В это время с севера стала подходить и 6-я дивизия, а корпус Крыжановского одной колонной уже подошел к нам почти в упор. Обе дивизии стремительно двинулись на него. В один миг шеститысячного корпуса как не бывало. Пехота Крыжановского частью побросала оружие и сдалась, частью ударилась в беспорядочное бегство, наводя панику на свои тылы. На дороге столпились в сумятице обозы, артиллерия, разное имущество, штабы.

В плен попал и сам Крыжановский со штабом.

И. КОСОВОВ.

ТАНКИ.

(Из боевых воспоминаний конноармейца)

Кадеты (так во время гражданской войны называли белогвардейцев) усиленно распускали слух, что «союзники» посылают им большую помощь. Идут, мол, французские и сербские корпуса, англичане гонят целые эшелоны всякой техники. А больше всего было разговоров про танки. Вот дескать подойдут эти английские штуки и сразу канут Красной армии. Генералы и офицеры потирали руки — Красная Москва казалась им совсем близехонькой. Белые разъезды шныряли уже под самой Тулой.

Но Красная армия в октябре 1919 г. так стукнула Деникина под Орлом и Воронежем, что он сразу забыл про Москву. Катясь назад, белые успокаивали себя: это, мол, так, мы маневрируем, а вот придут танки... Чорт возьми, хоть бы посмотреть, что это за танки! Признаться, многие из нас, даже отсидевшие несколько лет в окопах царской армии, не видали этих заморских штук, а досужие люди разрисовывали их как страшные чудовища, говорили, что в них сидит по целой роте солдат, что везут они по целой батарее и как через сало пролезают через большие каменные дома.

Англичане почему-то задерживались со своею помощью, то ли путь дальний, то ли дороги неисправные, и нам пришлось бить белых без их танков. Конный корпус Буденного под Воронежем встретился с Мамонтовым и Шкуро. Эти два белых «героя» решили на паях в три «корниловских» перехода добраться до Москвы. Но красные конники здорово попридержали за хвост борзых белых кобелей. Без хвостов и с изрядно ободранными боками бежали они от Воронежа за Дон к ст. Касторной. Туда же отходила и белая пехота от Ельца. Собралось ее там целых одиннадцать полков. У Шкуро с

Мамонтовым было двадцать два полка конницы. Правда они были здорово потрепаны, но вместе с пехотой представляли изрядную силу против нашего Конного корпуса, который в единственном числе принужден был наступать на ст. Касторную. Наша пехота сильно отстала. Помогала белым и обстановка. Касторная занимала возвышенное положение и лежала на перекрестке железных дорог, по которым курсировали четыре белых бронепоезда. Подступов хороших к позиции белых не имелось. К тому же наступила сильная гололеда. Лошади наши постерли подковы. Действовать по оголенным, остеклевшим полям было очень затруднительно. От Воронежа железная дорога не действовала. Все приходилось подвозить на подводах за 70 километров. Из-за этого наши полки очутились вскоре без патронов, а батареи — без снарядов. Противник же недостатка в боеприпасах не чувствовал. Вот в таких архитязельных условиях нам приходилось вести наступление. Конечно первые наши попытки были неудачны. Правда мы несколько раз потрепали белую конницу, но она спряталась за пехоту и бронепоезда, и достать ее было трудно. Красным пришлось расположиться перед самым носом противника и дожидаться улучшения погоды и подвоза огнеприпасов. Белые, решив, что мы уже выдохлись и не имеем сил, решились сами перейти в наступление и если не разбить нас, то отбросить от ст. Касторной. Им важно было очистить этот район и произвести спокойно эвакуацию. Мы это хорошо понимали, но принуждены были, скрепя сердце, торчать перед носом белых и временно перейти к оборонительным действиям. Перед самой Касторной, в 5 километрах, в селе Успенском располагалась 2-я бригада 4-й кавалерийской дивизии. Ее положение было особенно неприятным. Село лежало в извилистой и запутанной балке. Ночи были осенние, непроглядные. Противник каждую минуту мог неожиданно появиться в селе с любой стороны.

В одну из таких тревожных ночей решили мы с командиром дивизии т. Городовиковым проверить, как обстоит дело во 2-й бригаде. Целых два часа в кромешной тьме ехали мы до бригады. Лошади то и дело скользили по ледяной корке дороги, рискуя разодраться или вывихнуть ногу. Было часов пять утра, но рассвет и не думал заниматься, когда мы с трудом добрались до штаба бригады. Командир бригады Миро-

ненко встретил нас довольно сурово: «Что же вы, начальники, засунули меня в чортову дыру с бригадой под самый нос к кадетам, а патронов не доставляете! Подковы все постерлись, лошади, как коровы, на льду танцуют, в поводу их отсюда не вытащишь. Что же я буду делать, если противник не будет дураком и попрет на меня? Драться с ним на кулачках, что ли? Если бы с кем один-на-один да без оружия...».

Мироненко поднял свой огромный, с детскую голову, кулак.

— Чего скромничаешь? На кулачках ты один целый батальон излохматишь, — пошутил Городовиков, — ты, ведь, в шахтах вместо ломовика по три вагонетки таскал...

Мироненко добродушно усмехнулся и пригласил нас обсудить намеченный им для следующего дня план действий.

Сгрудившись над десятиверсткой и следя, как его огромный палец сразу покрывал добрую сотню квадратных километров, мы не заметили суматохи, поднявшейся в селе. От карты и планов командира бригады нас оторвало неожиданное появление запыхавшегося, сильно встревоженного красноармейца.

— Товарищ комбриг! Я прибиг до вас прямо з заставы! Там воны, гады, пустили яки-то воза, що идут и стреляют. Хлопцы злякались и тикают до деревни... В бригаде вже сполох зробился!

За окном глухо захлопали беспорядочные выстрелы. С улицы доносился грохот повозок, броски команд и перекличка искавших друг друга бойцов.

Мы сначала не поняли, какие воза и почему они стреляют. Наверно, какая-нибудь каверза со стороны белых.

На смену ночи вставало туманное утро, скрывая в белой пелене мятущиеся беспорядочно группы и одиночных кавалеристов. Мы еле поспевали за командиром бригады, уверенно пробиравшемся через кривые улочки прямо по направлению выстрелов. В середине села на площади против школы строились эскадроны полков и вытягивались по скату в противоположную от Кастирной сторону. Шумели, паниковали лишь обозы, беспорядочно и одиночками старавшиеся обогнать колонны эскадронов. Попавшийся нам навстречу один из командиров полка не мог толком объяснить причину переполоха. Разведка сообщила ему, что километрах в двух от

села наступает пехота белых. С кем велась в этот момент перестрелка на окраине села, он не знал, так как охранение нес другой полк. Разговор с ним был прерван лязгом и грохотом, катившимся на нас по улице со стороны затихших к этому времени выстрелов. Из пелены тумана вырвалась скачущая фигура кавалериста и бросила в упор стоявшей колонне:

— Товарищи, таньки!.. по улице!..

Сразу стало ясно, в чем дело. Белые под покровом утреннего сумрака пустили на нас танки, справедливо рассчитывая, что мы не ожидаем такого сюрприза. Не помню, какие были поданы команды, только колонна быстро разорвалась на группы и скрылась в тумане; смешанный топот мешал определить направление. Замешкались лишь один взвод дежурного эскадрона, стоявший спешенным у ворот школы, и наша группа.

Не успели мы принять какое-либо решение, как из тумана вынырнула темная громадина, похожая на поставленный боком баркас, и неожиданно хлестнула по нас пулеметной очередью. К счастью, все пули пошли поверху. Не имея никакого выхода, мы, как по команде, бросились в ворота школы. Кто-то даже успел их закрыть, привалив к ним большой пень. Но и тут положение наше казалось безвыходным, ибо ворота были паутиной перед стальным чудовищем, если бы оно последовало за нами. Мы пережили несколько томительных минут в ожидании чего-то страшного и непонятного. Но танк возился на площади. Посылая пулеметные очереди, он решетил ворота, но нас не задевал. Бойцы в скором времени оправившись от замешательства, бросили лошадей под сараем и гурьбой ввалились в школу. Мы сперва не поняли их намерения и думали, что они решили скрыться в стенах здания. Я намеревался вытащить их из помещения и заставить ломать забор, чтобы как-нибудь вырваться из ловушки, иначе за танками могла вскоре подойти пехота и забрать нас живьем. Вскочив за кавалеристами в классное помещение, я застал их за работой. Выбив стекла и разместившись по окнам, они открыли бешеную пальбу по серому корпусу танка, грузно поворачивавшемуся перед окнами школы. Бойцы догадались захватить бронебойные патроны с тачанки, которая очутилась с нами в одном дворе. Такой оборот дела

танку видимо не особенно понравился, и он, еще раз повернувшись, начал довольно быстро отходить назад. Ловушка наша открылась, и мы, облегченно вздохнув, выскочили со двора школы и весьма своевременно, так как по улицам села продвигались белые пехотинцы.

Бригада уже целиком вышла на гору и стояла в колоннах, ожидая дальнейших распоряжений. Туман рассосался. На противоположной стороне от Касторной обнаружались медленно продвигавшиеся к селу пехотные цепи. Навстречу им из села ползли четыре танка, по существу не причинившие нам никакого вреда, если не считать переполоха. Издали они казались совершенно нестрашными. Вскоре и им пришлось довольно жарко.

— «Прицел... трубка», — донесся до нас зычный голос Шаповалова, командира 2-й батареи. — «Огонь»!

Четыре гранаты взорвали обледеневшую пахоть и вздыбились огромными столбами около танков. Еще очередь — и один танк замер на скате. Спешно подполз к нему другой и взял его на буксир. Не уйти бы им, да у Шаповалова не было больше снарядов. Белая пехота, встреченная нашими редкими выстрелами, залегла на окраине села, ожидая подхода подкрепления и поддержки артиллерии. Скоро со стороны Касторной заухали батареи и пушки с бронепоездов. Пришлось бригаду отвести несколько назад, в балочку, куда снаряды не могли достать.

Спешенные наши эскадроны не могли продвинуться вперед: у кавалеристов имелось не более 5—10 патронов на человека. Положение создавалось чрезвычайно затруднительное: хоть отводи бригаду совсем назад.

— Ну как, начдив, прикажешь на кулачки драться? Или укажешь район — пойдём на квартиры отдыхать. На этом голом пупе без патронов и снарядов делать нечего, а то чего доброго за нами поползут дальше, учуют, что мы голы, как соколы.

— Подожди, Митрофаныч. Я вчера с вечера еще раз послал в снабжение приказ доставить тебе во что бы то ни стало патронов и снарядов. Может скоро и подвезут, — ответил начальник дивизии. Как бы в подтверждение его слов по дороге от штаба дивизии показалась первая повозка, а за нею еще три. Не успели они приблизиться к бригаде, как

спешенные кавалеристы мгновенно атаковали их; в повозках были самые дорогие сейчас для бойцов подарки — патроны. Через десять минут наши цепи ожили, зашевелились, затукали дружным огнем винтовок и максимов. Белая пехота не выдержала и стала медленно отползать на Касторную. На помощь ей со станции резво выскочили два автоброневика, но на половине дороги загнулись.

К Шаповалову также подъехали две тавричанки с гостинцами. Из первой же очереди один броневик получил шаповаловскую заклепку прямо в радиатор и целый день потом торчал на ледяном поле. Белая пехота поспешно ретировалась под защиту своих бронепоездов.

Вторая бригада спокойно вернулась в село на старые квартиры.

На второй день красная конница, к которой подошла 11-я кавалерийская дивизия, перешла в решительное наступление. Не помогли белым ни бронепоезда, ни английские танки. Все они сделались трофеями Первой конной армии, которая в этот день — 17 ноября 1919 г. — приказом по Южному фронту была организована из I Конного корпуса т. Буденного и подошедшей 11-й кавалерийской дивизии. В первый же день своего существования она поднесла Советской республике ст. Касторную с бронепоездами, английскими танками, автоброневиками.

На станции красные кавалеристы с любопытством рассматривали и ощупывали танки: «Вот они, таньки эти самые! А говорили, что они с целую хату. Нет, братишка, не проймень нас этими штуками!»

БУШЕВ.

В ПЛЕНУ У ДЕНИКИНЦЕВ.

(Из боевой жизни т. Книги.)

Согласно приказу по Конной армии от 28 января 1920 г. кавалерийская дивизия выступила на хутора Федулов и М. Западенский. Шедшая авангардом 11-я дивизия заняла без боя хутор Федулов, выбила противника из хутора М. Западенского и здесь расположилась, выслав усиленные разъезды.

Командир 1-й кавалерийской бригады 6-й дивизии т. Книга выехал ранее дивизии на мотоцикле с тем, чтобы узнать, переправилась ли 11-я кавалерийская дивизия. Он приехал в хутор Федулов, где ему сообщили, что 11-я кавалерийская дивизия переправилась частью на хутор М. Западенский, частью на хутор Тузлуковский.

Для выяснения группировки и сил неприятеля т. Книга выехал на хутор Тузлуковский. Не доезжая до него, он остановил мотоцикл и, наблюдая в бинокль, увидел кавалерийскую цепь, наступавшую от хутора Тузлуковского на хутор Западенский. Решив, что это наступает наша 11-я кавалерийская дивизия, т. Книга тронулся прямо на хутор Тузлуковский, но не доезжая нескольких шагов до хутора, был обстрелян цепью пехоты. Создалось безвыходное положение, так как мотоцикл повернуть на снегу не представлялось возможным. Белогвардейцы мигом окружили т. Книгу и раздели его, накинув ему на плечи рваную тужурку.

Тов. Книга, не растерявшись, решил прикинуться перебежчиком. Он с возмущением говорил белым:

— Я не ожидал, что перебежчиков могли при двадцатиградусном морозе раздевать донага.

Командира бригады и его шофера доставили в штаб полка. Тов. Книга и здесь выдавал себя за перебежчика, но во вре-

меня допроса в штаб прибежали белые и заявили, что пленный не кто иной, как командир красной бригады — Книга. Непотеряя самообладания, т. Книга признался:

— Да, я командир бригады и перебежал к вам, чтобы передать весьма ценные сведения.

Его немедленно отправили в штаб дивизии в сопровождении конвоиров.

В штабе дивизии были уже предупреждены о том, что в плен попал знаменитый Книга, наводивший всегда смертельную панику на белогвардейские банды. Естественно, что генералы и полковники ждали его с большим нетерпением и нескрываемым интересом. И вот он предстал перед ними голодный, оборванный, продрогший, но ни на минуту не терявший мужества. Золотопогонники забросали его вопросами. Один полковник недоверчиво спрашивал:

— Что вас заставило перейти на нашу сторону, если вы действительно перебежчик?

Тов. Книга, не задумываясь, ответил:

— За поражение моей бригады под Батайском я был приговорен к смертной казни. Это вынудило меня перебежать к вам для службы в ваших войсках.

Полковник его перебил:

— Скажите, не вы ли были командиром 31-го Советского полка?

— Нет, это мой однофамилец, не имеющий никакого родственного отношения ко мне, — не моргнув глазом ответил т. Книга.

Ему дали карту и предложили показать на ней расположение красных. Тов. Книга спокойно начал давать по карте объяснения, в которых не было, конечно, ни одного слова правды. Золотопогонников особенно напугало сообщение т. Книги о том, что корпус Думенко, пополнившись двумя кавалерийскими дивизиями и имея до 20 000 сабель, пошел в обход правого фланга белых.

Тов. Книга давал объяснения с такой подкупающей простотой и серьезностью, что золотопогонники приняли его рассказы за чистую монету и растерялись. Он с большой настойчивостью убеждал их:

— Вам нужно спешить с отходом, малейшее опоздание грозит тем, что все вы попадете в плен.

В это время как нельзя кстати по телефону передали, что красные забрали в плен пехоту и прорвались в тыл. В штабе поднялась суматоха. Срочно было отдано приказание препроводить т. Книгу в корпус, находившийся в Хомутовской.

Три казака, сопровождавшие командира бригады и его шофера, относились к пленным с видимым сочувствием, и т. Книга осмелился заговорить с ними. Он осторожно «агитировал» их, убеждая перейти к красным. Но казаки хмуро отмалчивались.

К вечеру подошли до хутора Суходольского, где располагалась на ночлег деникинская дивизия. Казаки доставили пленных в помещение штаба. Здесь т. Книга улегся на столе, прикрылся каким-то старым башлыком и притворился спящим, незаметно наблюдая за окружающей обстановкой.

— Хозяйка, давай ужинать, — услышал он громкий голос вахмистра. Хозяйка ответила: «У меня ничего нет». Вахмистр разразился отборными ругательствами: «Ах ты, такая-сякая, большевикам есть, а нам — нет. Скрипкин, Гвоздев, — обратился он к двум казакам, — катайте в погреб!» Те побежали и быстро принесли головку сыра. Вскоре ординарцы жадно приступили к ужину.

Вахмистр продолжал шуметь, требуя у каптера хлеба. Каптер заявил, что хлеб выдан на два дня вперед. Ординарцы шумно проклинали неустроенную фронтовую жизнь. Не успели они закончить ужина, как в помещение вбежал запыхавшийся казак.

— Господа казаки, все пропало! Красные забрали в плен пехоту, обоз... Нас окружают.

Вахмистр с кулаками набросился на казака:

— Чего ты орешь, панику пущаешь. Не видишь разве, что здесь пленные лежат, — указал он с опаской на т. Книгу. Казак спохватился и замолчал. Но через 10—15 минут в помещение вбежал другой казак. С трудом переводя дух, он, торопясь и захлебываясь, сообщил о приближении красных. Его паника мгновенно передалась всем присутствующим и в штабе все пошло кувырком.

— Пленные, выходи, — кричал казак, свирепо толкая в т. Книгу, все еще притворявшегося крепко спящим. Командира бригады и шофера вывели во двор. Двадцатиградусный мороз леденил дыхание.

Конвоиры верхами погнали пленных в станицу Хомутовскую. В пути они спешивались, чтобы хоть немного согреться. Тов. Книга воспользовался этим. Когда конвоиры разговорились с его шофером, он ускорил шаг и стал уходить от них. Впереди мигали огоньки какого-то хутора. Дойдя до балки, Книга оглянулся: конвоиры чуть-чуть маячили вдали. Он побежал по балке что есть духу и добрался до хутора в 4 километрах от Хомутовского. Сообразив, что сейчас можно будет повернуть в сторону расположения наших войск, он бегом двинулся из балки на дорогу и неожиданно попал обратно на хутор Суходольский, где были выставлены усиленные заставы белых.

— Кто идет? — услышал он совсем близко тревожный окрик белого часового.

Тов. Книга ползком начал отходить от опасного места. Вскоре он снова выбрался на дорогу и уже почти успокоился, как вдруг сзади послышался топот копыт.

Командир бригады стремительно бросился с дороги в кустарник и спрятался в нем, затаив дыхание. Мимо с гиканьем пронеслась сотня казаков.

Пропустив их, т. Книга пошел дальше, едва передвигая ноги. Измученный всеми передрыгами, он смертельно хотел спать. Еще немного и он свалился бы от усталости. К счастью недалеко показался хутор. Тов. Книга пошел в первый попавшийся дом, где заявил хозяину, что он подводчик, оставивший своих лошадей казакам и решивший идти к своему семейству, которое живет в селе Сала. Хозяин, немало перетерпевший от казаков, принял командира бригады как родного, накормил его и оставил у себя ночевать.

— Если услышите оружейную стрельбу, непременно разбудите меня, — попросил т. Книга.

Через два часа ему уже пришлось встать. Расспросив у хозяина дорогу на Сала, он двинулся в дальнейший путь. Пройдя километров шесть, т. Книга встретил по пути хутор, но заметив выезжавшего оттуда всадника, повернул влево к следующему хутору, расположенному в 2—3 километрах. Он не дошел до него нескольких шагов, как вдруг перед ним, словно из-под земли, вырос верховой.

«Все пропало!» — подумал т. Книга.

— Дядя, ты откуда? — подозрительно спросил всадник, остановив лошадь. Папаха его была обвязана красной лентой. Тов. Книга, не веря своим глазам, дрогнувшим от несказанной радости голосом сказал:

— Я командир 1-й бригады 6-й кавалерийской дивизии.

Всадник недоверчиво оглядел оборванного, полузамерзшего командира бригады.

Через несколько минут он доставил т. Книгу в пехотный штаб 610-го полка. Отсюда его под конвоем привели в штаб родной 6-й кавалерийской дивизии в хутор Федулов. Здесь в это время находились Ворошилов, Буденный и начальник 6-й дивизии Тимошенко. После горячих дружеских расспросов т. Книгу, отморозившего себе уши и руки, отвезли в штаб бригады, который был расположен в хуторе Елкине. Бойцы встретили своего любимого командира с необыкновенной радостью, передать которую простыми человеческими словами невозможно. Сам т. Книга отказался от какого бы то ни было лечения и с первого же дня принял командование над своей бригадой. А на следующий день он уже разгромил части корпус Мамонтова, заняв с боями хутора М. Западенский и Платовский и обратив белых в постыдное бегство.

С. МИНИН.

ВПЕРЕД.

(Посвящается Первой конной армии.)

Мы — выходцы с Волги, Кубани и Дона,
Сыны благодатных и вольных степей.
На нас опиралась когда-то корона,
Теперь же мы бич и гроза для царей.
Попы, кулаки, буржуа, генералы,
Банкиры, купцы с их поганой ордой
Глумились над нами, наш труд пожирали,
Пока не пошли мы в стремительный бой.
Мы барские цепи носили покорно,
Молились до поту за вражеский стан,
Пока не раздули мы красные горны,
Пока не поднялся народ-великан.

* * *

Мы — конница лихая,
Мы — огненный поток, —
То цепью окружаем,
То бьем, как молоток.

Дни и ночи,
Не по-пански,
Все вперед. Все вперед.
За рабочий,
За крестьянский,
За народ. За народ.
Эй, живей,
На коней!
Враг идет. Враг идет...
Враг богатый,

Плутоватый,
У ворот. У ворот.
Эк, шрапнели загудели,
Воздух шапками одели,
А осколки от гранаты
Землю роют, как лопаты.
Кони чутки, кони — струны,
Бьют копытом по земле.
Им не страшен град чугунный,
Под огнем им веселей.
Из ножен
Шашки вон!
Да вперед и вперед.
Скоки жгучи,
За колючий
Огород, огород.

* * *

Пулеметы затрещали,
Трах-та, тра-та-та, та-та,
Пан, ликуя, напирает
В трудовые ворота.
Кони горды, кони смелы,
Не споткнутся, не сдадут.
Кони птицы, кони стрелы —
Не изменят, не сдадут.
Кто ж на нас-то? Под команду
Заграничных пауков
Пан помещик создал банду
Из обманутых рабов.
Кровь и труд их он запродав
За французский капитал,
И слезами двух народов
Землю густо напичкал.
Кто ж на нас? Вот поглядите:
На раскормленных конях
Барчуки сидят сердито
В позументах-галунах.

Кони, тише —
Ну, как мыши...

Подкрадемся, не спеша.
И ударим
Мы по барам
Сталью острой палаша.

* * *

Злятся пушки и стрекочат
Пулеметы-кузнецы...
Это панам саван строчат,
Улыбаются бойцы.
На коне стальном, упругом,
Как на праздник иль на пир,
С давним верным своим другом
Скоком скачет командир.
Он не блещет галунами,
Нет на нем цветистых лент,
Лишь один горит лучами
Драгоценный «позумент».
Шашку поднял. Шепчет строго:
«Час подходит роковой...
Кто боится, прочь с дороги,
Кто не трус — вперед... За мной.
Шашкой острой землю вспашем,
Грозной пушкой взбороним,
Лентой красной опояшем,
Кровью жаркой напоим.
Не за золото банкиров,
Не за басенки попов
Жизни сеем мы по миру
Без имен и без крестов.
Наш посев весной лучистой
Красным колосом взойдет, —
С края в край мы мир очистим...
Кто не трус — за мной! Вперед!»

* * *

Не конница лихая, —
То сабель водопад
Пошел, врага сметая,
Под грохот кононад.

Так орлы
Со скалы
В поле падают комком,
Или тучи
С горной кручи
Рассыпаются дождем.
Лязги, визги...
Крови брызги...
Пулеметов грохот.
Стон людей,
Хрип коней...
Орудийный хохот.
Резвой рысью
Банду лисью
Конница разбила.
Панов пеших,
Злых как леших,
Кучами пленила,
И галопом —
Топом-топом
Ринулась им в тыл.
Там — за лесом
Чортом — бесом
Закрутилась пыль.
И с коней,
Бунтарей,
Наостривших уши,
Кавалеры,
Шволежеры
Падают, как груши...

* * *

На коне — стальной пружине —
С ординарцами вокруг,
Вылетает из ложбины
Командира славный друг:

«Кто не с нами,
Кто с панами,
Режь их без пощады,
Кто сдастся

Да клянется —
Жизнь им будь наградой».

* * *

Мы — рыцари Коммуны,
Мы — конница Труда
Сомнем «культурных гуннов»
Продажные стада.
Недаром восстал наш народ-великан,
Недаром кипят пролетарские горны:
В тоске буржуазно-помещечий стан.
И новые банды скупает проворно.
Пусть гонит на нас, на народ трудовой,
Наемных рабов легионы полки.
Конец им один и конец роковой
От мощной рабоче-крестьянской руки.
Вернемся тогда мы в поля и станицы,
Вернемся... кто сможет. Ни жалоб, ни стога.
И грянем мы песней победы, как птицы,
В равнинах Кубани, и Волги, и Дона.

И. КОСОГОВ,

ФИЛЬКА ЧЕРПАК.

Несмотря на свои 16 лет, Филька был здоровым парнем — с любым старым бойцом мог побороться. А все же его в строй не принимали. Командир не соглашался, — не было лишних лошадей. Филька, видать, раньше и не ездил верхом, зря лошадь мог загубить. Эскадронный определил его к походной кухне кашеваром. Обидно было Фильке. Хотелось ему в строй, — получить винтовку и пашку и лихо мчаться в атаку вместе со старыми бойцами. Однако примирился. Целый месяц исправно кашеварил. Бойцы не могли нахвалиться им.

Раньше Филька был у своего деда подпаском в Воронежской губернии. Зарубили Филькина деда казаки за то, что неверно указал им, где находились красные, да и Фильку исполосовали плетями.

Убежал тогда Филька от своего стада; вернуться в деревню побоялся, думал казаки зарубят его, как деда. Долго плутал по лесам. От ран и голода заболел и едва было не погиб в придорожной канаве. Эскадрон красных подобрал Фильку, узнал его несложную историю и приютил у себя. Забыл вскоре Филька свое стадо и деревню. Да и вспоминать ее ему было нечем. Матери он не помнил, отца на царской войне убили. Один у него был близкий — дед, Вавила.

В деревне деда не любили богатые мужики. В начале революции он все время твердил, что теперь кулакам и мироедам конец наступил. Они хотели убить его, когда на сходе мужики послушались деда и отобрали хлеб у богатеев.

Фильке крепко хотелось отомстить за своего безвинно погибшего деда, поймать тех казаков и лавочника деревенского — Антохина, который был с ними и говорил про деда, что он большевик... Вот почему Филька стремился сделаться бойцом, вернуться с эскадроном в деревню и распатронить,

как говорил дед, всех богатеев, которые при белых опять взяли верх над мужиками.

Не унывал однако Филька. Ждал только подходящего случая, а пока нежно поглаживал своего верблюда — Яргана и воронка меренка, что ходили в запряжке под эскадронной кухней. Любил Филька животных, и они платили ему тем же.

Ярган (Филька сам дал ему такое прозвище) нескладный и упрямый верблюдина, понимал Фильку с одного слова и никогда не упрямился, когда тот управлял запряжкой.

Эскадронный не раз говорил: «Ты, Филька, должно быть родился для этого дела: и щи у тебя, как у заправского кухаря выходят, и верблюд тихий, словно монах на послушании... Взять тебя в строй, ребята взбунтуются, — не сыскать скоро такую стряпуху, как ты...»

Филька и сам понимал, что к месту подошел, только думки своей об отместке за деда не бросал и все ждал подходящего случая... Отличиться бы чем. Заверить эскадронного, что он на лихое дело способен. Да где ж отличишься... На Яргане нешто?!

Куховарил Филька. Совершал с эскадроном длинные переходы и ни разу не отставал. На привале или ночлеге не успеют бойцы лошадей убрать, Филька с кухней точно из-под земли. Отбросит крышку и пар, как из самовара...

— Ах, прах те дери! Еще не рассупонились, а хлебово тут как тут, — дивились усталые бойцы, обступая Филькину фабрику.

— Попадешься, Филька, когда-нибудь к кадетам! Лезешь ты со своей кадильницей в самое пекло... Брызнет конница наутек и останешься ты со своим Ярганом. Посадят тебя казаки задом в горячее варево, — шутил командир эскадрона.

— Мой Ярган и воронок, товарищ командир, скорее броневика бегает. Об заклад побьюсь на дедову суму, — любой кадет на самой лучшей коняке не догонит! — хвастливо отшучивался Филька.

Заняла однажды наша дивизия город Калач, Воронежской губернии. Выбили оттуда четыре полка казаков. Филькин эскадрон располагался на ночевку.

— Гляди, хлопцы, наша кадильница уже громыхает. Ликандра, тащи нашему разлюбезному кухарю подарочек! — крикнул отдельному взводный Кришпона, завидя кухню.

— А ну, фараонова колесница и конница его, подвертай до сей хоромины, тут твой главный штаб будет, — встретил взводный Фильку, лихо осадившего перед начальством своего Яргана и ловко спрыгнувшего с передка.

Ликандра стоял рядом с Кришпоной и держал в руках круглую и блестящую вещь, вроде котелка.

— Вот тебе, архимандрит ты верблужий, митра иерусалимская от сердешного нашего эскадрона, — важно проговорил Кришпона и при дружном хохоте бойцов надел Фильке на голову котелок. Филька ловко вывернулся, снял с головы подарок и с любопытством стал его рассматривать. Это был кухонный черпак, совсем еще новый, блестящий, как начищенный мелом пятак. Кришпона отбил у кадёт кухню, а Ликандра выудил из нее эту штуку специально для Фильки. Филька часто жаловался на то, что ему приходится разливать суп простым котелком, и чрезвычайно обрадовался подарку.

Не успели взводы собраться у кухни за раздачей, как Филька уже весело помахивал блестящим черпаком, быстро приспособив к нему длинную дубовую рукоятку. Теперь он стал заправским кашеваром. Но в скором времени ему пришлось лишиться своего черпака. Через этот самый черпак получил он исполнение своей надежды — стать настоящим бойцом. Произошло это так.

Наша дивизия преследовала Мамонтова, когда он сжег станцию Таловую и уходил под Воронеж на соединение со Шкуро. Догнать его не удалось, за ночь он отмахал километров 60. Пришлось сделать дневку в селе Березовка. А после дневки бригады пошли на Верхнюю-Хаву. Обозам приказано было выступить позже. Задержался с ними и Филька. Он справился со всем, как полагается, заложил в котел продуктов, дров приготовил и запрет в кухню Яргана. Не успел он пристегнуть воронка, как в селе неожиданно затрещали выстрелы. Шум. Крики. Обозы загрохотали по улицам.

— Кадеты! — ошалело крикнул кто-то во двор, где возился Филька. Одним прыжком он вскочил на кухню, схватил черпак и крикнул Яргану. Бурей вырвалась кухня со двора и, разметая людей и повозки, понеслась по улице. Филька помнил указание Кришпоны о дороге, по которой пойдет эскадрон с полком, и сразу взял верное направление.

Обогнал десятки повозок и выскочил в голову в панике мчащегося обоза. Оглянулся Филька назад и обмер.

По сторонам обоза с гиком неслись казаки, рубили ездых и заворачивали повозки назад. Заметили они, что Филькина колесница, как паровоз, уходит от захваченного ими обоза и бросились за ним. Гнались семь казаков, а впереди их во весь карьер мчался воронок, догоняя своих друзей. Хотели и его поймать казаки, но он бил задом и кусался, задерживая преследование. Казаки, наконец, бросили его и налегли за кухней.

Свистнул и гикнул Филька, ткнул черпаком верблюда. Сажеными уродливыми прыжками помчался Ярган. Минут через 10 один за другим стали отставать казаки. Не под силу им было тягаться с Ярганом. Только передний казак не хотел уступать. Его рыжий конь мчался, как мотоцикл... И наконец, почти настиг. Шагов за десять-двадцать казак стал кричать, чтобы Филька остановился, грозился зарубить, но Филька не думал сдаваться и сильнее толкал черпаком Яргана. Казак, стреляя из нагана, растратил все патроны, но на скаку не мог попасть. Из-за пригорка километров в трех показалась деревня. Филька стал надеяться, что уйдет от казака или может свои близко окажутся, на выручку придут. Только вдруг Ярган начал сдавать. Видно запалился от непривычного бешеного бега... Захолонуло Филькино сердце. Пропало все и служба в строю и дедушка останется неотомщенным.

А пуще всего — пропадет эскадронная кухня. Обидится и будет ругаться эскадронный. Кришна с Ликандрой и те не заступятся.

Казак с торжествующим криком летел на Фильку: «Ах ты, сучий выродок... песья мокрота... Все равно не уйдешь. Стой! зарублю гадина!».

Филька обернулся и обомлел от удивления и ярости: тот самый рыжий казак, вахмистр, что зарубил дедушку Вавилу. Уже замахнулся вахмистр страшным клинком над Филькиной головой, целясь разубить его пополам.

А Филька, прыгнувшись к кухонной трубе, ударил казака черпаком прямо в грудь. Удар был столь неожиданный и сильный, что вахмистр опустил поднятый клинок и еле удержался в седле, качнувшись назад...

Следующим метким ударом черпака Филька угодил в лоб рыжему коню... Конь взвился на дыбы и шарахнулся в сторону.

Озверевший от боли и досады казак кабаном ринулся на Фильку, стараясь шашкой перерубить ручку черпака. Но Филька не сдавался. В его молодых, но цепких руках черпак оказался могучим оружием. Опьяневший от бешенства вахмистр с разгону несколько раз пускал своего коня на кухню, поднимал его на задние ноги, увертываясь от ударов сокрушительного черпака, но не тут-то было... Конь, получив несколько сильных ударов по храпе, не слушался больше своего седока и каждый раз обносил мимо кухни.

Еще раз попытался вахмистр атаковать Фильку, заскочил неожиданно сбоку, но, получив удар черпаком по голове, рухнул с размаху в пухлую дорожную пыль... Держак черпака переломился. Филька остался безоружным.

Оглушенный ударом казак быстро однако очнулся. Приподнялся с дороги и успел овладеть выпавшей из руки шашкой. Бешенство придало ему силы и он думал теперь наверняка рассчитаться с безоружным мальчишкой. Ярган уже не двигался с места. Филька решил бросить кухню и дать деру в соседний лесок. Только быстрые ноги могли спасти его от озверевшего врага. Момент, и Филька уже задал стрекача по направлению к лесу, да разом же и споткнулся.

От леса прямо к кухне галопом несея целый взвод кавалеристов. Казаки! — мелькнула мысль, и Филька похолодел от ужаса. Теперь не уйти... Сзади уже настигал его вахмистр... Но через секунду Филька взвыл от дикой радости. По малиновой бархатной кепке и зеленым штанам он узнал в переднем всаднике взводного Кришпону...

Эскадрон их вместе с полком возвращался отбивать свои обозы и шел другой более короткой дорогой, а на эту дорогу для разведки был выслан со взводом Кришпона. Еще издали увидел взвод геройскую борьбу Фильки с казаком и спешил к нему на выручку...

— Ликандра! Погляди-ка, как наш кухарь разделал донского атамана! — загрохотал Кришпона, остановившись перед обалдевшим, избитым вахмистром, дико озиравшимся по сторонам.

— Ну и Филька наш. Это тебе не кухня, а броневик настоящий! А черпачок ты, Филя, зря изгадил об эту поганую рожу. Чем шти-то разливать теперь будешь? Возьмет тебя эскадронный на цугундер!.. — шутили ребята над растерявшимся от пережитого Филькой. Стоял он и не знал, что ему дальше делать. Ярган улегся в мягкую дорожную пыль и тихо угасал от надрыва. Вороной меринок очевидно был захвачен кадетами... У Фильки невольно заблестели на глазах слезы. Даже забыл он своего врага, над которым Кришпона с Ликандрой чинили короткий суд и расправу.

— Эй вы, хлопцы, бросьте над Филькой потешаться! — крикнул Кришпона.

— А ты, Филя, не горюй! Был такой славный казак, прозвали его Тимофей Ермак, а ты у нас теперь не просто Филька, а Филька Черпак. И фамилию эту ты своим героизмом заслужил доподлинно, о чем я рапортом и донесу эскадронному, — серьезно произнес Кришпона, хотя бойцы надрывались от смеха. Знали они, что взводный их — мастер на всякие присказки и словесные выкрутасы. Кришпона не обратил внимания на их смех и торжественно продолжал, закручивая по привычке свой правый ус:

— О кухне же, товарищ Филипп Черпак, больше не беспокойся. Наш лихой эскадрон достанет когда нужно их целую дюжину. И не в кухне сейчас есть естество. За свое героизмо достоин ты быть бойцом моего славного взвода. Возьми отбитые тобой трофеи — оружие этого контрреволюционного гада и его боевого коня и становись в наши ряды. Ликандра, запиши его в свое отделение!..

Не веря своим ушам, как во сне, схватил Филька шашку и наган вахмистра. Коня уже держал Ликандра...

Через час взвод Кришпоны входил в очищенную от казаков Березовку. Рядом со взводом на прекрасном рыжем коне в казачьей фуражке гарцовал Филька Черпак, новый боец.

Дедушка Вавила был отомщен!

И. КОСОВОВ.

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН.

(Из дневника полкового адъютанта.)

Утром прискакал ординарец из корпуса. Замусоленный, пропахший кислым солдатским потом листок полевой книжки гласил:

«Командиру 1-го Иловлинского кавполка т. Колесову. Ст. Кушцова. 26/7—19 г. 19 ч. 20 м. В двухдневном бою Конный корпус нанес поражение корпусам Шатилова и Покровского. Доблестная 4-я и 6-я кавдивизии разгромили Кавказскую дивизию противника. Взяты 500 пленных, 28 пулеметов, 7 легких и 5 тяжелых орудий и 300 подвод обоза. XXVIII корпус поведет наступление на Баранниково для дальнейшего удара по зарвавшемуся противнику. Приказываю Иловлинскому полку удерживать во что бы то ни стало Бурлук, обеспечивая правый фланг корпуса и армии. Комкор Буденный. Напштакор Погребов».

После падения Царицина Конный корпус почти в одиночку дерется на стокилометровом фронте, прикрывая отход истерзанных частей 10-й армии. Могучие удары корпуса не в состоянии остановить широкий поток многочисленной деникинской конницы, рвущейся к Саратову. Отброшенная на одном участке, она остервенело бросается на другой, сметая расстроенные издерганные остатки красных дивизий. Вот и теперь с правого фланга корпус бросился на левый, где от Камышина выдвинулось почти три корпуса противника...

Наш молодой, недавно сформировавшийся Иловлинский полк неделю тому назад вошел в подчинение Буденному и получил трудную и ответственную задачу — пока корпус дерется на левом фланге, удерживать правый. Собственно говоря и фланга нет. Есть лишь огромный прорыв между 9-й и 10-й армиями. Полк просто стоит на сквозняке. Вправо на

25 километров вдоль Медведицы до Красного яра—ни души. Влево за 10 километров одинокая бригада 32-й стрелковой дивизии. А против полка целая казачья дивизия полковника Голубинцева. Казаки стремясь прорваться через Бурлук и выйти в тыл нашего корпуса, преградившего дорогу на север корпусам Деникина.

Полк наш небольшой — 360 сабель, 10 пулеметов и 2 разболтанных пушки. Силы наши слабы, но мы пока успешно выдерживаем наскоки превосходного и настойчивого противника. Нам отчасти помогает местность. Бурлук распластался по высоким буграм в углу между Медведицей и Бурлучком, не широким, но глубоким ручьем с обрывистыми берегами. Под огнем одолеть их противнику не легко.

Вчера белые впервые повели наступление. Два конных полка их сунулись было на левый фланг в прорыв между нами и пехотной бригадой. Встреченные 6 пулеметами, они быстро смешались, попятились и панически бежали в свои хутора, преследуемые нашими двумя эскадронами. Их примеру последовали и спешенные части, наступавшие на Бурлук с фронта по высокому и густому лозняку, подходившему к самому ручью.

Но казаки не унялись. Сегодня они чуть было не перехитрили нас. День выдался для нас жаркий и интересный. Стоит остановиться на нем подробнее...

Казаки ночью не любят воевать, но встают рано. И сегодня они зашевелились ни свет, ни заря. Бой решили обставить совсем по солидному. Достали артиллерию и наше пробуждение приветствовали целым десятком снарядов.

«Вот, гады, сюзьма косопузая, и чаю попить не дают»,—ворчал Колесов, взбираясь со мной на наблюдательный пункт.

Золотисто-багряные струи брызнули по широкому простору казачьих лугов и полей, расцвелили синюю чащу мохнатых лесов у Медведицы, многоцветьем драгоценных камней заиграли в полновесных каплях обильной росы...

На рябом, широком, как ржаная коврига, лице Колесова расплылось неподдельное умиление:

— Эх, благодать-то какая. Теперь бы с косой махнуть по лугу, а тут на... гады косопузые!—выдохнул могучей грудью Колесов и направил бинокль в сторону густых лозняков.

В сплетенных голубой паутиной тумана кустах лозняка закопошились серые тени... Сухой и жадный перестук винтовок разорвал тишину ясного ликующего утра.

Казаки и в этот раз повторили вчерашний маневр. Их пешие цепи, вытянувшиеся из лозы, были отброшены нашим огнем. Два полка конницы опять попытались сунуться в прорыв и старой дорогой без оглядки бежали в свои хутора... К полудню бой оборвался.

Воспользовавшись неожиданным перерывом, эскадроны по частям сползали в село на обед поить лошадей...

— Айда, адъютант, ударим по борщу и мы. Не иначе, как козюра за кислым молоком потянулась. Говорят, что если мертвому казаку мазнуть по губам кислым молоком, сразу вскочит, — пошутил Колесов, оторвавшись от бинокля.

Насладиться жирным борщом вдосталь нам однако, не удалось. Командир дежурного на позиции эскадрона донес, что казаки снова зашевелились в лозе против левого фланга.

На полудороге к левому флангу мы невольно остановились. В кипении загоревшегося вновь огневого боя привычное ухо уловило тревожные выстрелы с нашего правого фланга. Еще момент и оттуда, перекрывая гул огненного боя, неслось страшное, неотразимое — Ра-а-а-аа... ра-а.

Так. Атака. Ясно. Казаки, обманув своими маневрами нашу бдительность, прорвались от Медведицы через лес и несутся на село... Беспорядочные, отодвигавшиеся к селу выстрелы говорили, что наша застава уже сдает... Еще минута и — катастрофа, полный разгром...

— Адъютант, эскадроны! Если что, бей от рощи... наблюдение влево, два пулемета... — бросил неторопливо Колесов и мгновенно скрылся в изломе узкого переуллка в направлении атаки.

Два эскадрона, стоявшие в роще на левом фланге, уже почувляли неладное, оттянулись к опушке и ожидали сигнала. Нервы напряглись до последней степени. Атака внезапно затихла, оборвав четкую строчку пулемета и уверенную дробь винтовочных выстрелов. Могучий взрыв «ура»... и снова все стихло. Напряженное ухо улавливало лишь бешеный конский топот. Из села выехал всадник. Его уверенное направление на эскадроны и спокойная рысь показали, что в селе все благополучно.

Вернувшись в село, я застал там радостное оживление после пережитой смертельной тревоги. Вернулся эскадрон, преследовавший казаков. Притащили рыжего перепуганного бахмистра, захваченного в плен командиром полка.

— Ну и дело, брат, вышло, — рассказал мне взводный Юпатов, начальник заставы, — стоим мы значит тихо, смирно, слушаем — налево идет жарня... Вдруг Самохин с поста как крикнет: «Братцы, кадеты!» Мы к нему. Видим из лесу вываливает сотен пять, почитай, целый полк. Разворачиваются и прямо лавой на нас. А у меня застава наполовину обедом занималась. Ну какие были под рукой, открыли стрельбу, да только жидко получилось, а казаки еще сильнее поперли... Сдрейфили мои ребята, по одному стали назад подаваться. Бегаю я, ору, одного даже смазал, — куда там! Ну, думаю, пропало все, пиши, Юпатов, завешание. Тут и подскочил он, Колесов, значит. Как крикнет: «Стой, гады! Застрело! Пулемет, огонь!»... Ребята мои сразу — тпру. Оборот налево кругом и по казакам из винтов, пулемет тоже. Сам знаешь, в бою Иван Петров страшнее чорта, не то что казаков, будь их хоть полк. Оборот тут получился форменный. Чесанули мы казаков в самое хлебово. Сразу пришили к месту. Закружились они, которые об землю, которые в сторону, а тут наш эскадрон, Тимофея Попова, из-за задворков и Колесов уже передом... прямо с флангу... Казаки — задний ход!.. так перли до лесу, просто земля ходуном заходила. Одним словом, не явись Иван Петров Колосов — не видать бы тебе, адъютант, Юпатова больше...»

Четкий, отдаленный залп прорезал густеющую синеву июльских сумерок. Мы знаем, это — сигнал казаков. Они прекращают бой и отходят на ночлег. И мы вздыхаем облегченно... Шипя, догорает жир в плошке... На сегодня довольно...

* * *

Казаки, получившие вчера хороший урок, с утра работали вяло. Постреливали изредка из лозы, больше для очистки совести, да у хуторов мутнели колоннами, но близко не сошались. Это было нам на руку, — попри они поусердней с утра, пришлось бы нам распроститься с Бурлуком и драть не меньше, как до Красного яра, а то и дальше. К счастью они поздно узнали, что у нас выдохлись все патроны и снаряды,

да и тут мы надули их форменным образом... иначе дело получилось бы поганое...

В боевой горячке из головы выскочило — есть ли у нас патроны. Я не спросил, а эскадроны тоже ни слова.

— Товарищ адъютант, из эскадронов за патронами приехали, а у меня их нет. Послал вчера подводы во второй разряд, а его не нашли. Говорят к корпусным обозам ушел. Почитай верст за пятьдесят отсюда теперь будет, — обрадовал полковой инструктор, разбудив меня утром...

— Адъютант, чего же ты смотрел! Почему патронов нет? — встретил меня Колесов, сумрачно сдвинув щетину бровей. На лице его уже бушевала буря. Признаюсь, холодок пробежал у меня по спине. Эскадронные, все четверо бывшие тут, виновато отвели от меня глаза. Я доложил, как и почему это случилось...

— Знать ничего не знаю. Чтобы патроны были... Собыют казаки, собственной рукой застрелю, как гада, — громыхнул Колесов, сел на свою Маргариту и ускакал к левому флангу...

Он никогда не бросал слов на ветер. Удержимся — живу, нет — конец. Нужно удержаться... Прошел через улицу к штабу. Эскадроны строятся для выхода на позицию. Бойцы и командиры хмурые. Поминают живых и мертвых родителей.

«На позицию посылают, а драться голым пальцем». — «Тоже командирами называются. Штаб... Прочаевничали...»

Вся эта ворчня сопровождалась отборными, виртуозными ругательствами.

Бойцы знают, что я не чаевничал, вместе с ними с утра до ночи метался по позиции, но по существу они правы, и я ничего не могу ответить в свое оправдание. Нехорошо, что все это горланится на всю улицу... Бабы и мужики сочувственно вздыхают, качают головой. Они привыкли к нам, как к родным, да и в наших рядах из села, почитай, больше сотни бойцов. Наше горе — их горе вдвойне. Мы в крайнем случае можем отступить, а для них — свирепая расправа остервенелой казачни. Они испытали это уже не раз...

Взгляд мой нечаянно упал на сивую кудлатую голову, жадно высунувшуюся из полутьмы крепкого рубленого двора. Под лохматыми бровями сверкнуло неподдельное злорадство и торжество. Это Чиж, богатый, ущемленный мужик и

сын его у белых, кажется офицер. Но думать о нем было некогда, хотя на заметку взять следовало.

Откуда же однако достать патронов? Их у нас не больше, как на час боя, а казаки могут начать наступление каждую минуту. 32-я дивизия отказала — у самой еле-еле. Угрозами и просьбами заставил коменданта станции Красный яр достать патроны и снаряды в 39-й дивизии, но доставят их не раньше ночи. Приходилось драться с тем, что было. Метнулся по эскадронам, проверил всю наличность. Упросил, условился открывать огонь, подпустив казаков до упора, и тогда жарить во всю, не жалея остатков. Расставил и проверил заставы, приказал открывать огонь лишь по моему сигналу. Писарей и телефонистов выгнал с винтовками на колокольню, указал, когда и куда бить...

Молча смотрел на мою беготню Колесов, хмурился, не мешал и сам что-то обдумывал...

Перевалило за полдень. Солнце уже нацелилось опускаться за зубчатую синюю кромку лесов, когда казаки спешно зашевелились: узнали они, что мы остались с одними клинками. Наш разъезд поймал в лесу мальчишку, пробиравшегося от Медведицы. Оказался внуком Чиж, бежал по приказанию деда за реку в деревню Громки к своей тетке за порошками. Там стояла казачья сотня. Нам эти порошки чуть боком не вышли. Лихие порошки оказались.

В 4 часа заросли лозняка закишели, как муравьиная кочка. Казаки решили итти напролом, в пешем строю.

Тысячи выстрелов разорвали дрему жаркого вечера. Батарея, нахально выкатившись на открытое место за Медведицей, гулко рявкнула сразу четырьмя пушками. Снаряды легли близко от штаба, но мы предусмотрительно забрались на крыльцо поповского дома, рядом с помещьем Чиж, успешного куда-то скрыться. Пули злобно свистели в замерших улицах, лохматыми хлопьями взлетала солома крыш; вместе с осколками гранат в воздухе путались кирпичи развороченных труб.

— Иван Петрович, кадеты через речку собираются лезть, — крикнул посыльный от средней заставы.

— Ну крой, адъютант, держись тут до последнего, а я нажму на них слева, — спокойно сказал Колесов, садясь на лошадь, пугливо вертевшуюся под роем стальных оводов...

Застава притаилась за кучами торфяных кирпичей. Против нее в ста шагах за ручьем стояла казачья цепь, спокойно вымеряя шестами глубину ручья. Я взмахнул фуражкой.

— Ба-та-ль-о-он. Пли! — рявкнул Юпатов. 30 казаков судорожно взметнули руками и осели в ручей. — Ба-тали-он! — эхом пронеслось с левой заставы. На колокольне усердствовали писаря и телефонисты. Непрерывным потоком понеслись наши ответные последние выстрелы. В каленые клещи зажали мы казачьи цепи, нахально выпершие к самому селу. Не вынесли казаки жаркой бани. Рванули они назад в чащу лозы, черными снопами валились на медных песчаных прогалах. Спасительные заросли стали для них на этот раз могилой. Колесов с двумя спешенными эскадронами переправился через ручей, проскользнул змеей по лозовой поросли и с тыла обрушился на бежавших казаков... Озлился Колесов на казаков хуже чорта: при переправе он снял и оставил ординарцу свои штаны с лампасами с тем, чтобы тот их перенес за ним. Случайный снаряд поповеркал ординарца; от штанов и клочка не осталось. Так без штанов и пришлось Колесову гнаться за казаками, под хохот наступающих бойцов. Належке он несясь впереди всех, беспощадно рубя направо и налево. Догнал толстого полковника и с живого содрал штаны с лампасами.

Казаки были разгромлены. Остатки их укрылись в хуторах. Лишь вражеская батарея, недосягаемая для нас, озверело крыла по селу. Не довольствуясь гранатами, она пустила очередь зажигательных снарядов. В пяти местах как свечи полыхнули хаты. Враг пожаром хотел выкурить нас из села. Я бросился к своей батарее. Единственный и последний патрон жалко торчал в пустых лотках. «Командир, хотя бы попугать...».

Охнула старая разболтанная пушка. Последний патрон. Последний снаряд. Случайно или нет, угодил он в самую батарею. Простым глазом было видно, как осело одно оружие. Казаки сразу прекратили огонь. Их батарея, боясь разгрома, быстро снялась с позиции и скрылась в лесу...

Кончаю запись... В штаб притащили пойманного Чижика. Под окнами веселый скрип повозок. Инструктор докладывает о прибытии 100 000 патронов и 800 снарядов. Ура... За завтра я спокоен!

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С С. БУДЕННЫМ.

Осенью 1918 г. на Царицынском фронте в селе Абганерево Черноярский и Царицынский конные отряды присоединились к 1-му конногвардейскому Крымскому революционному полку, которым командовал т. Тимошенко. В связи с реорганизацией отряда Думенко и Буденного, развернувшегося в дивизию (1-я сводная Донская кавалерийская дивизия), 1-й конногвардейский Крымский полк вошел в эту дивизию, получив название — 3-й Крымский кавалерийский полк. Командиром полка был назначен я, а т. Тимошенко — командиром 2-й кавалерийской бригады.

Полк, численностью в 730 сабель, состоял из пяти эскадронов. 1-й эскадрон был сформирован из старых кавалеристов Мариупольского гусарского полка, которых т. Тимошенко привел из царской армии; 2-й эскадрон — из кавалеристов 4-го Заамурского кавалерийского полка, которые присоединились к т. Тимошенко в районе Одессы; 3-й эскадрон — из донских казаков (быв. Царицынский отряд); 4-й эскадрон — из военнопленных мадьярских гусар и добровольцев-сербов (быв. Черноярский отряд); 5-й эскадрон был сформирован из астраханских казаков (быв. 4-го казачьего Астраханского полка). Пулеметная команда, сведенная из пулеметчиков всех отрядов, имела 9 пулеметов «Максима» (в двуколках Соколова). Весь командный состав от командира полка до командиров взводов состоял из бывших унтер-офицеров старой армии.

Однажды поздним вечером начальник снабжения дивизии т. Сиденко передал мне по телефону приказание начальника дивизии построить полк к 9 час. следующего утра для смотра на площади около церкви (Абганерево).

Полк был построен уже за полчаса до указанного времени. Посланный мною к начальнику дивизии адъютант полка

т. Шилин через несколько минут прискакал обратно и сообщил, что «там» уже подают к крыльцу лошадей.

Как я, так и остальной командный состав полка с нетерпением ожидали встречи с Буденным и Думенко, с которыми мы еще ни разу не встречались. Мой помощник т. Вербин спросил адъютанта, видел ли он Думенко и Буденного, как они выглядят. Весь командный состав полка насторожился.

— Видел, — медленно ответил адъютант. — Думенко кажется ничего, хороший парень, а Буденный — вроде злой, занозистый. Когда я доложил, что полк построен, он сердито посмотрел на меня и говорит: «Нужно строиться к указанному времени, а не морозить людей без нужды, стоя на плацу полчаса».

Неожиданно на плац галопом вылетело два всадника, за которыми вдали следовала группа кавалеристов. Адъютант нагнулся ко мне и почти закричал:

— Буденный и Думенко!

— Смирно, шапки вон, пики в руку, слушай, товарищи командиры, — прокатилась по полку команда.

Оркестр заиграл марсельезу.

После смотра полк расположился по квартирам в Абганереве для отдыха и подготовки к выступлению на Аксай.

В тот же день вечером т. Сиденко передал мне по телефону распоряжение начальника дивизии немедленно явиться к нему на квартиру вместе с помощником и адъютантом. Мы выехали. На квартире уже собрались все командиры полков. Тов. Буденный ознакомил нас с задачей и предстоящим наступлением. После долгих обсуждений и споров за ужином начальник дивизии Думенко, находившийся повидимому под впечатлением смотра полка, выступил с речью:

— К нам в дивизию влился Крымский полк, — сказал он, обводя всех довольным взглядом, — этот полк сегодня на смотре показал свою дисциплинированность. Как командный состав полка, так и сам полк строго придерживается устава. В полку существует команда смирно. А ежели в полку порядок, команда смирно, то и полк хорош и он заслуживает названия Красной гвардии.

Буденный слушал Думенко с едва уловимой улыбкой. Когда Думенко кончил, он встал.

— Товарищи командиры, — заговорил он. — Безусловно

первое впечатление о Крымском полку неплохое. Но нельзя конечно по наружному виду полка делать вывод, что он хорош во всех отношениях. Одно дело командовать «смирно» и говорить «здравие желаем», другое дело драться. Если в полку будет спайка, боевой дух и крепкая дисциплина, то тогда его можно будет назвать хорошим, но пока что мы этого не знаем и в бою полк не видели,—Буденный хитро улыбнулся,—ругать его поэтому не за что, а хвалить будем потом.

Все мы тем не менее были в восхищении от нашего начальника дивизии и смотрели на Буденного с некоторым предубеждением. Однако уже на следующий день наше отношение к нему резко изменилось.

Утром в 6 часов дивизия выступила из Абганерево на Аксай. 1-я бригада двигалась одной колонной по большой дороге Абганерево—Аксай, а Крымский полк — левее 1-й бригады уступом сзади. Ввиду сильного снега и метели связь с 1-й бригадой порвалась и полк сбился влево от большой дороги на 4—5 км. Неожиданно справа послышалась ружейная и пулеметная стрельба. Я переменил направление и двинул полк на выстрелы. Пройдя 2 км головная походная застава полка была встречена ружейным огнем с окраины хутора (что в 5—6 километрах от Абганерево по большой дороге, ведущей на Аксай). Полк остановился. Части нерешительно топтались на месте. Вдруг откуда-то из-за несущихся снегов вылетел т. Буденный. Он немедленно приказал двум эскадронам с пулеметами на карьере отрезать путь отступления противнику на Аксай, а остальным частям полка занять хутор и разбить находящиеся в нем 3 сотни конницы противника. В атаку мы должны были пойти минут через 15, после того как будет занята большая дорога (путь отступления противника).

Полк приходит в движение. Наконец на хуторе, занимаемом противником, послышалась тревога. Я пускаю взвод в лапу на хутор, а остальными частями полка в линии колонн по три двигаюсь следом за ним. Из хутора выскакивают две сотни противника и бросаются на высланный вперед взвод. Последний отходит. Тогда я обрушиваюсь на противника тремя эскадронами, он не выдерживает атаки и стремительно удирает через хутор по дороге на Аксай. Там его встречают пулеметным огнем во фланг. Два эскадрона, высланные заблаговременно по приказанию Буденного, перегораживают

ему дорогу, и после короткого боя, с помощью преследующих его трех эскадронов, три сотни противника уничтожаются. Небольшие группы офицеров, удравшие в степь, перехватываются частями 1-й бригады. Потери с нашей стороны: тяжело ранен помощник командира эскадрона Черепанов, 9 красноармейцев легко ранено, убито 4 лошади и 3 ранено.

Продолжая движение, в 2 часа дня 1-я бригада завязала бой на подступах к Аксаю. Крымский полк получил от т. Буденного распоряжение атаковать с тыла и фланга конницу противника, движущуюся из хутора Хлебного на Аксай. Между тем из Аксая показались большие колонны конницы противника до трех полков, которые двинулись на 1-ю бригаду. Тогда Крымский полк получает распоряжение атаковать совместно с 1-й бригадой показавшиеся колонны. Для задержки конницы, двигающейся из хутора Хлебного на помощь противнику, я спешил один эскадрон с 6 пулеметами, которые заставили конную группу отойти влево и переправиться на северо-восточной окраине Аксай по мосту через реку Гнилоаксайскую. Одновременно с этим 1-я бригада переходит в атаку на левый фланг и фронт противника. Происходит жестокий пашечный бой. Противник держится стойко. Тем временем т. Городовиков посадил на коней спешенный эскадрон Крымского полка и 2 пулемета и заскочил в тыл противнику. Когда Буденный с 1-й бригадой сбивает фланг противника, Городовиков врывается с тыла в промежутки между колоннами противника. Противник бежит в панике: 1-я бригада на его плечах вскакивает в Аксай. Крымский полк поворачивает на хутор Хлебный и довершает разгром. Противник, побросав пулеметы и обоз, мелкими группами по 10—15 человек рассеялся по степи, но большая часть его была изрублена.

В этих боях Крымский полк окончательно усыновляется Буденным.

Красные конники показали на многочисленных фронтах огромную спайку, какой до сих пор не знала история. Более двенадцати лет тому назад я бросил отца, мать, братьев и сестер на Балканском полуострове. Я приехал в Россию, как в чужую страну, но теперь, когда меня спрашивают, имею ли я здесь родственников, я, не задумываясь, отвечаю что самая близкая моя родня—мои боевые товарищи по 1-й конной.

М. КУЗНЕЦОВ.

СТРАНИЧКА ИЗ БОЕВОЙ ЖИЗНИ 4-й КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ.

Преследуя белых, сбитых под Царицыным в районе посада Дубовка и ст. Гумрак, 4-я кавдивизия под командованием С. М. Буденного в начале мая 1919 года с боями форсировала реку Сал и до самого позднего вечера гнала противника за большой хутор Золотарево-Мухинский с тем, чтобы гарантировать хотя бы одну ночь покойного отдыха бойцам и их верным коням.

Мы прогнали белых не менее как на 15 километров вглубь их неустойчивого тыла. Ночью вся дивизия, за исключением 1-го полка тов. Городовикова, с песнями вошла в хутор Золотарево-Мухинский.

Усталые бойцы быстро разместились по хатам, и хутор вскоре затих.

Я и начальник полевого штаба т. Зотов расположились вместе с Семеном Михайловичем. Не успели мы попить чаю, как дом наполнился соратниками. Они как всегда спрашивали:

— Семен Михайлович, а как завтра?

— А завтра опять так же! — отвечал т. Буденный, развертывая двухверстку. — Передайте бойцам, чтобы они сегодня расседлали коней; пусть разденутся и спокойно спят.

Однако спать спокойно в эту ночь не пришлось.

В 4 часа утра ординарец, дергая меня за ногу, испуганно кричал:

— Наступают! Бой на улице!

Здесь нельзя не отметить исключительной выдержки и хладнокровия т. Буденного, тогда еще комдива. Он вышел из квартиры последним, спокойно осмотрелся, сел на коня и выехал на улицу.

Всем известно, что ориентироваться и драться на улицах в то время, когда инициатива принадлежит противнику, чрезвычайно трудно. Вот почему бойцы, артиллерия, пулеметы в танках и даже обозы, сгрудившись на узких улицах, поспешно искали прорыва в поле, к свободе действий.

Образовалась пробка: часть бойцов поддавалась панике: слышались отдельные возгласы о том, что мы окружены, в кольцо и путь к реке Сал отрезан.

Проскакав по церковной площади, я увидел командира 3-го полка т. Летунова, который стоял примерно с двумя сотнями бойцов и громовым голосом обращался к столпившейся массе:

— 3-й полк ко мне! Стройся!

Естественно, что на узких улицах, да еще в момент обстрела, построить в боевой порядок дивизию было невозможно, и смешанная в кучу вооруженная масса продолжала вытягиваться по дороге, ведущей к переправе через реку Сал.

При выезде из хутора в поле можно было увидеть как на ладони густые цепи пехоты и кавалерии противника, который ураганным огнем обстреливал нашу кавалерию, проскакавшую головой колонны на три километра от хутора.

— По-в-о-д в-п-р-а-в-о! раздался далеко слышный голос Семена Михайловича. Стрелой подлетев к середине скачущей береницы, т. Буденный перескочил канаву, вынул шашку из ножен и с криком «в атаку — ура!» повел лавиной прямо с дороги в лоб противнику эту смешанную (а не поэскадронно построенную) боевую массу.

Под градом пуль Красная конница сразу забрала две цепи пехоты и бросилась на третью цепь и на стрелявшую в нас кавалерию.

Резервная цепь белых не приняла атаки нашей конницы, летевшей карьером и, не допустив ее до себя шагов на 50, воткнула штыки в землю; конница же противника бросилась отступать.

Неприятельская артиллерия укладывала снаряд за снарядом вокруг группы бойцов, сопровождавших т. Буденного.

Сильно беспокоясь о судьбе 1-го полка, он беспрестанно справлялся:

— Где же Городовиков? Уж не попался ли он с 1-м полком в переплет?

Разделавшись с окружившими нас на ночлег белыми, дивизия ринулась преследовать остатки отступавшего противника.

К начальнику полевого штаба т. Зотову подъехал ординарец от командира 3-го полка т. Летунова с донесением. В нем сообщалось:

«Третьей атакой прямо с площади хутора отбросил противника за мельницу, буду продолжать преследование, убит комиссар полка т. Скачков и несколько бойцов».

Проскакав примерно километров десять «наметом» от места, мы крайне удивились, увидев по дорогам длинную вереницу неприятельских обозов, среди которых было много пулеметов, несколько 3-дюймовых и 42-линейных орудий, оркестр трубачей и т. д.

Когда мы проскакали вперед, нас встретили бойцы 1-го кавполка т. Городовикова. Оказалось, что он, предвидя исход операций, берегом реки Сал на карьере достиг переправы при хуторе Сусат и отрезал путь белым к дальнейшему отступлению на Ростов-на-Дону.

Протолкнув жалкие остатки врага на довольно почтительное расстояние от хутора Сусат, полки дивизии в 18 часов прекратили преследование и, как всегда после боев перед отправлением на ночлег, собрались все вместе и спешившись подкармливали в поводу лошадей.

Под протяжную команду: «п-о к-о-н-я-м м-а-р-ш», дивизия с песней «Ноченька» тронулась на новый ночлег.

А вечером собравшиеся в квартире т. Буденного командиры и бойцы по всегдашнему спрашивали: «А как завтра»? Семен Михайлович, теребя пушистый ус, усмехаясь, отвечал: «Опять также».

Ночью Буденному доставили записку комдива 39-й стрелковой т. Семенова с настойчивой просьбой об экстренной помощи; — и дивизия, не дожидаясь рассвета, двинулась на выручку своих товарищей.

Е. ЩАДЕНКО.

„КРАСНЫЙ ВЕРДЕН И МЕТАЛЛИСТ ВОРОШИЛОВ“.

Имя Климентия Ворошилова тесно связано с героическим сопротивлением, которое донбассовские рабочие оказали немецким оккупантам и с той упорной и победоносной борьбой, которую вел Царицын с казачьим белогвардейским Доном.

Ранней весной 1918 года империалистический бык немецкого монархизма стальными копытами тяжелых снарядов стал взрывать поля Советской Украины, наводя диким ревом Крупновских глоток ужас и панику на мелкие, слабые еще тогда отряды Красной гвардии. Все катилось перед ним, все бежало, вихрем вздымая по дорогам пыль. Телеграфными распоряжениями и несколькими снарядами брались станции и даже города. Казалось, не было той силы, которая могла перегородить дорогу шагающим сомкнутыми рядами гинденбургским полкам и оказать им сопротивление.

И вот донбасский рабочий Клим Ворошилов с отрядом луганских рабочих в 600 человек бросается навстречу немецким оккупантам и 8 апреля 1918 г. под Харьковом у Основы наносит им тяжелое поражение, захватив 6 орудий, автомашины, пулеметы и 2 аэроплана. Этот первый смелый удар показал, что рабочий класс под умелым руководством способен совершать чудеса храбрости и героизма.

Отойдя затем к Луганску, т. Ворошилов усиленно формирует 5-ю армию и, погрузив в эшелоны орудия, пулеметы, обозы, отходит на линию Каменская—Лихая. Немцы, затопив всю Украину и Донбасс пытаются отрезать ему путь отступления, но он отбрасывает их и пропускает эшелоны на линию Лихая—Царицын.

Между тем при поддержке немецких генералов контрреволюционное восстание охватило весь Дон. 5-я армия оказалась

отрезанной от центра. Тогда Ворошилов решается пробиваться к Волге, на Царицын. Он ведет донбасских рабочих через бушующую стихию восставших казачьих станиц, увеличивая по пути свою армию рабочими и крестьянами Донецкого и Морозовского округов.

Армия оказалась окруженной белогвардейскими отрядами, которые ожесточенно сопротивлялись ее продвижению. Каждую станцию, каждый хутор приходится брать упорными боями. День и ночь ревут орудия и неутомимо трещат пулеметы. Гиблые равнины Донской области кажутся непреодолимыми. 85 эшелонов медленно ползут друг за другом через взорванные мосты, реки и овраги. Днем бойцы лежат в окопах, ночью восстанавливают железно-дорожные пути, собирая рельсы по окружающим хуторам и станицам, куда казаки растаскивают их на волах.

Три месяца оцетинившись стальными штыками пытался казачий Дон разорвать эшелоны и смять их в одиночку. Волна за волной подступали фецхелауро-мамонтовские казаки к медленно ползущим поездам, угрожая захлестнуть их и каждый раз, разгромленные, откатывались по сторонам.

Наконец через три месяца невероятной борьбы со свирепой казачьей стихией, через горы трупов, через непроходимые пропасти взорванных мостов, разрушенных дорог и насыпей Клим Ворошилов привел пролетариев Донбасса и крестьян Дона на помощь царицынским рабочим.

Здесь в этой пролетарской гавани, в большевистском фольватере, куда не ворваться белой волне, сколь она свирепа ни будь, т. Ворошилов строит под руководством т. Сталина несокрушимые валы Алябьевских бронепоездов, связывает большевистской волей разрозненные отряды в стальные цепи полков и дивизий и создает из них 10-ю Красную армию, дав ей прославленную, не знавшую промаха куликовскую артиллерию.

Царицын, выдавший виды на своем историческом пути безгранично верит своим вождям, армия любит свой РВС и не было такой задачи, такого героизма и самопожертвования, на исполнение которого они не были бы способны. Не один раз Мамонтовские бородачи, завывая казачью «уру», бросаются на истомленные части 10-й армии, стремясь захлестнуть и снести броневые «валы», форпосты, красную пристань. Од-

нако каждый раз выезжая на фиатской «канонерке» в открытое бушующее море боя, командующий «укрепленным фарватером» заставлял бешеные казачьи волны отхлынуть назад.

28 августа 1918 г. свирепый буран генеральской мятели, поднявшийся с полей белым ковылем донских полков, дико завывая вместе с осенним ветром, стал теснить наши полки. Напрягая все усилия, части 10-й армии, не имея ни снарядов, ни патрон откатывались к стенам Царицына. Казалось, выхода не было и враг должен был овладеть неприступным городом. Многие из нас уже были готовы к сдаче Царицына. Все средства, все силы, все что можно было использовать, было брошено на фронт. Однако РВС 10-й армии не терял еще надежды на успех. Рано утром 28 августа, простившись наспех с т. Сталиным, мы выехали с т. Ворошиловым на позиции, которые находились только в 5—7 км от города. Это была последняя попытка.

Армия устало отстреливаясь и тупо отбиваясь от наседавшего врага, медленно откатывалась к Волге, не понимая той опасности, которую таила в себе река, неимеющая переправ. Станции Воропоново и Садовая лежали в черных клубах дыма от рвущихся снарядов.

По дороге нам встречаются бредущие раненые, красноармейцы. На всех лежит печать безмерной усталости. Медленно тащатся фуры. Белые пулеметы kloкочут, заливая свинцом армию, отходящую безмолвно и без сопротивления. Кажется, нет выхода и Царицын придется сдать с 16 бронепоездами, с сотнями паровозов, тысячами вагонов снаряжения и быть может вместе с армией.

Истомленных, голодных, раздетых бойцов уже ничто не может заставить сражаться и побеждать, но командарм из рабочих Клим Ворошилов все же повел за собой Красную армию.

Мы торопливо подъезжаем к Коммунистической дивизии донбасских рабочих.

— Вперед, товарищи, — хрипло кричит командарм, — отступать некуда... Сзади Волга... За мной сыны революции...

И Коммунистическая дивизия, сползающая с последних высот к Волге, ринулась вперед. За ней порывисто бросилась Донецкая-Морозовская дивизии и скоро весь фронт пришел

в движение. Казачьи полки сразу отхлынули на 10 километров. Отрезанные бронепоезда т. Алябьева, героически ползая по Воропоновской ветке, не давались бело-казакам.

Пять верст прошли мы в цепи под ураганным огнем.

— Теперь на другой участок, — торопит Клим.

Едем дальше. Прорывы, пустота, ни одного человека на целые версты. Устремляемся к буграм, где еще недавно наши части занимали окопы. Примятая солома брошенных окопов, поднимаемая ветром, шевелится точно волосы.

С высокого холма смотрим в бинокль. Вдали переливаясь с озлобленными криками «ура», оглушительно рвутся снаряды. Влево, отрезанный бронепоезд т. Рудя. Справа, к югу, в 6 километрах батарея и блеск озера, у которого отчетливо видны фигуры людей и лошадей, не спеша пьющих воду.

— Это они, твои морозовцы, — отрываясь от бинокля с упреком бросает Ворошилов. — Не успели уехать, как выдохлись и застыли на месте.

— А может быть это не они, — пытаюсь я возразить.

— Как не они, разве я не вижу, — обрывает Клим. — Едемте, надо сдвинуть их с места, иначе все покатится обратно.

Молча, прислушиваясь к свисту ветра и отдаленному клекоту пулеметной речи, мчимся к озеру.

«А вдруг это противник», — лезет в голову гнетущая мысль, но сказать об этом вслух стыдно. Клим может заподозрить в трусости и тогда под едким его взглядом будешь чувствовать себя хуже, чем в самой ожесточенной пулеметной мятельнице.

Вот уже близко. Ясно видна какая-то батарея. Пальцы инстинктивно сжимают винтовку. Тов. Пархоменко многозначительно заглядывает в магазинную коробку. Напряженно смотрим в сторону приближающейся батареи, стараясь не встретиться с мрачным взглядом Клима. Он о чем то напряженно думает.

Луганец шоффер т. Цыбаненко, очевидно больше всех чувствуя на себе ответственность за командарма, нервно сжимает руль фиата.

— Товарищ Ворошилов, — настойчиво говорит он, — а не повернуть ли нам машину... Она идет задним ходом также, как и передним...

— Пожалуй, — соглашается Климентий Ефремович.

Быстро повернув машину перед батареей подъезжаем ближе. В двухстах шагах перед собой видим сестру с крестом на груди: ясно — белые.

Шоффер резко останавливает машину. Его помощник, младший брат, выскочив с переднего сиденья, подбегает к сестре. Она, бледная от страха, испуганно смотрит широко открытыми глазами то на нас, то на батарею.

На вопрос нашего «вестового», чья батарея, ошеломленная сестра водит по сторонам красивой рожницей, не в состоянии выговорить ни одного слова. Человек сорок пулеметной и батареейной прислуги замахали нам казачьими шапками. Всем стом на груди: ясно — белые.

Тогда командарм, вытянувшись во весь рост и обернувшись к толпе ротозеев, видимо все еще принимавших нас за своих или желающих нас взять живыми, властно приказал:

— Ну, что пораскрыли хлебала... Иди сюда ктонибудь...

Вахмистр батареи, на здоровенном темно-гнедом коне, быстро отделившись от толпы, коротким полевым галопом подскочил к машине. За ним бросилось еще двое.

— Смотри, смотри, — толкая локтем, шепчу Климу. — Урядник, погоны, кокарда...

Круто осадив коня, вахмистр взял было под козырек, но увидев у нас на фуражках красные звезды, судорожно схватился за рукоятку револьвера.

Командарм, как и мы все, держал опущенную в автомобиль винтовку наготове и быстро подняв ее, выстрелил вахмистру в упор. Тот неуклюже подпрыгнул в седле и полетел с рванувшейся в сторону лошади. Мы открыли стрельбу пачками из трех винтовок. Шофер сразу дал машине полный ход, на батарею от неожиданности и выстрелов поднялся шум и паника. Человек с десять верховых выскочило за нами в погоню.

Отстреливаясь, мы валили одного за другим преследующих всадников, которые служили однако нам спасательным щитом, так как из-за них пулеметы и батареи не могли открыть огонь. Когда всадники догадались свернуть в сторону, чтобы освободить поле обстрела, было уже поздно. Мы выскочили из белых лап и весело смеялись, глядя возбужденными глазами друг на друга.

Костя Медведев¹ посмотрел укоризненно на Клима и категорично заявил, что так рисковать нельзя.

— Чудак ты, — загоревшись ярким румянцем, возразил командарм, — как же узнаешь обстановку без риска, вот объехали километров 50, теперь нам и ясно, что делать.

И помолчав, как бы обдумывая план, уверенно добавил:

— Теперь мы его будем лупить...

Наша машина мчалась уже на другие участки. Через несколько дней противник был отброшен за Дон. Растянувшиеся обозы и клубы вздымаемой ими пыли ясно показали, что мамонтовцы удирают, не выдержав московских гостинцев, полученных нами наконец из Саратова по Волге.

И так было не раз.

— Надо учиться у противника действиям и тактическим приемам. Надо бить врага тем же оружием, оттачивая его на станке дерзости, находчивости и смелой инициативы. Тогда мы всегда будем побеждать, — словом и примером поучал командиров и бойцов Климентий Ефремович.

— Вот они вам набили морду, теперь вы будете знать, что спать нельзя, — упрекал командарм одну из наших батарей, которая была вместе с батальоном пехоты захвачена врасплох ночью казаками в селении Мариновка. Действительно, через несколько дней одна бригада той же Донецкой дивизии, пробравшись ночью километров на пятнадцать в тыл к противнику, отбила у казаков 6 орудий, свыше 20 пулеметов и пленила два полка пехоты.

— Вот это здорово, товарищи! — поздравлял их на другой день командарм, — за битых я теперь 10 небитых не возьму.

Ненависть к классовому врагу и вера в собственные силы, вера в идею, за которую боролась 10-я армия, делала неприступным Царицын, несмотря на неоднократные приказы Краснова и постановления Большого войскового круга «взять во что бы то ни стало Царицын», и создала городу мировую известность «Красного Вердена».

¹ Беззаветный герой убит деникинцами на Украине в 1919 г.

И. КОСогов.

ПОДКРЕПЛЕНИЕ.

(Из боевого дневника 1920 г.)

Сегодня, 5 июня, решительный день. Нужно во что бы то ни стало прорвать фронт. Целую неделю конная армия щупала этот фронт и вела жестокие, пока неуспешные, бои. Получен приказ — прорвать фронт и выйти в тыл 3-й польской армии.

День решительный, а полки действуют вяло. Мнутя перед польской позицией и лениво ощупывают ее боевыми дозорами. Поляки держатся уверенно. Их меньше нас, но они искусно использовали местность, окопались и опутались проволокой. Куда ни ткнешься — всюду меткий перекрестный огонь... Лениво наступает в центре Конармии 4-й кавдивизия, даже не наступает, а томится перед позицией, охватившей отлогой дугой деревню Озерно. И утро такое ленивое, затянутое сероватой вуалью не то тумана, не то мелкого переменяющегося дождика.

Стою на ветхой колоколенке села Молчановки. От бинокля болят глазные впадины. Серая пелена тумана мешает уловить очертание позиции. В пятый раз послал ординарца к комбригу 3 Чеботареву с приказанием: расшевелиться. «Ох этот чудила Чеботарев, — орать только мастер!..».

Скрипнули шаткие ступени колокольни... Хотел было крикнуть сердито: — Кто там прется без разрешения? Осекся от неожиданности: над полом колокольни вынырнули знакомые черные пушистые усы и сверкнула морская зелень немигающих глаз.

— А, — вот он где!

— Здравия желаю, т. Буденный!

За ним юношески бодро выскакивает т. Ворошилов и прямо с места, блестя юными карими глазами: — Чего же, вы,

чорт вас побери, толчетесь тут? Мы-то думали, что приедем к шапочному разбору, а они еще и звонить не собирались...

— Виноват, т. Ворошилов, вот бригады, пока еще... третья что-то запнулась!..

— Запнулась! Толкать надо! Перед какими-то паршивцами кадрили водят. Ну-ка, братцы, живей отдавай распоряжения. Воевать, так воевать. Тут их и всего на один удар. Смотри вон 11-я уже вытянулась слева, напирает, а вы — грибы солите. Ну, едем, Семен Михайлович, вперед, — тут делать нечего.

Быстро и деловито Буденный отдает свои последние распоряжения...

Ординарцы с белыми пакетиками несутся быстро в бригады. Но быстрее их несется весть, что в дивизию приехал сам Буденный и Ворошилов.

Чаще затукали пулеметы, затрещали винтовки и зашевелилась опушка сине-зеленого леса и мелкая поросль кустарника.

Солнце прорвало серые тучи и золотым снопом полоснуло по густой нежной зеленой озиме.

Как утки ныряют наши кони в высокой зелени хлебов.

Мой рыжий дончак галопом еле успевает за рысью ворошиловской «Волги». Птицей распластывается «Казбек» Буденного...

Стоп! В ложине наскочили на 2-ю батарею. Команда засуетилась.

— Здравствуйте, товарищи!..

— Ну, Шаповалов, что это ты скис? По ком ведешь огонь?

Буденный скачет дальше вправо, где сгрудилась вторая бригада.

Мы с Ворошиловым на наблюдательном пункте батареи.

— Никак, т. Ворошилов, не нащупаешь его батареи, да и по окопам не видно, как ложатся снаряды! — виновато объясняет Шаповалов.

Метнул карим взглядом Ворошилов по позиции.

— А, вон, видишь угол деревни, три последние халупы? ну-ка попробуй туда, кажись, что-то там есть!..

— Ух! ух! — вздохнули пушки и два стальных гостинца лягнули по указанному месту. Еще два, и еще... Смотрим в бинокль: суматоха, какие-то перебежки. Дальше... «по отдель-

К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный среди бойцов Первой конной армии.

ному домику и группе деревьев!». Оттуда — польский эскадрон. Отрезанный нашим огнем, он мечется по зеленому лугу, стремясь прорваться в деревню, а к нему уже несутся наши отдельные всадники. Впереди них кто-то на буланом дончаке, очень похожем на «Казбека».

Через несколько минут кончилась боевая потеха. К нам на батарею скачет т. Буденный и ведет двух серых скакунов, лично отбитых им у поляков.

Огонь, открытый по указанию т. Ворошилова, оказался весьма удачным. Завозившиеся польские пехотинцы обнаружили линию своих окопов. Буденный едет ко 2-й бригаде. Полки ее спешились и во главе с комбригом Тюленевым смело идут в атаку. Левее 3-я бригада тоже двинулась... Справа 14-я кавдивизия нажимает. 11-я навалилась с левого фланга... Дружный напор и... все кончено.

Несемся в деревню. На улицах трупы польских солдат и за деревней, вдоль канавы, рядами лежат они...

Далеко по дорогам и по полю несутся наши бригады, преследуя разбитые остатки противника. А в деревне испуганная толпа пленных, человек триста. Все молодежь, почти мальчишки, есть сильно раненные, но все хлопают в ладоши и кричат:

— Пан, я ваш... Буржуи гонят нас. Мы не хотим воевать, — они щелят нас!..

Фронт прорван, мы спокойно двигаемся в неизвестный нам вражеский тыл.

Обмениваемся впечатлениями дня.

Слышу разговор между бойцами:

— Скажи, Пчелин, что это значит; приехали в дивизию всего два человека — Буденный и Ворошилов, — а будто новая сила подошла. С утра-то — наши волюнили, а как узнали, что они приехали, рванули — только лоскуты полетели!..

— Эх, ты, а еще Голованом прозываешься! Вера, брат, в них есть, что они всегда правильно выведут; с ними никогда не пропадешь, вот потому, хоть и двое их, а в них главная поддержка.

В вечерних сумерках необычно и неожиданно приятно сверкнуло электрическими огнями село Ягнятин. Первый ночлег в польском тылу...

Н. КОСОВОВ.

ДЕЛА СИЛЬНЕЕ СЛОВ.

Михаил Иванович Калинин три раза посещал Конную армию, причем каждое его посещение происходило накануне или вернее перед самыми значительными ее операциями и вызывало в сердцах бойцов прилив огромной революционной энергии и энтузиазма.

Появление т. Калинина в конармейских рядах было знаком величайшего доверия и надежд, возлагаемых на Конную армию рабоче-крестьянской властью.

Впервые Михаил Иванович посетил Конный корпус Буденного после занятия им Воронежа, перед тем как буденновцы готовились нанести сокрушительный удар по ст. Касторной. Второй раз он был в Конной армии в мае 1920 г., когда она, сделав тысячекилометровый переход, сосредоточилась в районе г. Умани и готовилась к удару по белопольскому фронту. И третий раз — в районе станции Знаменка, Киевской губ., когда Конармия спешила на Врангелевский фронт, чтобы тяжелой гирей хватить по черепу зарвавшегося крымского барона.

Особенно примечательно второе посещение. Михаил Иванович не только посетил штаб Конармии, но и объехал ее боевые дивизии и бригады. Его посещение и речи были одним из лучших средств в деле военно-политической подготовки красноармейских масс к выполнению предстоящих тяжелых боевых задач.

Скромная внешность, простота и вместе с тем революционная пламенность речи делали т. Калинина близким и родным красноармейским массам.

«И впрямь староста, самый нашинский, любезный человек! — отзывались о нем красные кавалеристы. Особенно поднял авторитет т. Калинина в глазах красноармейцев следую-

щий случай. Приехал он в 1-ю бригаду 6-й кавдивизии. Просто, без парада, тесным кольцом окружила его красноармейская масса и жадно ловила его слова. Слабый голос Михаила Ивановича на этот раз звучал отчетливо.

Вдруг над мирным митингом появился аэроплан. В синеве майского неба под ласкающими лучами солнца отчетливо была видна на крыльях красная звезда. Поэтому и не придали появлению самолета большого значения. Думали, что свой. Ниже и ниже спускался аппарат над бригадой, а потом открыл по ней пулеметный огонь. Это был польский разведчик. Его нападение было столь неожиданно, что бойцы невольно шарахнулись в стороны, ища укрытия. Стоны раненых бойцов, смятение лошадей, испуганных шумом пропеллера, усилили беспорядок. Командиры не сразу нашли, что предпринять...

Тов. Калинин спокойно остался стоять на тачанке, которая была для него трибуной, и молча смотрел на происходящее. Так он и стоял без шапки под свинцовым огнем, которым поливал противник смятеную бригаду. Оправившись от первого замешательства, бойцы и командиры открыли стрельбу по предательскому аэроплану, и тот, поднявшись выше, скоро ретировался во-свояси.

Бойцы, видя Михаила Ивановича спокойно стоящим на прежнем месте, снова окружили его. Митинг продолжался. Тем же спокойным голосом, как ни в чем не бывало, М. И. продолжал свою речь. Шопот, восхищения мужеством и спокойствием Михаила Ивановича передавался по боевым рядам.

Кто храбрый — тот первый и самый почетный — так считалось у конармейцев. Храбрость и мужество во всякой обстановке считалось лучшей доблестью бойца. И эту доблесть проявил Михаил Иванович на глазах у тысяч испытанных бойцов, немного отвыкших за тысячекилометровый переход от боевых сюрпризов и потому сперва растерявшихся.

Михаил Иванович показал этим привычным рубакам, что подлинному революционеру и вождю не страшны никакие опасности.

Для простых конармейских сердец описанный случай сказал больше, чем многие пламенные речи. Тов. Калинин в глазах конармейцев сделался своим, близким, родным и понятным.

Е. ЩАДЕНКО.

НАЧДИВ 6.

Бой кончился. Пулеметная и ружейная перестрелка стихала и наконец, с наступлением вечера, умолкла. Из лесочка выскочил и, неумоимо нахлестывая прихрамывающего коня, пронесся ординарец. По дороге, вздымая облако пыли, торопливо проехала батарея. Бригады и дивизии Конной армии, выйдя из боя Радзивиллов — Берестечко, одна за другой располагались по бивуакам.

— Ло-ша-дей не рас-сед-лы-вать, — прокатилась по рядам протяжная команда.

Кругом вспыхивали костры. Потянуло запахом дыма и огня. Бойцы, разнуздав коней и подвязав им торбы с зерном, вытаскивали из кобуров хлеб, сало и опускались на траву. Утомленные за день боев, все угрюмо молчали. Некоторые уже дремали. Из-за леса вставал бледный немощный месяц.

И вдруг где-то в стороне привычные пальцы ударили по ладам гармошки, и полились частушки. Неуловимый трепет прошел по всему бивуаку. Сало и хлеб были торопливо проглочены. Вскочили и те, кто спал. В 6-й дивизии хороводные запевалы, залихватские танцоры, неунывающие лихачи уже выплясывали гопак. Они волчками носились по кругу и, то приседая, то подпрыгивая, кружились на одной ноге, руке, животах...

В других дивизиях гремели «Наурская», «Казачек», «Барыня»...

Чубатые бойцы, окружив плясунов, били в такт в ладоши, по голенищам сапог и не в силах сдержаться, сверкая глазами и подбоченясь, неслись вслед за ними.

Толпа смехом и свистом выражала свое одобрение и неумоимо, в такт гармоникам, дружно отбивала в ладоши.

Начдив 6 Апанасенко колебался и, несмотря на настойчивые просьбы бойцов, долго не решался войти в круг. Наконец, подхватив левой рукой кривую саблю, он выступил вперед, передернул широкими плечами и сразу, с места пошел в присядку под одобрительный гул. «Большой войсковой круг» следил за ним с неослабляемым вниманием.

И вдруг, никем незамеченный, к толпе веселящихся бойцов бесшумно подкатил автомобиль.

— Командарм! — выкрикнул кто-то.

Толпа мигом обернулась, колыхнулась и бросилась к машине. Апанасенко с увлечением выкинул какое-то невиданное хитрое колено и только тут заметил, что толпа откатилась. Он неловко оперся на руку и сел на землю. Глубокая обида схватила начдива 6. Он сумрачно огляделся, медленно встал и, ни на кого не глядя, подошел к командарму с рапортом.

— Бойцов развлекаете, — улыбаясь одобрительно спросил член РВС т. Ворошилов, когда Апанасенко отрапортовал Буденному.

— Так точно, — быстро ответил Апанасенко, забывая об обиде и сжимая левой рукой кривую саблю.

Толпа восторженно следила за Ворошиловым и Буденным. Она доверяла своим вождям, которые умело вели ее от победы к победе, любила и гордилась ими. Под Воронежем, у Касторной, под Ростовом, в Сальских степях — всюду полки Конной армии, идя в бой, видели своих командиров впереди. Они делили с бойцами опасности боя, тяготы походной жизни и всегда короткий отдых.

— Наурскую — крикнул Буденный, выскакивая из автомобиля.

Гармонь рванула. Толпа ударила в ладоши.

В синей с серебрянными газирями черкеске, красном бешмете, с кинжалом в костяной оправе, саблей и в белом с откинутым за плечи голубыми полями башлыке Буденный мягко выступил на середину круга. Он оглядел всех веселыми глазами и вдруг сорвался с места.

— Нам черт — пес, лишь бы яйца нес, — взревел какой-то боец, неистово прихлопывая каблуками.

А Буденный, раскинув руки, точно плыл в воздухе.

— Таш, таш — приговаривал он и весь круг точно загнип-нотизированный гудел:

— Таш-таш, таш-таш.

Гоп-гоп, гоп-гоп.

— Довольно, ребята, стоп,—устало проговорил Буденный.

Толпа подхватила на руки Буденного и Ворошилова и, подбрасывая в воздух, наконец опустила их в автомобиль.

— До свидания, товарищи. Веселись, не унывай,—крикнул Буденный.

Бойцы ответили мощным ура. Машина двинулась и уже исчезла, но потрясающее ура долго не смолкало.

На месте расположения Конной армии до поздней ночи слышались возбужденные голоса, звуки гармошки. Наконец все стихло. Костры гасли. Стреноженные кони ржали и били копытами.

Перекликаясь между собой за лесочком, как перепела, стрекотали сторожевые пулеметы. Секреты и посты напряженно всматривались в темноту и прислушивались к каждому шороху притаившейся шляхты. Месяц взбирался все выше и выше.

— Хорошая ночь,—сказал Апанасенко, задумчиво оглядываясь вокруг.

— Хорошая,—рассеяно согласился военкомдив Шепелев.

— Эх, а какие у нас ночи на Дону, на Кубани, в Ставропольщине,—мечтательно продолжал Апанасенко.—А степь какая! Едешь, едешь и конца края нет, и всюду трава волнуется, и ковыль колышется.

— А я с Урала,—с грустью заметил Шепелев.—У нас горы, камень, леса, руда.

— Эх,—рванулся Апанасенко, сжимая кулаки,—люблю я раздолье степное... Всю жизнь по степям скитался... И чего не видел.

— Ну, расскажи, друже, что-нибудь,—тихо попросил военком.

Шепелев был особенно грустен. Он потерял сегодня в бою лучшего друга детства, с которым вырос, работал и боролся на Урале.

Апанасенко посмотрел на него искоса, ласково пробормотал:

— Да что же рассказывать... Нечего... Хочешь расскажу вот о себе.

Оба присели на сено. Отовсюду неся храп спящих бойцов. Иногда слышалось сонное бормотание. Стоящие рядом кони беззвучно жевали сено и били копытами. Из-за лесочка изредка доносились ружейные выстрелы. Месяц осторожно плыл на запад. Над полями вставал туман.

— В Савропольщине есть село Благодарное, — медленно и задумчиво начал свой рассказ Апанасенко. — Большое. До двадцати тысяч населения пожалуй в нем будет. Это село когда-то пану Безмозгову принадлежало. В благодарность от Екатерины получил его, а за что она дарила, всем известно... И вот мой прадед «Апанас» с апанасятами, как свинья с поросятами, попал в его владение. В крепостные значит.

Жил Апанас, работал на пана и кое-как кормил своих панасят. Повыросли — кого замуж повидал, а кого поженил. Ну, и моего деда в том числе. А деда моего Давыдом звали...

Увидел как-то пан жинку деда моего, понравилась она ему, и велел он ее на панский двор прислать. Дед Давыд и давай выть, пана просить: дюже, говорит, мне жинка любя, а к том уже, говорит, дите малое у ней на руках... Не может, говорит, на панском дворе работать.

А пан ни в какую.

На беду лихую дед напился, да на людях и болтнул:

— Запалю, мол, или зарежу...

Взяли его на конюшню, всыпали, сколько полагалось по штату, выпороли, заковали да и отправили в солдаты. Вот и все.

Прослужил он двадцать пять лет на службе царской и вернулся к бабке, а бабки давным давно и в живых не было.

На третий год и ее заporоли: не угодила чем-то барину.

Запил с горя дед, закрутился, а потом и уgomонился.

Отец мой рос гол и бос. К тому времени освободили крестьян от земли и стал он батраком у тех же панов. А дальше, известно, дело крестьянское. Женился, пошли дети. Не успел подрасти я — в подпаски меня отдали, а потом и в пастухи. Годам к девятнадцати стал я батраком у пана.

Молодой я был, на улицу ходил, гармошку завел, в хороводах хороводил. А потом заколобродил и так же, как дед, влюбился... Хорошая дивчина была, Оксаною звали.

Через годик мы с ней мужем и женой стали. Я — батраком, а она — прислужгой у пана.

Жили не погано... Только однажды смотрю, помутнели у моей Оксаны глаза, от слез распухли. Спрашиваю, в чем дело? А она стесняется сказать: плачет да и только.

Рассердился я и говорю:

— Перестань рюнить, Расскажи толком.

Помолчала она, вытерла фартуком слезы и кричить:

— Пан молодой до мене лизе, пристае, ни в дни, ни в ночи покою не дае.

Одел я шапку и к старому пану побег:

— Так, мол, и так, барин. Сын ваш до моей жинки, як кобель пристае...

А он, как заорет:

— Как ты смеешь, сукин сын, позорить мой род!

— Я, — говорю, — не позорю, а он позорит мою жинку.

— Да ты, што, — кричит, — мерзавец, пьян?... Откуда ты, из шинку?.. Да как развернется и по щеке меня кулаком!

— Позвольте, — говорю спокойно, а у самого щека горит и как огонь пылает, — бить, барин, не позволю... Я на вас в суде исправу найду...

А он распалился, как кизек, и кричит:

— Вон, мужик! Вон, хамово отродье!... Плевал я на ваш «суд». Собаки мои на него...

И выгнал.

Вышел я с панского двора, иду по улице и землю не чувствую...

Щека горит... Был я таким, што сразу быка мог повалить, а тут робость на меня напала... Дрожу весь и даже оглянуться боюсь, несовладаешь, — бормочу, — Апанасенко, не гляди на панский двор, еще вернешься, а тогда в кандалы тебя и на вечные века за Сибирь угонять... Доплелся домой, взял за руку Оксану и пошел наниматься к другому пану...

— Ну что же, и судился с тем? — неожиданно спросил военком, сверкающими глазами следя за Апанасенко, — или притих?

— Нет, где там, — шепотом ответил Апанасенко. — Судьи все из них же были... А притихнуть, не притих, — выкрикнул он. — Покой с тех пор потерял... Живу, работаю и все думаю о проклятом пане. И как вспомню о щеке, так и запылает она огнем.

И стыдно мне перед людьми, все кажется, что руками на меня показывают, смеются: перед паном накла... Места себе не нахожу. Все думаю: почему же я не сдал пану... Што тюрьма, што Сибирь, зато бы щека не горела... Не от боли, она горела, от обиды великой, которую и снести я не мог.

— Так и ушел я из Ставропольщины на Дон, к чумакам пристроился, и стал чумаковать... Ну, хурувать, — пояснил Апанасенко, заметя недоумевающий взгляд военкома. — Хуры с рыбой, с солью, с хлебом возит. С Кубани на Дон, в Таганрог, в Бахмут, на Волгу к Царицыну и опять обратно. Так и кружил зиму и лето по степям, как моряк по морю. Едешь степью, а кругом хлеба зреют, ветер по ним бежит, гнет до земли... По лугам табуны коней и овец бродят. В станицах и хуторах хаты в зелени, в тополях и вишневых садах тонут... Вечерами девки с парнями хороводы хороводят, за плетнями прячутся, до зари шепчутся, целуются....

Вот они, степи наши, какие, — вскочил Апанасенко, размахивая руками, — знойные, просторные... Гляжу на них и все как есть забываю и только щека моя, панской рукой битая, горит неослабно... Потрогаю ее рукою и про себя говорю:

— Эх ты, Апанасенко, почему испужался, почему пану не отомстил...

Так вот чумаковал и мучился все время. Подошел срок в солдаты.

Ну, утешаюсь, пойду служить, там забудусь.

Стараюсь на службе, из кожи лезу, унтером, а затем и вахмистром стал. Грамоте выучился.

А думка о пане все упрямее, все тяжелее мне и все сильнее щека горит.

И так двенадцать лет, пока не пришел Октябрь...

— Так вот оно, дружище, — проговорил Апанасенко.

— Что же дальше, — прогоняя дремоту, спросил военком.

— А дальше што же, — нерешительно пробормотал Апанасенко и вдруг приподнялся. — Известно какое дело... На позициях был я в полковом комитете. Ну, значит, тронулись мы всем фронтом домой... Дюже мне хотелось дома побывать. Посмотреть, как там и што.

Приезжаю я в Ставропольщину и в Благодарное заявляюсь. Иду к пану, который к моей Оксане лез. Сидит он дома с братом, погонами да медалями поблескивает.

— Ну, голубчики, — говорю им тихо, а сам за косяк дверей держусь, — будем с вами считаться теперь... Всех к чертовой матери выбросим...

Усмехнулись они враз:

— Иди, иди, — говорят, мы еще посмотрим кто кого... Не таким носы утирали, утрем и вам...

Это, значить революции нашей!! Ага, думаю, так... Ладно.

Собрались мы все к Берлову, он тогда у нас первым большевиком был.

Сошлось нас ни мало, ни много. Товарищ Негоров — первый организатор, можно сказать — убили его потом, — Селиванов, Зиберов, Голубовский, Книга и другие. Стали обсуждать што старо, а што ново, и решили Красную гвардию формировать.

Паны тоже не дремали и белый отряд сколотили. Со всех сторон к ним в сучье гнездо белопогонники сбежались.

— Ну, говорю, — идемте, ребята, к панам. Нечего время терять. Не мы их, так они нас прихлопнут... Одним словом, революция теперь.

Захватили мы панов врасплох на заре. Не ожидали они нас, потому спали без постов и застав.

— Ну, говорю, — рассусоливать с вами нам некогда. Стаповись!

Построил я их — человек сорок набралось гадов — и давай подряд... Тут я им вспомнил все, все боли, обиды, весь пережитый позор и стыд, за все сразу заплатил. За истерзанную, поруганную бабку, деда, мать, жену, за землю, за труд каторжный и бедняцкую голодную долю...

А молодого пана на конец сберег. Подхожу к нему и ясно объясняю:

— Не мы вас, так завтра вы нас словите... И есть это классовая война... Прямо сказать, во имя народа тебя...

Стоит — он, гад, такой красивый, солидный, у золотых пагонах блестит увесь, как месяц, и спрашивает: «За што?»

Апанасенко перевел дух...

Апанасенко и военком незаметно уснули рядом на сене. Шепелев спал тревожно, изредка вскрикивая, судорожно сжимаемая сабля, зажатую в правой руке. Ему снилось, будто на него напала махновская банда и он, стараясь левой рукой

Апанасенко —начдив 6 кавалерийской Чангарской.

оттащить их от какой-то терзаемой жертвы, правой наносил крепкие удары по головам озверелых бандитов.

Апанасенко, проснувшись, посмотрел на него с тревогой. Увидев рассвет, он осторожно, стараясь не потревожить спящего Шепелева, приподнялся, прислушался к людскому и лошадиному храпу и пошел проверять посты.

Месяц, мигая уныло, гас на западе.

Когда наступило утро и над расположением Конной армии брызнула заря, начдив Апанасенко уже носился как ветер на дончаке, властно отдавая распоряжения.

Через два часа, когда солнце, разогнав серые лохмы туч, торжественно выкатилось из-за леса, степной стратег из чумаков доносил:

«Командарму Первой конной т. Буденному».

Доношу, что после Вашего вчерашнего отъезда из дивизии полки 2-й и 3-й бригад были окружены конницей противника, а пехота поляков сделала заслон у села Болдуры.

Мною был отдан приказ разбить противника или умереть, спасая революцию.

Я сам повел полки в атаку. И после ожесточенного боя разбил 12 полков белопанской конницы.

Из них 7-й, 8-й и 12-й уланские были загнаны в болото.

Нами взято 1 500 строевых лошадей, 12 орудий, 40 пулеметов и радиостанция.

В этом бою пал жертвою беззаветной храбрости командир 34-го кавполка т. Трунов.

С первой бригадой связи не имел.

После боя имею связь с Особой кавбригадой, в районе Радзивишлов.

Мною отдан приказ полкам дивизии, ни минуты не останавливаясь, переправиться через реку Линевка, в районе села Сестратин. Разбивать и преследовать остатки противника в общем направлении на Хотин, местечко Берестечко, с целью отрезать переправы на р. Стирь.

Я буду двигаться в направлении Сестратин — Ситенко. Штадив и 2-я бригада расположится в селе Хотин, 3-я бригада — в селе Корино.

Первой бригаде т. Книга приказал достичь во что бы то ни стало села Послугов.

Прошу сообщить положение частей 4-й и 11-й кавдивизий и где будет расположен полештарм.

Начдив А п а н а с е н к о.

Наштадив Ш е к о.

Чубатый ставрополец, получив пакет от штадива, вскочил на коня и стремительно понесся к кургану. Буденный и Ворошилов, следившие за ходом боя, догадались, что это ординарец начдива 6. Они видели, как полки 2-й и 3-й бригад летели в атаку. Они во-время пустили два полка особой бригады, которые не дали возможности полякам выскочить из-под удара. Они видели, как первый полк, во главе с казаком Горячевым, отрезал путь отступления полякам, принудив их свернуть в сторону и прыгать в болото. Все это они видели.

Поэтому, когда начполештарм Зотов стал читать донесение, Ворошилов, хмуря густые брови, весело улыбался.

А командарм из мужиков Буденный горделиво поднял голову, осмотрелся кругом, полазил глазами по разостланной на коленях карте, выпрямился во весь рост и решительно заявил:

— Правильно... Молодцы ребята!

АНДРЕЙ ИРКУТОВ.

БУКВА «А».

(Из цикла «Первая конная»).

Посвящаю Андрею Хрулеву.

I.

Учитель Калиманов в третий раз выменял левую пристяжную своей упряжки. На третий день после обмена выяснилось, что новая лошадь хромает на правую переднюю, и настроение Калиманова испортилось.

Обоз полка растянулся километра на два, а Калимановская тачанка, обычно обгонявшая всех, теперь жалко тащилась в хвосте, окутанная облаком пыли.

Часам к девяти вечера, когда солнце опустилось к горизонту, выяснилось, что отдых далек так же, как и утром. Противоречивые сведения, целый день передававшиеся из уст в уста, определились цифрой «сорок», и так как к ней прибавлялось еще коротенькое словечко «гак», то ясно было, что ехать придется всю ночь.

Земля и воздух, прогретые за день, не хотели остывать, пыль слоем серой пудры оседала в неровностях кожи.

Мучительно хотелось добраться до какого-нибудь колодца, скинуть с себя платье и опрокинуть на воспаленные от пота и пыли плечи тяжелое ведро холодной воды.

Хаты, маячившие на горизонте, дразнили возможностью минутной остановки, но, не доезжая до них нескольких километров, обоз, направляемый волей полкового штаба, вдруг свернул в сторону и утонул в просторах степной дороги.

Калиманов выругался, с завистью оглядываясь назад, но скоро успокоился, почувствовав, что воздух стал легче от соседства зеленого ковра степной целины.

Кучер, старый боец, попавший в обоз после тяжелого ранения, обернулся на козлах и спросил:

- Может напрямиком? А?
- Да ведь чорт их знает, куда они поедут?
- Все одно. Дорога влево идет. Вот мы и перехватим.
- А пристяжная?
- Все одно. Дойдет! Опять же по степу ей легче будет.

Мягче.

Калиманов подумал, глянул на змеившуюся дорогу, сообразил, что напрямиком выйдет экономия километра на три, и согласился.

Кучер шевельнул вожжами, чмокнул, чуть-чуть свистнул и сытая тройка легко перемахнула неширокую канаву.

Ощущение было такое же, как на маленькой шлюпке в море, волнуемому легкой бурей. Тачанка, мягко сидевшая на хороших рессорах, покачивалась, припадая то на зад, то на перед. Высокие травы, раз уже скошенные и теперь буйной дерзостью рвущиеся навстречу новой косьбе, хлестали лошадей по крутым бокам и бросали в лицо запахи летнего цветения, смешанные с крепким ароматом здоровой сильной земли.

Солнце последними лучами позолотило края пробежавших неведомо куда облаков, этих вечных партизанов неба, и окончательно закатилось на отдых после трудного, долгого летнего дня.

И вдруг... Тачанка качнулась вправо, подпрыгнула, бросилась влево, нырнула вперед, ударила лошадей по ногам и остановилась.

Кони бились, силясь вытащить тяжелый экипаж из степной ямы и, путаясь, рвали постромки. Калиманов не то выскочил, не то вывалился в густую траву. Кучер, подобрав вожжи, пощипывал лошадей, смешивая все ругательства и веселые слова, которые он знал, в одну кашу.

— Ннно, други! Голубчики, орлы! Стервы вы этикие!

Лошади вздрагивали при каждом крике, пружинились, рвались вперед и останавливались, поворачивая головы.

Лошадям помог Калиманов. Он плечом подпер задок экипажа и тачанка вырвалась из западни. Кучер одобрительно крикнул, учитель широким вздохом расправил грудь. Лошади с каким-то злорадным удовольствием подхватили и понесли экипаж. Тачанка опрокинулась на бок. Оглобля злое еще треснула.

Калиманов напустился на кучера, предложившего ехать напрямик. Кучер отругивался, ссылаясь на то, что спросил разрешения. Пока они переругивались темная ночь заволокла бархатной пеленой бесконечное степное пространство. В густой темноте Калиманов тщетно пытался найти глазами дорогу и по пыльному облаку определить направление, в котором двигался обоз. Оставалось положиться на собственное чутье, да на нюх лошадей и, когда сломанная оглобля была наконец исправлена, голос кучера, понукавшего тройку, звучал совершенно безнадежно.

Поехали быстро, продолжая держаться старого направления, но скоро пришлось перейти на шаг. Удобная для езды днем степь ночью оказалась полной неожиданных рытвин и кочек.

На роскошном фоне темного южного неба понемногу стали высypать крупные яркие звезды, и наконец луна показалась над краем горизонта. Вначале слабый свет ее усилился постепенно настолько, что линии горизонта стали проступать совершенно ясно. И вместе с тем настолько же ясно определилось положение путников. Они заблудились.

Уже более двух часов топтали копыта лошадей ароматные травы. Уже более двух часов колыхалась тачанка по неровностям целины, а все еще не видно было полосы той дороги, по которой вечером ушел обоз.

— Куда теперь ехать? — не выдержал Калиманов. — Вертай назад.

Опытный кучер запротестовал:

— Нельзя назад. Назад хуже будет. Совсем заплутаемся.

— А что же делать?

— Вперед ехать. Как ехали.

— А если мы не в ту сторону повернули?

— Куда-нибудь да приедем.

— Приедем к полякам.

Вместо ответа кучер вдруг радостно гукнул, и лошади, дернув, натянули постромки и перешли в галоп.

— С ума сошел! Опять оглоблю ломаем.

— Вон, дорога.

И действительно меньше чем через минуту дорога, перереченная следами колес, мягко зашумела под колесами тачанки.

— Вон и следы. Должно наши проехали. Нино, милые!

Милые мчались со всем задором лошадей, чующих впереди отдых, и скоро там, где дорога неожиданным поворотом бросалась под гору, в лощине, закрытой от степных ветров, показалась небольшая деревушка, тонувшая в зелени вишневых садов.

Трубы хат дымились, суля вкусные «снидання», а у колодца, выскочившего за околицу и приветствовавшего путников уютным скрипом своего нелепого рычага, несколько бойцов поили лошадей.

— Эй! Эй! — заорал Калиманов.

Один из бойцов ответил на крик неопределенным жестом руки.

— Обоз здесь стоит? — спросил учитель.

— Чтооо?

— Обоз, говорю, здесь?

Рука красноармейца повернулась как-то вокруг плеча и показала совершенно противоположное направление.

— Там обоз.

Калиманов велел кучеру подъехать ближе. Тачанка снова свернула с дороги и, попрыгав по каким-то кочкам, ввязала колесами в болотце, образовавшееся вокруг колодезного сруба. Потные и пыльные лошади тянули морды к колоде, и кучер сердито отдергивал их назад.

Один из бойцов, высокий красавец с черными монгольскими глазами, поддерживая полное ведро перед мордой серого коня, презрительно бросил:

— Обозные!

Резкий акцент выдавал его татарское происхождение.

Калиманов, недовольно кряхтя, выпрыгнул в жидкую грязь, хлюпавшую под ногами, и, не отвечая, похлопал по крупу запотевшего коренника.

Татарин внимательно осмотрел учителя и процедил сквозь зубы.

— Жирный какой! Хорошо в обозе?

Кучер, явно обидившись за учителя, огрызнулся:

— Куда хорошо! За вами по пятам ехать! Все оберете, пам оскребыши!

И через плечо учителю:

— Эскадронные они!

Потом к татарину.

— Какой эскадрон?

Тот, раньше чем ответить, взнуздal напившуюся лошадь.

— Второй, — сказал он, вытирая о штаны, сшитые из диванной обивки, замусоленную губами лошади руку.

— На отдыхе? — спросил учитель.

— Отдыхаем. Три дня из боя не выходили. А ты кто будешь?

Калиманов объяснил. Лицо татарина расплылось насмешливой улыбкой:

— Учитель? Кому нужно? Зачем нужно? — волнуясь и коверкая обороты речи, заговорил он. — Учитель? Тачанка пропадает! Лошади пропадают. Хорошие лошади. Никому не нужно.

Калиманов, привыкший к таким разговорам, резко перебил его.

— Ладно! Где стоит командир?

Татарин сплюнул и ничего не ответил. За него дал указания другой, до сих пор молчавший, боец:

— Командир? Вот! По главной улице, третья хата, под жезью, — и потом прибавил: — Вы на него внимания не обращайтесь, на татарина нашего.

Неделю стоял эскадрон на отдыхе и неделю оставался Калиманов в эскадроне. Давно надо было заглянуть сюда и наладить дело с эскадронной школой грамоты, и вот теперь как раз случай подвернулся.

Военком и командир покачали головами: где уж мол! Станут наши буквы учить! И думать нечего!

Но Калиманов не унывал. Настойчивый и упорный, он вечерами ходил по селу и знакомился с бойцами. Обветренные, обожженные порохом, покрытые шрамами, следами многих боев, бойцы недружелюбно относились к человеку из обоза, никчемному и ненужному в их трудной боевой страде.

Если не грубили прямо, то разговаривали как-то насмешливо, резко, нарочито пересыпая фразы ругательствами, рожденными в шуме и грохоте кавалерийских атак.

Потом бойцы узнали, что гармошка ни в чьих руках не разговаривает так задорно, как в руках Калиманова, и что никто лучше чем он не поет песни родного Дона. Потом с завистью дивились учительскому искусству рубить лозу —

на всем скаку по заранее сделанным зарубкам. Потом заметили, что стреляет учитель без промаха.

Уже на третий день вечером у хаты, занятой командиром, собрался весь эскадрон, и до зари не смолкали музыка и пенье. А, когда стало светать, Калиманов крепко и твердо повернул к себе красноармейские сердца, пустившись в пляс по середине улицы и показав парочку таких колен, что лучший танцор эскадрона только рукой махнул на предложение попробовать.

А на четвертый день утром в деревенской школе на партах, неудобных и узких, сидели, смешно выпирая коленами над черными крышками парт, бойцы второго эскадрона и старались руками, привыкшими к оружию, вычерчивать палочки, толстые книзу и тонкие, как колосья вверх.

Ни один неграмотный не отказался от учебы и только тот татарин, который недружелюбно встретил приезд учителя, решительно заявил:

— Не хочу! Не надо!

— Дурак, Аглеуллин! — говорили ему товарищи: — грамотность всегда нужна.

— Не хочу! Не надо!

К нему надо было подойти особенно осторожно. Надо было суметь взять его мягко и настойчиво, так чтобы не разбудить дикаря, не растревожить степную кровь, спокойную обычно и готовую вспыхнуть пожаром гнева при каждой обиде, при каждом небрежном, непродуманном слове.

Учителю помог в этом деле случай.

Военком эскадрона в одно серое и дождливое утро надумал собрать бойцов для политбеседы. Весь эскадрон собрался в одной из клунь, и Калиманов пришел послушать и посмотреть.

Темы для беседы определенной не было, и она превратилась в общий разговор. Кто-то из бойцов затронул вопрос национальный. Военком как умел объяснил положение национальностей в Советской стране и, желая пояснить дело примером, сказал:

— Ну вот, хотя бы Аглеуллин. Кто он был раньше? Татарин и только. Угнетенная нация и все. А теперь, если захочет, он в своей Татарии может народным комиссаром стать!

Клуня дрогнула от крепкого, ядреного смеха. Бойцы поглядывали на татарина и катались со смеху, представляя себе этого дикого необузданного и совершенно темного парня в роли наркома.

— Хо, хо, хо!

Аглеуллин вспыхнул. Приподнялись согнутые в дугу брови и упали, сойдясь у переносья. Большие глаза вспыхнули недобрым огоньком. Он вскочил на ноги и, покрывая звонким голосом смех, закричал:

— Чего смеетесь? Кому смеетесь? Почему нет? Почему нет? Почему не комиссар? Комиссар Аглеуллин! Да! Аглеуллин комиссар! Татар комиссар! Да!

От волнения он немилосердно коверкал слова, и хохот усиливался. Гнев Аглеуллина достиг предела. Он сорвал с пояса бомбу и, подняв ее в руке, заорал:

— Бросать буду! Кто смеется — бросать буду! Почему нет? Комиссар Аглеуллин.

Смех оборвался и бойцы смотрели удивленно и испуганно. Никто не решался подойти к дикарю и только военком нырнул за чью-то спину, полз змеей по клуне, чтобы обезоружить татарина сзади.

А Аглеуллин стоял высокий и сильный и грозил смертью, влитой в чугунные стенки гранаты.

Среди гробового молчания поднялся учитель Калиманов.

— Убей, меня, Аглеуллин! — сказал он. — Убей меня, если хочешь. А только не быть тебе комиссаром.

— Почему?

— Потому что должен комиссар грамоту знать. Вот почему не быть тебе комиссаром, Аглеуллин.

А когда Аглеуллин вдруг повернулся и, не говоря ни слова, вышел из клуни, военком сказал:

— Надо его арестовать!

— Не надо, — сказал Калиманов. — Не надо. Завтра придет он ко мне и будет учиться.

II.

Вышло так, как сказал учитель. На следующее утро, когда бойцы втиснули свои крупные тела в узкие детские парты, в дверь вошел Аглеуллин. Он ничего не сказал, не

поклонился, а просто прошел к последней у стены парте и сел, ожидая, что ему скажут.

Калиманов ни о чем не спросил его, дал ему с вечера приготовленную тетрадку и показал, как водить пером по бумаге, чтобы палочки выходили ровными. И потом показал ему в книге букву, которая была как две палочки, прислоненные друг к другу, и еще одна палочка поперек и называлась «А».

Из недели, что пробыл учитель в эскадроне, Аглеуллин урвал на учебу только три последних дня, а четвертый день утром поднял их командир и повел в бой, который длился не день и не два, а две недели. И две недели не видел Калиманов Аглеуллина.

На исходе четырнадцатого дня, когда повозки полкового обоза скрипели колесами по шоссе, по которому только-что прошли отступавшие поляки, навстречу обозу прискакал запыленный верховой с черными глазами и скуластым татарским лицом. Верховой спросил учителя.

Калиманов сразу узнал в приехавшем своего упрямого ученика, а тот, едва кивнул головой, вытащил из-за пазухи смятую тетрадь и, протянув ее учителю, сказал:

— Пиши дальше! Учиться будем!

Только теперь заметил Калиманов повязку на левой руке бойца и сразу понял, что раненого Аглеуллина из эскадрона послали в обоз — не к учителю, а к врачу.

— Тебе в околоток надо?

Аглеуллин мотнул головой.

— Перевязку новую надо, — настаивал учитель.

Аглеуллин осмотрелся по сторонам и, нагнувшись, сказал шопотом:

— В околоток нельзя. Посылать прочь будут. Учиться надо.

Калиманов попробовал объяснить ему, что учиться он сможет и в тыловом госпитале, но татарин был недоверчив.

— Врешь, учитель. Зачем обманываешь? Лечить будут, учить не будут. Учить ты будешь.

И только после того, как учитель дал слово, что Аглеуллина позволят лечиться, оставаясь в обозе полка, он согласился пойти на перевязку.

С этого дня Аглеуллин не давал учителю ни минуты покоя. Как только обоз останавливался в какой-нибудь деревне, как только располагался учитель в избе, он приходил, садился на скамью и раскладывал на столе тетрадь и букварь. Учитель давал ему задание, рисовал в его тетради палочки, объяснял следующую букву в букваре и уходил по делам. Возвращаясь вечером, он заставлял Аглеуллина над книгой и тетрадкой в тщетной попытке понять смысл рассказа, напечатанного в конце букваря.

Нетерпеливый степняк хотел во что бы то ни стало написать хоть одну букву. Палочки и черточки надоели ему, и он пытался выводить линии прописных букв, но рука упорно не слушалась и написанное явно не удовлетворяло ретивого ученика. «А» получилось приземистым, сплюснутым и неизмеримо широким.

Однажды, когда положение на фронте несколько переменилось и до сих пор теснимый противник перешел в контрнаступление, полковой обоз остановился в маленькой, из десяти хат, деревушке. Пришлось жаться и тесниться по хатам, и Аглеуллин попал в одну избу с учителем.

Весь день не отрывался татарин от книги, а под вечер засел за тетрадь и долго что-то выводил в ее графленых страницах. Рассвет застал его спящим с пером в руке и головой, опущенной на букварь.

Как ни крепко спят бойцы, а привычное ухо и во сне ловит шумы и звуки. И Аглеуллин слышал близкое тиканье пулемета и частый, дробный говорок винтовок. Он сразу приподнялся, сел, потянулся всем телом и, едва прогнав остатки сна, слышал стук в дверь и тревожное: — по коням!

В пять минут все было готово.

Тачанка за тачанкой выскакивали из ворот на улицу. Тяжелые телеги на поворотах обламывали углы глиняных мазанок, и обоз, как бурный поток, хлынул по узкой улице на простор степных путей.

Хорошая тройка учителя стрелой вынесла его экипаж, но сразу за деревней начинался подъем и кони пошли медленно, не чувствительные ни к крикам, ни к ударам кнута. Аглеуллин на всем скаку заправлял в перевязь раненую руку и что-то кричал по-татарски.

На половине подъема он вдруг повернул своего коня, глянул вниз на деревушку и, гикнув, помчался обратно. Калиманов не успел окликнуть его и, подумав, приказал кучеру остановиться. Там внизу, между двух невысоких холмов, лежала покинутая деревня. С одного конца, не торопясь, разведывая и нащупывая каждую кочку, спускались поляки; так на-глаз около двух эскадронов. С другого, бешеным карьером, минутами превращаясь в сплошное облако пыли, летел Аглеуллин на своем сером коне. Учитель приветал на сиденьи и вынул бинокль. Он ничего не понимал в происходившем. Аглеуллин достиг окраины деревни раньше, чем первые лошади польской кавалерии ступили в нее с другого конца, и остановился, осадив на всем скаку, у той хаты, которую только-что занимал учитель. Здесь он стукнул в окошко, пригрозил кому-то револьвером и на пять минут скрылся в воротах. Этих пяти минут оказалось вполне достаточно для поляков, которые тремя цепочками, по трем улицам, проникли в деревушку. Судьба Аглеулина была решена.

Учитель смотрел, не отрывая бинокля от глаз, и не знал, что делать. Там на расстоянии менее километра разыгрывалась трагедия, в которую он не мог уже вмешаться.

Аглеуллин выехал из ворот хаты как раз в тот момент, когда пять польских солдат на хороших сытых, тонконогих лошадях подбъезжали к этой хате.

Опешив от неожиданности, они остановились на мгновение, и этого мгновения они потом не могли вернуть. Аглеуллин на два корпуса, только на два корпуса опередил их.

Видно было, как он дал шпоры коню и как конь, взвившись на дыбы, повернулся на задних ногах и всем телом обрушился на кавалькаду противника. Видно было, как два раза сверкнула пашка в руке татарина и как два человека в серых мундирах покатались в пыль улицы.

Потом Аглеуллин прорвался сквозь жидкий строй оставшихся трех и, проделав тот же поворот, кинулся на них сзади, раньше чем они успели встретить опасность лицом к лицу. Еще два удара пашки и еще два тела под ногами лошади. Пятый поляк просто бежал, изо всех сил нахлестывая коня и не оборачиваясь назад. Но Аглеуллин не погнался за ним. Острый глаз татарина заметил врага, мель-

кавшего по склону холма и несшегося к деревне лавиной конских тел. Аглеуллин повернул коня и стрелой вылетел из деревни к обозу, поднимавшемуся в гору. На горе уже строились наши части. Обоз змейкой уходил за прикрытые эскадронов, и только тачанка Калиманова стояла впереди, и приземистая фигура учителя обнажала себя любопытству вражеских пуль.

Аглеуллин издали улыбнулся и помахал рукой. У самой тачанки он осадил коня так, что тот прокатился на вырытых в землю копытах.

— Ну? — спросил его учитель, все еще не понимая, в чем дело.

Аглеуллин расстегнул ворот окровавленной рубахи и, засунув туда руку, вынул синюю тетрадку, пахнущую потом и пропитанную еще теплой кровью.

— Вот, — сказал он.

— Зачем? — спросил Калиманов. — У меня много таких. Я тебе новую дал бы.

Аглеуллин, нагнувшись в седле, раскрыл тетрадь на странице, половина которой была залита красным, таким же красным как чернила, только более липким и густым.

— Вот, — повторил он, и его черный палец скользнул по едва проступавшим сквозь красную завесу линиям. — Вот, смотри!

Калиманов присмотрелся и разглядел неясные очертания буквы, стройной и красивой, как молодая татарка, идущая с кувшином к водоему.

— Вот, — улыбнулся Аглеуллин. — Это «А». Я это сам ночью сегодня! Сам! Хотел показать тебе, да забыл в хате!

Учителю вдруг стало как-то странно, тепло и словно капля дождя упала на его щеку. Он поднял голову от тетради и взглянул в черные с косым разрезом глаза.

— Аглеуллин, — сказал он, — Аглеуллин! Ты будешь комиссаром! Большим, большим комиссаром и...

Пуля ударилась о крыло тачанки и взвизгнула как кошка.

— Ну, надо ехать, Аглеуллин! Нажми!

Кучер свистнул, натянул вожжи и ремень кнута на спину коренника. Тачанка учителя быстро нагоняла обоз.

А. ДОМБРОВСКИЙ.

ОТРЫВКИ.

— Итак, это достоверно? — спросил начальник штаба.

Докладывавший ему начразведот утвердительно наклонился и звякнул шпорами.

— Аналогичные сведения получены и из других источников. Тайная разведка, документы и пленные — все говорит о том, что польское командование организует наступление, не зная о нашем прибытии...

Начальник штаба задумался. В его голове кинолентой развернулись все события, сопутствовавшие последнему беспримерному переходу Красной армии с Кавказа на запад. Враг догадывался, что армия будет здесь и обрушится на него железной лавиной, но никак не мог предполагать, что она так быстро покроет огромное расстояние и так тщательно замаскирует свое движение.

Поляки не должны были знать о прибытии Конармии по крайней мере еще несколько дней, а тут вдруг наступление...

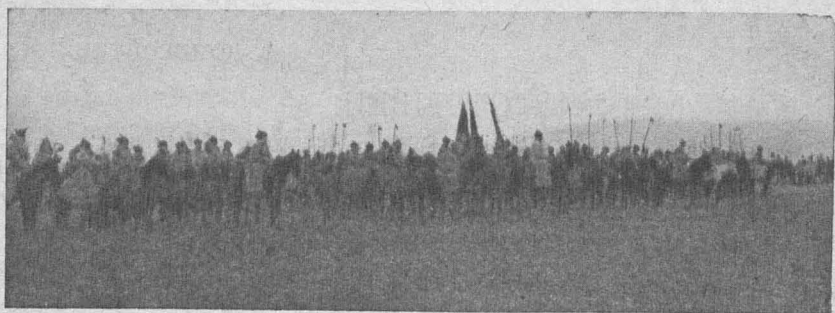
Первая конная была важнейшей ставкой страны, ставкой революции на огромном зеленом поле театра военных действий. Иначе никто и не мыслил себе значения грандиозной переброски Конармии на западный фронт.

Совершенно небывалый энтузиазм, страстная вера в победу, и глубочайшая убежденность в правоте своего дела и презрение к смерти — вот чем была сильна масса загорелых, зачастую оборванных, пестро вооруженных всадников. Эта масса за короткий срок слилась из отдельных мелких групп-ручейков в огромный всеокрушающий на своем пути поток.

И теперь, не в первый и быть может не в последний раз, этот поток призван выполнить величайшую по своей ответственности задачу промыть, проломить путь красным войскам для нанесения жесточайшего удара шляхте.

Вот почему начальник штаба, рассеянно теребя блестящие черные усы, крепко задумался над полученными сведениями.

Молчание прервал короткий звонок телефона. Командарм справлялся об изменениях в обстановке. И через несколько

Первая конная во время 1000-верстного перехода с Сев. Кавказа на Польский фронт.

минут, посвященных изучению создавшегося положения, минут, когда острый упорный взгляд прожигал карту с цветными флажками-армиями, в мембране телефона отозвался спокойный властный голос:

— Сейчас буду. Готовьте директиву о наступлении.

* * *

Та же ночь и те же звезды... И тишина, изредка нарушаемая раскатами далеких выстрелов, как будто та же.

На западе спокойно и безмятежно. Кажется, нет силы, которая нарушила бы этот мир и гармонию.

Враг перед прыжком замер...

А на востоке, еще до восхода солнца, зашелестела трава и зашептался кустарник.

Черными лентами стали расходиться колонны, угрюмо стонала земля под конскими копытами, устало, но беззаботно зевали невыспавшиеся бойцы.

Лихо выезжали пулеметные тачанки и тяжело громыхла неповоротливая артиллерия...

Директива выполняется. Армия всколыхнулась по слову командарма и пошла.

И третий эскадрон тоже пошел. И пошел не позднее, а раньше всех остальных и не ближе, а дальше чем другие.

На него пал жребий идти впереди разведки, ему выпала честь первому столкнуться с неприятелем.

Комэск О. — один из лучших командиров — уже в пути просматривал данное ему приказание и изучал карту.

Затем, докурив папироску и сжегши полученную в штабе бумагу, он обратился к эскадрону:

— Вот что, братва. Мы сейчас оторвемся от наших и пойдем на Журавку, Крестцы, Могилево и дальше на северо-запад. Нам поставлена задача пробраться в глубь расположения поляков и взорвать у них железнодорожный мост через реку. Сделаем мы это, — панам не поздоровится, так что сделать надо... Теперь вот что: будем двигаться, — никакого шума. Сойдет благополучно, — через двое суток вернемся. Сборный пункт — Могилево.

Закончил и замер, отечески вглядываясь в дорогие лица бойцов. Сонливость у всех заменилась напряженным вниманием.

— Ох, коней, поморим, — вздохнул кто-то.

— Нехай, теперь по полям овсы цветут гарны. На коней хватит.

Эскадрон двинулся.

Хорошо быть молотом, широко замахивающимся и гневно бьющим и сокрушающим все, что попадется на его пути. Хорошо быть наковальней, железной грудью встречающей и отражающей все удары молота. Но плохо быть между молотом и наковальней.

Так думал комэск О., когда его дозоры заметили и сообщили о движении крупной польской части.

Кругом степь, холмы и балки, освещенные солнцем. Лишь вдали виднеется лесок, так презираемый кавалерией всегда и так нужный эскадрону сейчас.

Пытливо и беспокойно метнулся взор кругом — чуткое ухо не обмануло: смутно донесся еле слышный стальной клекот неприятельского самолета.

Эскадрон по-два введен в балку и спешен. Люди легли и ждут. Ждут жизни или смерти.

Комэск впился глазами в бинокль.

Поляки далеко. Их охраняющие части пожалуй пройдут мимо. Но самолет...

Комэск глухо выругался: самолет шел прямо на них!

* * *

— Таким образом — закончил наштарм свой доклад, — сегодня ночью со взрывом этих мостов польская армия лишится возможности подвезти резервы и не сумеет уклониться от нашего удара.

И откашлявшись, он поднял глаза на командарма и добавил:

— Сведения о движении брошенных в рейд частей должна нам дать авиаразведка, она же при возможности должна поставить их в известность об изменениях в обстановке.

Командарм удовлетворенно кивнул головой. Его глаза радовала карта, разукрашенная синими и красными значками. Даже здесь, на бумаге, отпечатанной когда-то в далеком городе в смиренной литографии, он явственно представил себе картину будущего разгрома врага, разгрома, задуманного им и выполняемого по его указаниям.

Просмотрев бумаги, телеграммы и донесения, командарм приказал подать автомобиль и уехал в часть.

* * *

В беге машины, рвущейся вперед, рассекающий воздух и ухающей вниз и вверх на каждой рытвине, есть сходство с нашей сегодняшней стремительной жизнью.

Уже скрылся город, расстали в синеве мягкие звуки колокольного перезвона, уже остались позади многие километры белого шоссе, а командарм сидел, закутавшись в свою бурку, и молчал. Молчал и ехавший с ним адъютант.

Вдруг шофер круто застопорил машину и выжидательно оглянулся. Впереди шел обоз, сворачивавший на проселочную дорогу. Последние лучи закатного солнца слабо освещали окружающее.

Командарм очнулся и послал адъютанта за справками.

Когда тот вернулся, уже совсем стемнело. Шофер зажег карбидовые глаза, и автомобиль медленно двинулся дальше.

Вот и хутор. В нем царило необычайное оживление. Везде были видны группы людей, которые на отдыхе менее всего напоминали солдат.

Казалось, что хуторские улицы и сады полны своими постоянными обитателями, гуляющими, поющими и ругающимися на свободе в праздничный день.

Машина остановилась у штаба. К командарму с рапортом подошел начдив.

А в штабе уже ждала сводка, переданная из штарма по прямому проводу:

«Командарму Конной по месту нахождения. Срочно. Секретно. Оперсводка Полештарма к 18 часам. Части армии достигли назначенных рубежей и утром переходят в наступление. От частей, посланных спецзаданием, сведений не поступало».

* * *

Южная тихая ночь. Небо насушилось, ни зги не видно.

В такие ночи шире раскрываются глаза, легче ступают ноги и громко-громко стучит сердце. Так громко, что держишь его рукой и стараешься не дышать, чтоб не выдать себя...

Самолет, принятый эскадром за неприятельский, оказался своим. Низко спустившись, он сбросил директиву, которая еще настойчивее толкала эскадрон дальше, глубже, сквозь стан врагов, навстречу новым опасностям.

Бойцы вскинули винтовки, сели на коней и тронулись.

Здесь, за железной завесой фронта полейков, сравнительно спокойно. Вот далекая зарница мигнула и своей вспышкой осветила на мгновение ложину, по которой движется эскадрон, селение вдали и чернеющую насыпь железной дороги где-то справа.

И снова густая, непроницаемая тьма. Каждый хруст сломавшейся ветки, стук камня под копытом или неосторожный кашель, все это заставляет бойцов невольно вздрагивать, а комэска свирепо оборачиваться.

Близко, над самым ухом, раздался гудок паровоза. Влажный воздух, в стократ усиливающий эхо, сыграл злую шутку — испуганные лошади бросились в сторону, и тиши-

на прорезалась звонким, долго не смолкавшим ржанием. Потом опять все стихло, точно умерло.

* * *

Польский дежурный взвод, охранявший мост, тщетно старался разглядеть что-либо. В лицо бешено хлестал дождь, образовавший сплошную стену воды. Потоки ее с силой ударялись о железные фермы, о доски и рельсы, разбиваясь на мелкие брызги.

Прошел поезд с горящими окнами: там свет и тепло. Прошел и нет его. И опять темь, вода и мрак...

Крик совы. Суеверный часовой перекрестился: быть несчастью. Вот точно рыба большая плеснула. Нагнулся — ничего.

Шаги...

— Кто идет? Смена?..

И вдруг раздался оглушительный взрыв.

Мост накренился и, железно скрипя, со стоном полетел в мутные волны.

* * *

Взрыв был услышан в ближайшем имении польского помещика, где шляхтичи-уланьы лихо отплясывали мазурку с прекрасными панночками.

Мазурка оборвалась в самый разгар вечера. Тревога мелом выбелила щеки высокого гостя-генерала:

В залитый электрическим светом танцевальный зал вбежал грязный, вымокший до костей, молоденький офицер. Он донес о взрыве моста красными.

По словам сержанта, единственного из караула оставшегося в живых, красных не меньше 300 всадников.

— Панове, к оружию! По ко-ням!

* * *

А в предрассветной сырости, по влажной траве, дорогами, нивами, лугами шли в наступление красные конники. Полк за полком, эшелон за эшелоном.

Враг уже знал и готовился. Его радио молило о подкреплении, но тщетно: мосты взорваны, и помощи ждать неоткуда.

Бой кончен. Брешь пробита, и в открывшуюся щель льются новые и новые тысячи всадников.

Зеленые равнины и холмы еще дышат смертью, местами еще слышна артиллерийская канонада — это пехота кончает разрушение неприятельского фронта, но уже привольно мчатся вперед кони, а шашки без усталости работают в верных руках. Кавалерийская лавина забирает вражеские орудия, прожекторы, поезда и склады.

Белополяки начали отход по всему фронту.

Командарм доволен: для его армии техника не страшна: это — придаток, но не главное.

К вечеру выяснилось: на обратном пути разъезд № 2 комэска О. не смог уйти от преследования уланского полка и, не приняв боя, рассыпался.

К утру прибыло новое донесение: из 83 ушло 15. Комэск О. ранен.

В. ВИШНЕВСКИЙ.

ПЕРВАЯ КОННАЯ

(Отрывки из пьесы.)

Эпизод: «В ЭШЕЛОНЕ».

Ведущий: «Прогредел Октябрь. Пошел год незабываемый — 19-й. С германского фронта начался великий исход окопного народа. Будет с войной, — пошабашили! Земля зовет!»

Эшелон с германского фронта. Теплушка: «40 человек, 9 лошадей». Печка дает ответ. Фонарь. Смесь солдатни. Пляска, свист, гомон. —

Дверь приоткрыта. Стук в дверь.

— Чево там?

— Пустите, братцы, замерз.

— Полно и так! (Между собой). Не пущать никово. К лешаму. Набьется туту разных.

— Братцы, замерзаю...

Флегматик: Иди к едрене матери.

(Гармошка пиликает. Ответ от печки. Стук замерзающего.)

— Братцы... Господи!..

Флегматик: Иди к едрене матери.

(Стук слабеет. Гармошка... Новый стук. Резко. Новый голос снаружи.)

— Гэй, открывай! Забились тараканы. Открывай!

Флегматик: Иди к едрене матери.

— Я вот тебе пойду. Открывай, слыш?

(Яростный стук. В ответ из вагона гул.)

— Убирайся... разорался... горластый... Кицятком ошпарю, отскочь.

Снаружи: Эй, берегись, с автомата шарну! Кости-кишки наскрозь прошью! Ну!

(В вагоне сразу тихо.)

Один (грубо-примиренно): Ты кто? С автоматом-то?

Ответ: Отбился от своо шалона.

— Какова?

— Лейб-гвардии драгунского полка.

Между собой: Пуцай лезить, а то опалел — ище и верно застрочит в нас. Ишь — гвардия...

— Ну лезь, эй!

(Дверь со скрипом открывается. Вваливается драгун Иван Сысоев, усатый. У него автоматическая винтовка, пашка и сумка.)

Весельчак: Эва, — хотел в нас застрочить — ничево себе швейная машинка!

(Хохохочут).

Драгун: Ну-ка подсобляй — замерз тут, упамший.. под вагоном пехотный один... К вам он греб, вапу мать, недо-звался...

(Лезут, достают полутруп, волокут, трут его, он стонет).

Один (зло): Дверь закрой. Эй! Напустили, черти, холоду.

Снаружи: Эй, там, открой!

Флегматик: Иди к едре не матери.

Снаружи: Открой!

Сысоев: Полно, здесь некуда...

Снаружи: По человечески говорю — открой!

Один: А ишо што?

Снаружи (передразнивая и грозно): Ишо што? Гранату хотите? Рвану!

Сысоев: Пуцай лезет — в меня — тоже серьезный (в щель). Лезь.

(Дверь со скрипом отворяется. Влезает солдат — шинель, котомка, папах, пярзныи, на поясе «фонарик».)

Один: Здоров, гренадер. Ишь, сколько вас гранатных таких понаделали!

Ответ: Здоров!

(Новый солдат тянется к печке. Гармоника пиликает. Сысоев курит, поглядывая на «гренадера»... Кто-то хралит. Стук снова.)

Снаружи: Гэ — выдчинить. Чуетэ!

Один: Катись!

Флегматик: Иди к едре не матери.

Снаружи: Пустыть, братцы, змерз...

«Гренадер»: Гоните его к черту. Лазят тут!

Голос: Иди с богом!

Стук.: Браття, ой... я же-ж — раненый... та пустить, браття. Та хіба вы не люди?

Флегматик: Иди к едрене матери.

Другой: Некуда, проваливай!..

(Стоит тихо. Кто-то: «Три деревни—два села, восемь девок—один я!»...) Экраи. Буквы вспыхивают, будто выбиваемые аппаратом Юза и слышен стук телеграфного аппарата:

«Ростов-Дон, Юзовка, Бахмут, Луганск, Таганрог, Горловка, Дебальцево, вне очереди, срочно военная. Товарищи, враг очень близко и уже угрожает Донецкому бассейну. Немедленно отправляйте силы против контрреволюции... Завоевания рабочей и крестьянской революции в опасности. Разбойные банды гайдамаков и немцев вторгаются в глубь России и Украины, угрожает Петрограду, Одессе, Харькову... Все на защиту своих прав»...

Ведущий: «По пятам эшелонов идут гайдамаки на Украине, стена стальных шлемов германо-австрийских дивизий. Идут и искры сыпятся из-под кованых сапог...

(Барабан.)

Ой, быть беде! Стойте, товарищи, не бегите к дому! (В теплушке свист и вой).

Нет, не слушают. Домой, домой!»...

Эпизод: «ГРЕНАДЕР».

Тот же вагон. Те же персонажи. Отсвет печурки. Далекий гудок.

Чей-то голос: Долго стоять будем?

Второй голос: А вот начальника станции тиснут, — так пойдем. Саботаж чиста...

Третий: Стрелять гадов! Ишь — Гаврилы. Шалоны держут.

(У печки сидит бородатый солдат; к нему, проснувшись, подскакивает другой солдат — комитетчик.)

Солдат (окая): С каково фронту, земляк?

Комитетчик: С германского (шутливо) годок.

Солдат: Отвоявались?..

Комитетчик: Не совсем.

Солдат: Ну, начисто! Теперь кто ж против нас? Вваливай к бабам. Ой, доеду в деревню (крякает), — живой баба с под меня не встанет. Попостился...

(Сысоев вдруг подходит к беседующим.)

— Земляки, эвон, видить у меня два зуба выбиты?

— Ну, видим...

— А знашь кто выбил? Корнет, офицер наш, ишо в 13-м годе. «Ни к чорту вы, грит, не годитесь...» На занятии — эта... «Вида нет. Приемы плохо выходят...» И — рраз — по зубам. Два и вышиб. А потом на бруствер он меня поставил под свечку — под винтовку. Стреляй немец... Во!..

— Бывало, у нас тоже в Егарском полку под Ломжай...

Сысоев (нетерпеливо): Стой! А знаешь, где этот офицер?

— Ну?

Сысоев: Эвон он — «гренадер», — сидит. Переодетый!

(«Гренадер» вскакивает, хватается гранату, солдаты к нему.)

Он: На-зад! Берегись!

(Все жмутся. Офицер, держа высоко гранату, плечом отпрыгивает дверь, спрыгивает на полотно, закрывает дверь и ускользает.)

Голоса: — Убег!

— Ловка!

— Ч-чорт!

— Где ево тут на путях ночью сыщешь?!

Флегматик (в догонку): Иди к едрене матери.

Сысоев: Поймаю где — живово съем! Попомните!

Комитетчик (к бородатому собеседнику): Так, говоришь, кто же теперь против нас? Нету мол? А этого видал? (Жест в сторону беглеца). Не заметил? Куда они бегут? К Корнилову.

(Взбодораженные солдаты слушают.)

Комитетчик: Бить их надо итти, сейчас, пока они не собрались. Организуются — плохо будет.

Голоса: Известна...

— Тада делов будет.

— Хвост накрутят кой-иде...

Комитетчик: Надо в отряды итти.

Голос: Ета — в красно-гвардию?

Комит.: Красную армию.

Голос: Красную?

Голос: Ну и иди... А мы — домой.

Голос: Не навоевался. Эх!

Голос: Вот поди — тебе офицера сделают, как бог черпаху сделал...

Гармонист: Ты шо — дуже бильшовик?

Комит.: Да.

Голос: Ну и воюй, хто тибя держит... Вали один в цепь, во! Ха-ха-ха. Брось ево, ребята!

(Гармонист дает задорный мотив. Один притоптывает. Свист.)

Световой текст Юза:

«Завоеваниям революции угрожает опасность. Формируйте отряды. Задерживайте врага»...

Голос: Эй, большавик, чиво стаишь? Иди — вдарь ножкой!

Голос: Не журись!

Голос: Ен ноги берегётъ, ему ишо воевать нада. Гы!

Комит.: Да, земляки. Придется хватить. И вы походите с трехлинейкой.

Голос (к комитетчику): Закройсь, там!..

(Пляска, свист.)

Ведущий: «Домой, домой!... И ничего кругом не видит окопный народ. А на Дон офицеры идут. А на Украину идет армия Вильгельма»...

Эпизод: «ТРИ ОТРЯДА».

Та же теплушка. В приоткрытую дверь в рассвет смотрит задумчиво комитетчик.

Ведущий: «Разве ж наконец никто не видит, что кругом вырастают вражьи отряды? Кто видит, эй!! Вот они! Ага, видят. Идут! Матросы! Красногвардейцы!..»

(Гул, песня. Кто-то идет мимо эшелона.)

Комит.: Какая часть, товарищи?

Ответ: Первый Луганский социалистический партизанский отряд.

Комит.: Кто во главе?

Ответ: Ворошилов.

Комит.: Кто он такой?

Ответ: Луганский рабочий.

Ведущий: «Идет еще отряд!»

Комит.: Какой отряд, товарищи?

Ответ: Партизанский, Добровольческой Красной армии. Шахтеры.

Комит.: Кто во главе?

Ответ: Щаденко.

Комит.: Кто он такой?

Ответ: Донской области портной.

Ведущий: «Идет еще отряд! Шинели старые. Виды выдывали. Бойцы на заказ — здоровые!»

Комит.: Какой отряд, товарищи?

Ответ: Партизанский конный.

Комит.: Кто во главе?

Ответ: Буденный.

Комит.: Кто он такой?

Ответ: Солдат старый, драгун.

Комит.: Я с вами.

(Комитетчик спрыгивает вниз. В теплушке храп.)

Кто-то (в теплушке): Опять черти холод напустили... Сволочь!

Эпизод: «ВРАГИ НАСТУПАЮТ».

Ведущий: «Немецкие и австро-германские дивизии шли стеной на Украину и Дон. Кованые сапоги с искрами выбивали шаг.

(Барабан.)

Шли рядом белоофицерские русские части, беспощадный полк Дроздовского с румынского фронта. На Ростов.

(Барабан.)

На Дону же уже — атаман генерал! Слал полковников и есаулов: Гнилорыбова, Попова, Чернецова, Семилетова, Грекова. Слал остановить захват земли. Пошла на крестьян охота, как на зверя... Двинулся Корнилов... И коротка была свобода крестьян, вернувшихся с германского фронта. Считанные дни. Пошли по станицам калединцы и корниловцы, по селам и хуторам. Пошли «народ освобождать от комиссарского ига». Идут, освобождают... С боем берут село Лежанку, Ставропольской губернии»...

Изба. Группа офицеров в походных зимних формах.

1-й: Гаспада!.. Знаете историю пленных большевиков? Подполковник Нежинцев — командир Корниловского полка — приказал: «Желающие на расправу». Нас вышло 15 ч'ек. Смотрим — морды сплошь комиссарские — хамье. Натурально — «взв-а-ад... пли».

Офицер Х.: На такую сволочь патроны тратить?! Вот она, матушка, вот он, батюшка! (Поднимает винтовку, хлопает по прикладу и штыку).

3-й: А как пороли, расскажите, капитан. Я не успел...

1-й: А вы где были? В резерве прячетесь? Сначала мы закусили.. Маленькое такое «деженэ»!.. Курочек ловили.. Обыск конечно. После завтрака поймали много, — местные, из бывших солдат... «Всыпать им по пятидесяти плетей»! На площади у церкви — в шеренгу. «Снимай штаны!» Сняли. «Ложись!» Легли. Порем. Есаул подходит — «Что вы можете? Разве так порют? Вот как надо!» Взял плеть — и сразу до крови... Очень мило!..

2-й: Есаул, покажите нагайку.

Есаул (поднимая нагайку): Красненькая.

3-й: От крови?

Есаул: Нет — от клюквы...

(Офицеры, стоят, смотрят нагайку.)

Ведущий: «На улице были видны робко вышедшие жители: дети, бабы. На площади в разных позах расстрелянные. Налетел ветер, поднимал им волосы, шевелил им одежды, а они лежали, как деревянные. Вышла одна баба, подошла и стала рассматривать подряд. Кто лежал лицом вниз, приподнимала и опять осторожно опускала, будто боялась сделать больно. Обходила всех. Около одного упала сначала на колени, потом на грудь убитого и жалобно, громко заплакала: «Голубчик мой, господи; господи!..» Плача укладывала тело кормильца в телегу...

(Хор поет без слов мотив «Как тынне сбирается...» потом сильно: «Так за Коршилова, за родину, за веру мы грянем громкое ура...»)

Офицер: Господа здесь есть граммофон! Угодно вальс? Вальс, генераль... Ангаже во дам! (пускает граммофон). Вальсэ!..

(Грамофон хрипло играет вальс «На сопках Манчжурии». Офицеры кружатся...)

Ведущий: «507 трупов оставили в селе Лежанка, Ставропольской губернии — части генерала Корнилова».

Эпизод: «НЕТ НЕЙТРАЛЬНЫХ».

Ведущий: «Тихо, сладко живут кое-где фронтовики окопные... С бабами милуются... Слобода»...

(Сидит Сысоев.)

Сысоев: Сдурел народ. Ему в спокой надо приходить, вот как бы я... Хорошо дома... Нитралитет надо всем держать...

(Мурлыкает песенку. Входит офицер и 2 белых партизана, на папах у них черепа. Пауза.)

Офицер: Ты кто такой?.. Встать!

(Сысоев лениво двигается).

Офицер (бьет с силой плетью по лавке): Вста-ать!..

(Сысоев мгновенно руки по швам.)

Офицер: Ты откуда? Кто? Документы?..

Сысоев: Так-что лейб-гвардии Драгунского полка солдат, с германского фронту.

Офицер: А как меня называть надо?

Сысоев (с трудом): Ваше высокоблагородие.

Офицер (доволен): Так лейб-драгун, службу, вижу, знаешь. Пригодишься нам. Можешь собираться... Живей! Мобилизация!

* * *

Ведущий: «Вольготно жилось дома и казакам»...

Казак (сидит на заваленке): И-эх, житье! Баба, принеси-ка квасу испить!

(Мурлыкает песенку... Шаги. Казак, не поворачивая головы, протягивает руку за ковшом. Перед ним офицер и 2 белых партизана, на папах партизан — черепа.)

Офицер: Здорово, казак!

(Казак вскакивает. Обалдел.)

Офицер (властно и требовательно): Здорово, казак!

Казак: Здравья желаю... (замаялся).

Офицер: Ну?

Казак (вспомнив, весело): Ваше высокоблагородие!

Офицер: Какого полка?

Казак: 14-го донского казачьего, ваше высокоблагородие.

Офицер: Ага, в Петрограде были — большевички? Ну ладно, дурь бросишь. Мобилизация объявлена. Собираться... Живей!

Казак (с готовностью): Слуш-сь, ваше высокоблагородие.

В е д у щ и й: «Кончилась медовая жизнь вернувшихся фронтовичков, и было ей счету на дни... Нет в гражданской войне нейтральных, не станешь в сторонку. Всяк задаст вопрос: ты с кем, за что, за кого? И должен каждый сказать — с кем он, за что, за кого. Не станешь в сторонку!»...

Эпизод: «ВСТРЕЧА».

В е д у щ и й: «В тревожно время на путях-дорогах степных просто не пройдешь, не проедешь»...

Темно. Степь. Медленно входят с двух сторон двое. Зачувлив друг друга, останавливаются.

- Кто идет?
- Свой.
- Какой свой?
- Ну свой... Здешний...
- А ты чей?
- Свой... А ты кто такой?
- Тожа свой...
- Тьфу!..

(Пауза. Делают движение и испуганно отскакивают.)

- Оружие есть?
- А у тебя?
- Ну, скажем, нету...
- Ну и у меня вроде...
- Да ты не бойсь.
- Чего бояться — ты бы не боялся...
- Я?

(Медленно сходятся.)

- Ну, здоров.
- Здоров...
- Куды путь держишь?
- А ты?
- Так тут неподалече, домашняя забота.
- И у меня тожа...

(Пауза.)

В е д у щ и й: «На степных путях-дорогах в то время за одно слово «товарищ» прощались с жизнью... А разойтись, ноги не идут — в затылок один и другой пулю получить бо-
ятся»...

— Закурим?

— Закурим.

(Свертывают.)

К а з а к: Где служил, земляк?

С ы с о е в: В лейб-драгунах пришлось. А ты — казак?

К а з а к: Ыгы — казак.

(Пауза. При огоньке спички испуганно и пытливо разглядывают друг друга.)

К а з а к: Быдто ты знакомый мне.

С ы с о е в: Все может статься, мало што-ли людей встречаешь.

К а з а к (хитрит): Быдто серьезно поспорили мы с тобой. Ехавши у Барановичей... Ты все за Ленина голос держал...

С ы с о е в (обрезает): А может ты обознался, станичник?

К а з а к: Може...

(Пауза.)

С ы с о е в: Прощевай, што ли?

К а з а к: Прощевай...

С ы с о е в (вдруг): Ох, и храбрые мы с тобой!..

К а з а к: Чаво ж...

С ы с о е в (горячась): Напрямки давай. Куды идешь, хто такой. Я большевикам подаюсь... Ну?

(Руку к поясу.)

К а з а к: Ох, друг, а ведь я чуть тебе сподтишка не зарубил. У меня пашка здесь... (Распахивает полу).

С ы с о е в: И у меня, брат, припасена... (Распахивает полу) Чево подаешься?

К а з а к: Мобилизуют. Кой-чево в хозяйстве позабрали — фуражиры офицерские — сучьи дети... Сапоги берёг, еще с позиции вез — забрали. Ты, грит, большевик, босота... Верна — не ряжусь в атаманы...

С ы с о е в: Вместях пойдем. Тут меньше на людях надо быть. Огибом итти... Куда-нибудь и выйдем... Где-та, сказывали, красные есть. Буденный што ли, их командир... Пошли?

К а з а к: Пойдем... Ну, прощай родная сторона!..

(Уходя, поют песню.)

Поехал казак на чужбину далеку

На добром коне он своим вороном.

Свою он Вкраину навеки покинул, —

Ему не вернуться в отеческий дом.

Напрасно казачка его молодая
Все утро и вечер на север глядит,
Все ждет, поджидает с далекого края,
Когда ж ее милый казак прилетит.
А там, за горами, где вьются метели,
Зимою морозы лютые трещат,
Где сдвинулись грозно и сосны и ели,
Там кости казачьи под снегом лежат.
Казак и просил и молил, умирая,
Насыпать курган у него в головах,
Пускай на кургане калина родная
Растет и красуется в ярких цветах...

(Песня замирает вдали.)

Ведущий: «Испробовали белого счастья служивые. Почуяли, какое, где право. Вспомнили службу царскую, парады приятные, веселье смертное, бой офицерский — всю собачью долю. Взяли землю?! Отдаст ее атаман — жди! Вспомнили служивые, для чего шапки служат и что с ними делать можно... В добрый путь, товарищи, новые красные партизаны!.. Держите к Царицыну!»...

(Нарастает буденновский мотив, и в походных формах 1918 г. выходят и выстраиваются партизаны-буденновцы.)

Клич: «За вольную жизнь! За Советы! За честный труд!.. Шапки воц!» (сверкают клинки).

Эпизод: «КАК У НАС С КАВАЛЕРИЕЙ».

Ведущий: «Весна 1918 г... Царицын. От Дона рукой подать... К Царицыну пришли партизаны... В Царицыне стали»...

Штаб участка. Пожилой командир. У стола говорит с кем-то по телефону.

К - р: Да, да... Пленные показывают... Ясно — нам нужно удержать Царицын. Да, да... Любой ценой. (Вешает трубку. Подходит к карте России). Промышленный центр, узел дорог. Царицын с фланга ударит по казачьей армии, как только она сунется к Москве... (Показывает направление). Вот роль Царицына... Хватит ли сил?

(Входят двое командиров. Младший — бывший комитетчик из эшелона. Здороваются с первым.)

Младший (читает): Вот: «Оборонять Царицын любой ценой. Отступления быть не может. Реввоенсовет 10-й армии. Сталин. Ворошилов»...

К-р: Сообщите данные разведки.

Второй: Против нас Донская армия.

К-р: Так, старые знакомцы, кадровые дивизии...

Второй: Включая царскую бригаду: полки лейб-гвардии Атаманский и лейб-гвардии казачий. (К младшему.) У вас еще данные?

Младший: Фланг казаков слева обеспечен: германский армейский корпус стоит по Азовью до границ войска Донского. Фронтные дивизии пополнены мобилизациями. В тылу в районе Ростова обучается «постоянная армия» из молодых казаков. Предвидится также переброска против нас свежих деникинских офицерских кавказских частей...

К-р: Так... Три тысячи, шесть и три — девять, да шесть — пятнадцать, да три и три — шесть, пятнадцать и шесть — двадцать один. Далее еще три дивизии... шесть, шесть и шесть — восемнадцать... Так... Против нас до 40.000... Орудий — по сводке — 93.

Второй: Н-да...

Младший: Будем принимать?

Второй: У противника много конницы.

Младший: Как у нас с конницей?

(Входит казак и драгун Сысоев. Подойдя вплотную к командиру, казак кашляет.)

Казак (серьезно): Дозвольте войти?

К-р: Что скажете, товарищи?

Сысоев: Пишемся в добровольцы.

Казак: Только в кавалерию... Примите...

К-р: А почему вы к нам идете?

Сысоев: Не к вам, а к себе, к своим идем.

К-р: Да, я сказался не так...

Казак: Так принимаете?

К-р (к мл. к-ру): Вот этот товарищ вас запишет.

(Младший командир, казак и Сысоев отходят в сторону).

Мл. к-р: Служить без срока — время военное.

Оба: Знаем.

Мл. к-р: Держаться до последнего.

Оба: Знаем.

К а з а к: Для пользы народа.

М л. к - р: На земле спать, своей шинелью укрываться...

О б а: Знаем.

М л. к - р: Совестью не кривить: Красная армия, не другая.

С ы с о е в: Как на присяге.

М л. к - р: Ну тогда к нам. Зачислим в 1-й рабоче-крестьянский карательный социалистический кавалерийский полк... Идите к командиру бригады, как его, Буденному.

О б а: Счастливо оставаться!

(Выходят с выправкой, как полагается. Встречаясь с ними, входит рабочий. Протягивает руку ст. командиру. Подает ему бумажку. 2-й командир и младший к-р смотрят на рабочего.)

К - р: Партийный — добровольцем?

(Рабочий кивает головой.)

— Из Питера?

(Рабочий кивает головой.)

К - р (чиркает резолюцию): В комиссарский состав!

(Рабочий кивает головой. Уходит.)

К - р: Формируемся!.. Видите! Идут!..

М л. к - р: Что же — надо надеяться...

В е д у щ и й: «Над Царицыным нависла гроза... Кадровая казачья армия медленно надвигалась на вчерашних партизан, ставших 10-й армией. Становились защитники Царицына на месте торжественно-строго. Встречать врага... Решительным, а для многих тысяч последним, боем... («Это есть наш последний»...)

До весны 1919 г. — год целый — в невиданных сечах билась царицынцы. Под самый город казачьи лавы — сметы им нет — подходили. Нет! Не взять Царицына!»...

Эпизод: «КОГО НА ИСПУТ БЕРЕТЕ?»...

В е д у щ и й: «Чудесны бойцы, вставшие в 1918 г. Мятежным вихрем крестьянским неслись по степям Дона, Кубани и Ставрополя, бились неправдоподобно смело... Но было и так: разгоряченные, хмельные от боев, от удали — не мирились с отточенным порядком, со строгостью».

Площадь у штаба. Пика, на которой красный флажок. Вывеска мелом: «Штаб». У крыльца беспорядочная толпа вооруженных партизан в кавалерийских бурках, черкесках и мехотных формах. Гул с истерическими выкриками.

Г о л о с: Давай суды комиссара! Куды спряталси?

— Дожили! — старый режим вертают!

— За што деремси?

— Наше право!..

С ы с о е в (выходя вперед): Комиссар, выходи! Народ требует!

— Товарищи, стой, как один!

— Жидам не поддавайсь!..

(В толпе выделяется чисто одетый боец — в галифе с револьвером в руках. Он держит речь.)

— Мы босыи и голыи! Они в коже ходют. Мы страдаим... Они на бархате сплят. За что, товарищи? А с нас насмешки строит, ни в што ставят... (Гул: правильно!) Скоро нас всех сничтожат. Позабирают по одному... Требуим: освободить невинных арестованных! Давай их сюда! Комиссара к ответу... Так, товарищ? (Гул: правильно!) За какое дело арестовывать?! А, я спрошу? За какое дело, в веру, бога, богородицу?! Во! Это бойцу может честь перед комиссаром нада отдавать, в бога-бога мать! (Гул.)

Г о л о с а: Давай комиссара. Иде он, жжяба.

С ы с о е в: — Вернуть арестованных!

— А то штаб порубаем!..

— Комиссара!

— Дае-ошь!

— Га-а-а!

(Гул. Выходит рабочий. Он — комиссар. В гимнастерке.

Пауза и гул ярости.)

Г о л о с а: Сучий бог, што в гроб захотел?! Арестовывать?!

— На шею сесть хотишь?!

— Енерала ломаешь — на нас плюваишь? Я тебе плюну с нагана. (Грозит наганом.)

— Ноги с заду выдернем!

С ы с о е в: Освобождай арестованных бойцов!

(Толпа приливает к крыльцу.)

Р а б о ч и й (покрывая всех голосом): Не галдеть! Кого на испуг берете? Коммуниста-большевика на испуг берете?!... Не галдеть! (Вспышка гула, но тише.) По порядку. Говори один. В чем дело?

Б о е ц в г а л и ф е с н а г а н о м («покупает» и бодрит бойцов. Сначала тихо): Мы тебе на бога не берем. Мы тебе

говорим — брось замашку. Счас приказ давай: освободить арестованных бойцов (Разъяряясь.) Мы босыи и голыи! Ты в коже ходишь (Комиссар в гимнастерке.) Народ арестуешь Тов-варищи! Правильна я гаварю? (Гул злобы и одобрения).

Рабочий: Арестованы два бойца за отказ выполнять боевой приказ. Раз. Кто не выполняет приказа советской власти — тот наш враг. Пособник атаманов. Два. Невыполнение приказов поведет к развалу. Фронт рухнет. Офицеры нас передушат. Три. Вы этого хотите?

(Пауза. В толпе замешательство.)

Боец в галифе: Тов-варищи! Глаза залепляет он вам! Мороку клеит. Гад! Твою веру, гроб, кишку мать! (Истерично): Мы босыи и голыи! Где правда? За што бьемся? Штоб арестовывали?!

(Гул возрастает. К комиссару подходит писарь с бумагами. Комиссар читает бумаги и ставит печать.)

Рабочий ((покрывая гул): За что бьемся? За Советы! За наши крестьянские, рабочие. Большевики ведут. Наша партия что приказывает сделать? Повиноваться. (Гул спадает).

Боец в галифе: Тут не старый режим — тянуться да повиноваться. Правильна, товарищи?

(Общее молчание. Перелом.)

Рабочий (презрительно в сторону «галифе»): Нам бойцы нужны, а не горлопаны митинговые.

Боец в галифе: М-м-мы кадетов били. Товарищи, нас оскорбляют в лицо.

Рабочий: А теперь, если вот-так: «га-а» (жест в сторону толпы) — кадеты нас побьют.

(Пауза.)

Рабочий (беря инициативу): Бойцы! приказ ясен. Арестованные будут отданы под суд. Каждый узнает, что постановит суд. Наш суд — рабочий и крестьянский. Виноватые понесут наказание. В бою кто изменил, тот не наш... Кто не согласен со мной?... Кто не хочет исполнять порядки Красной армии, может сдавать оружие и уходить.

1-й голос: Ну рази можно?!

Сысоев: Пусть к офицерам катится, кто изменил.

3-й голос: Оружие для бою нада.

4-й голос: Кто изменит — руби его.

Голоса: Верна!

(Боец в галифе втискивается в толпу.)

Рабочий: Все в порядке товарищи!?

Голоса: А што ж?!. В порядке...

Сысоев: Ясна — суд разберется... Сами понимаем...

Рабочий: Можно разойтись, товарищи!

Эпизод: «ПОД ТЕМНЫМ НЕБОМ».

Ведущий: «Буденновский полк в боях растет — идут в него люди с алыми бантами... Служить без срока, для пользы народа, держаться до последнего, совестью не кривить... И слово данное держат, ценят выше жизни своей... Дивизия уже у Буденного. Побила эта дивизия ген. Голубинцева под Прямой Балкой. Попали в плен пять братья буденновцев»...

(Полумрак. Степь. Кучки пленных буденновцев. Стоит офицер Х. с нагайкой. Несколько белых. Пауза.)

Ведущий (его не видно): «Прощайте лихие честные головы, братья буденновские! Нет больше коней под вами, нет в руке острой пашки и не вьется красный штандарт над полком...

Под темным небом кончается жизнь, в степи, где сызмальства знали простор — с табунами ходили, потом — мужиками стали, землю пахали... Умирать пришла пора. Сердца горячие остынут и навсегда закроются глаза»...

Офицер Х.: Молитесь.

Один (холодно): Некому...

(Пауза.)

Ведущий: «Но дрогнуло белое сердце офицерское — белое оттого, что высохла кровь в нем от злобы. Что, дрогнуло белое сердце офицерское? Жалко стало лихих буденновцев?»

Офицер Х. (милостиво): Расстреливать не будем.

(Стоят пленные ровно.)

Ведущий: «Мила, несказанно мила жизнь каждому. Каждая травиночка сладка, даже полыни горький стебель. Как жить хочется, жить, и где-то снова кипеть кровью и где-то снова найти свои родные полки. А где они?».

(Чуть слышимый буденновский мотив).

В е д у щ и й: «Стоят не чуя ног, не чуя рук. Жизнь будет, жизнь!»...

О ф и ц е р Х.: Не будем вас расстреливать...

В е д у щ и й: «Только может за эту милость в руки пашки дадут и пошлют своих рубить. Не будет буденновец атаманам служить. И не один не кажет покорности»...

О ф и ц е р (зло и устрашающе): Не будем расстреливать вас... (пауза) ...а... живьем закопаем!.. Живее яму для них, эй!..

(Белые быстро двигаются. Падают тела. Кто-то кричит тихо: «А-а-а-а»...)

В е д у щ и й: «Угасают жизни. Не знает пощады враг, не милует. Тронули атаманов, господ растревожили, — ум у них мутится, злоба душит, добро свое зубами хотят удержать!

...В степи под темным небом, живьем столкнули в могилу буденновцев пленных... Пропали!.. Навсегда!.. Совестью не скривили — служили в Красной армии!»...

Эпизод: «НА МОСКВУ... ЗА МОСКВУ — НА РОСТОВ».

В е д у щ и й: «153 000 у белых. Бросает генерал Деникин эти силы вперед. Отдает генерал Деникин приказ перейти в наступление «всем фронтом от Волги до румынской границы». На Москву. На Москву. Идут ударные офицерские дивизии генерала Деникина — Корниловская, Марковская, Дроздовская, Алексеевская... Идут, поют... Считают офицеры переходы до Москвы... Взяты белыми Харьков. Взяты белыми Курск. Взяты белыми Орел. Тула под ударом. Москва, Москва.»

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ¹.

А из-за леса блещут копия мечей —

Едет сотня казаков усачей.

Спереди офицер молодой,

Ведет сотню казаков за собой.

Т е н о р: За мной, братцы, не робей.

Х о р: На завалы поспешай, скорей!

А кто первый до завалов добежит,

Тому честь и крест и слава надлежит!

На завалах мы стояли, как стена,

Пуля сыпалась, летела, как пчела.

¹ Текст взят из романа Шолохова «Тихий Дон».

А и что это, за донские казаки,
Они рубят и сажают на штыки!..
В е д у щ и й: «Идут белые кубанцы. Волчья стая. Идет
Шкуро».

ПЕСНЯ КУБАНЦЕВ:

Ой на горі там жэньці жнуть (vís),
А по під горою яром долиною
Казаки йдуть.

Припев: Гэй, долиною, гэй,
Широкою казаки йдуть!
Попереду Дорошэнко (vís)
Вэдэ свое війско українське (запоріжське) —
Хорошэнькэ (припев)!
А позаду Сагайдашний (vís)
Що проміняв жинку на тютюн та люльку, —
Необашный (припев)!
Гэй вэрныся, Сагайдашний (vís)
Візьмы свою жинку, отдай тютюн-люльку,
Необашный (припев)!
Міні с жинкою нэ возыця (vís)
А тютюн та люлька казаку в дорозі
Снадобыця (припев)!
Гей, хто в гаю, отзовыся,
Гэй, хто в тёмному, отклькныся,
Высічем мы огю, та закуримо люльку —
Не журыся (припев)!

В е д у щ и й: «А пуще всех заливаются офицеры. Считают
сколько до Москвы осталось».

ПЕСНЯ МАРКОВЦЕВ:

Марш вперед, труба зовет
Марковские роты,
Звук лихой зовет нас в бой —
К чорту все заботы (vís)!

В е д у щ и й: «Пойте, белые. А партия, наша партия,
будет говорить. И голос партии раздался: «Советской Рес-
публике необходима конница. Рабочие Златоуста дадут
сабли. Кожевенники дадут седла. В степях возьмем лошадей...
Нужно, чтобы коммунист стал кавалеристом. На коня, проле-
тарий!»...

Хор красных: Слушай, рабочий, война началась,

Бросай свое дело — в поход собирайся, и т. д.

Ведущий: «И вот с востока к Усмани, к Воронежу на встречу белой коннице непобедимой — корпус Буденного идет! Крестьяне и пролетарии, на коня! Идет корпус — алеет как заря!..»

(Буденновский мотив издали. Пуце заливаются белые.)

Хор белых: Смело мы в бой пойдем

За Русь святую... и т. д.

Офицер Х. (насмешливо ведущему): Кто такой Буденный? Нижний чин. Драгун.

Ведущий: «Ближе, ближе красная конница!..»

Хор красных: Слушай, рабочий, война началась,

Бросай свое дело, в поход собирайся!

Смело мы в бой пойдем —

За власть Советов!.. и т. д.

(Единоборство песен, пока — равная сила.)

Ведущий: «И вот с востока к Усмани, к Воронежу на дивизия — 11-я — пристраивается». (Сильнее: «Смело мы в бой пойдем, за власть Советов!»)

(Световой текст.)

«Конкорпусу Буденного овладеть Воронежем и районом Касторной и отрезать главные силы армии Деникина. Командующий южным фронтом. Сталин.»

Голос: К бою (сигнал)!

— Шашки вон!

Ведущий: «Пошла, пошла конница Буденного. Держись. Раз! Получай белые коннички, получай! Два!.. Ах! Так. И-эх!.. Свету не взвидели Шкуро и Мамонтов. Прорван белый фронт!

(Мотив буденновский нарастает.)

По белым тылам, айда, конники Буденного! На Касторную! А с фронта пехота красная навалилась. Бронепоезда жмут... (У-р-ра-а!). А ну, спойте про Москвы, офицеры молодые!».

(Слабо, смело, несколько голосов.)

Смело мы в бой пойдем

За Русь святую!..

Перешибает красный хор:

Смело мы в бой пойдем

За власть Советов!..

В е д у щ и й: «Пошли, пошли вперед. Товарищи! Вперед, гайда! Живи слободно, красавица-Москва Советская.

(Сигнал атаки. Мотив Буденновский нарастает.)

По белым тылам, айда, конники Буденного. На Касторную! И корпус на линии железной дороги (Сразу все тихо.)

Эпизод: «У КАСТОРНОЙ».

На сцене влево — телеграфная комната одной ж.д. станции на линии у Касторной. У аппарата — усатый кавалерист в полушубке и папахе с шим 2 помощике. У ключа аппарата Морзе телеграфист. На сцене вправо другая телеграфная комната. 2 офицера: полковник и поручик. У ключа телеграфист.

(В середине сцены мглистая голубая зимняя ночная даль, телеграфные столбы, уходящие далеко.)

У с а т ы й (к испуганному телеграфисту, желая мягко, но несколько сурово): Не бояться, не бояться. Ничего худого не сделаем.

Т е л е г р а ф и с т: Так точно, так точно, господин...

У с а т ы й: Мы — красные.

Т е л е г р а ф и с т: Так точно, так точно...

У с а т ы й: Линия в целости?

Т е л е г р а ф и с т: Так точно, так точно...

У с а т ы й: Успокойтесь, товарищ дорогой (Кладет руку на плечо телеграфиста. Пауза. Тот понемногу успокаивается. Усатый набрасывает на листке несколько слов. Показывает адъютанту.)

Справа (полковник телеграфисту): Вызовите-ка соседнюю станцию.

(Телеграфист начинает работать ключем. У аппарата слева, куда побежала лента, все затихли.)

У с а т ы й: Ага (телеграфисту): Читайте, товарищ, ленту. Только без ошибок.

Т е л е г р а ф и с т: Проверяйте, пожалуйста...

(Бежит лента.)

О ф и ц е р с п р а в а (диктует): «Сообщите обстановку»...

(Бежит лента слева.)

У с а т ы й (диктует): «Наседает Буденный, вышлите бронепоезд».

(Телеграфист дает это сообщение. Лента теперь бежит у аппарата справа.)

О ф и ц е р (читает): «Наседает Буденный, вышлите бронепоезд».

О ф и ц е р (диктует): «Сообщите, кто отдает приказ».
(Ключ работает. Бежит лента слева.)

Т е л е г р а ф и с т (читает усатому): «Сообщите кто отдает приказ».

У с а т ы й (на миг задумывается и диктует): «Начальник дивизии генерал-майор Румянцев».

(Работает ключ. Справа бежит лента.)

В т о р о й т е л е г р а ф и с т (читает офицерам): «Начальник дивизии генерал-майор Румянцев».

О ф и ц е р (диктует): «Для точности сообщите имя и отчество».

(Ключ работает. Слева бежит лента.)

Т е л е г р а ф и с т (читает усатому: Сообщите имя и отчество.

(Пауза).

У с а т ы й (к молодому): Здорово!.. Правильно!.. Как имя и отчество взятого в плен белого начдива?

М о л о д о й (быстро заглядывая в записную книжку): Михаил Константинович, товарищ командарм.

У с а т ы й (диктует телеграфисту): «Михаил Константинович».

(Телеграфист выстукивает. Справа бежит лента.)

В т о р о й т е л е г р а ф и с т (читает офицерам): «Михаил Константинович».

О ф и ц е р: Все в порядке (к поручику): Выслать бронепоезд «Офицер». Он на четвертом пути. (К телеграфисту). Давайте: «Высылаем бронепоезд «Офицер». Снабдите его боезапасом — израсходован почти весь».

(Бежит лента слева.)

Т е л е г р а ф и с т (читает усатому): «Высылаем бронепоезд «Офицер». Снабдите его боезапасом — израсходован почти весь».

У с а т ы й (кивает головой, диктует): «Боезапас будет дан».

(Телеграфист выстукивает. Справа бежит лента.)

— «Боезапас будет дан».

(В телеграфную сваливается кавалерийский командир в бурке. К усачу, рапортуя.)

— Товарищ Буденный!.. (Телеграфист мгновенно вскакивает, глядя на усатого)... 36-й полк сейчас тут... В темноте налетели, ну они чикнули залп. Все как следует (жест). Офицеры — их рота была — оказывается. Ну, мы рубанули... Мокро... Только пар идет от них...

Буденный: Так. Сейчас бронепоезд белый надо принять.

(Буденный жмет руку телеграфисту. Справа и слева все попружается во мрак. По линии телеграфных столбов по железной дороге чуть искрит бронепоезд, идущий влево.)

Эпизод: «ЗАХВАТ «ОФИЦЕРА».

Станция. Темно. К-р кавполка (в бурке) ходит с фонариком.

К-р: Не балдеть только, товарищи... Как подойдет — так спокойно! Заберем за милую душу!

— Понятно, товарищ комполка.

— Ланно.

К-р: Нарови гранатами, если что. Суй их в бойницы. Гляди, где дыры в броне... Взводный, Сысоев, возьми трех, живо пути рвать, как подойдет...

Сысоев: Слушаю... А ну, идем!.. Петро, Калиберда и Башлаенко. Шнур у меня...

К-р: Да гляди, где дыры в броне.

— Ланно... (двусмысленно): Пошшупаим — ета умеем...

(Уходят.)

К-р: Своих не подстреливать. В темноте, главное, чтобы ясно было... Понятно?

Ответ (серьезно): Ну как же, понятно, конечно, чтобы в темноте ясна была.

К-р: Вот. У них как-будто нет патронов и снарядов. Думают у нас получить. Но стрелять — мало ли что? — будут: нарови ниже, пригинайся, ползи; угол снижения у них нехватит... Ну, все ясно?

— Все. Ползи ниже...

— Понятно...

— В точку.

Один (просительно): А ежели часики там иль сапоги... можно, а?

Голос: Ишь, часовщик.

Голос: По карманам целит...

К - р: Так, товарищи, только по сигналу. Один свисток — ползи, клади шпалы под колеса, суй все, что припасено... Два — пошел. (Строевым голосом.) Пока можно курить. (Темно. Тихо. Во тьме, слабо просвечивая через прорези бойниц и амбразур — бронепоезд. Лязг металла, шипенье. Открывается бортовая дверца бронепоездной площадки и виден силуэт офицера.)

— Кто тут от штаба дивизии?

К - р: Пожалуйста, сюда, сюда.

(Офицер идет на свет фонарика и говорит.)

— Сейчас же нужно принять боезапас... С кем имею честь?
(Свет падает на офицера.)

К - р: (шипит): Командир буденновского кавалерийского полка!

— Как буденновского?..

(Фонарик тухнет, удар пашки, паденье тела, слабый вскрик. В полевой свисток — одна сильная трель. Дверца в бронепоезде захлопывается.)

К р и к: «Что там? Подождите».

(В темноте к командиру полка подбегает Сысоев.)

— Товарищ командир, пути подорваны...

— С той и другой стороны?.. Смотри, Сысоев...

— С обеих сторон, садануло чисто...

К - р полка: Слушайте, эй, на «Офицере»! Вы отрезаны нами. С места не сойдете — под колеса и в колеса положены шпалы и рельсы... Здесь буденновцы. Сдавайтесь.

(Бронепоезд дает пулеметную очередь.)

— Сдавайтесь.

Г о л о с: Шарнуть их, а?

В т о р о й: Лежи!

(Бронепоезд дает пулеметную очередь.)

К - р: Ложи-и-и-сь. Кто там побежал, я вот тебе побегаю, греб твою мать! Ах, ты, стервец!

(Вторая очередь... Все стихает.)

В е д у щ и й: «Бронепоезд отбивался. Расстрелял последние пулеметные ленты. Остаток боезапаса. Бронепоезд стоял неподвижно, как тюрьма»...

О д и н (просянце): Шарнуть ба их, а, товарищ командир?

К - р: Лежать тихо! Глядеть в оба! Целым его возьмем (в сторону бронепоезда)... Сдавайтесь!

(Слышен лязг бортовой дверцы, показывается силуэт.)

Г о л о с с н и з у и ш а ш к а: Куды суесси, дура?..

(Дверца захлопывается.)

Голос (моляще): Шарнуть ба, а?

Сысоев: Лежи, я и сам шарнул ба... Может одново знакомаво офицера найду... Живова съем... Ево не трожьте, если тут, мне дайте. Нос с горбинкой у ево и бородавка...

К-р: Ти-ха!

Из рядов озорной кто-то: Эй, беляки, ку-ку (с мешок).

Командир (повторяет): Лежать тихо!.. (к поезду): Последний раз — сдавайтесь. Сейчас пустим в ход гранаты.

(Из бронепоезда слышен наконец ответ — приглушенно в щелку.)

— Ваша взяла. Сейчас можете нас получить по счету. Всех. Господа офицеры, всех, без исключения? По счету?

Голоса в бронепоезде: Да, да, так точно...

Голос из бронепоезда: Эй, слышите — всех по счету, без исключения. По порядку номеров, господа офицеры? Первый!

(В бронепоезде — выстрел из револьвера. За ним другой, третий, четвертый... Всего 10 выстрелов... Паденья тел.)

Голос (насмешливо): Тожа. Организованный.

2-й голос: Ну, царство им турецкое.

3-й голос: Забирай гостинец.

4-й голос: Был «Офицер», да весь вышел.

Сысоев: Ну, посмотрю.. Нет ли...

(Тени движутся к бронепоезду.)

Эпизод: «ВСТРЕЧА».

В кружке буденновцы поют песню «Кукушка лесовая». Песня кончается.

Голос: И вот говорят — с Москвы приказ. За печатями, значит... А в приказе Ленин и пишет: Приказываю, грит, выбрать самых, что есть смелых буденновцев. По одному с полка и незаметно их послать и им живьем Деникина поймать. Поймать, знач, Деникина, и в Москву-Кремль доставить.

Голос: До-ля-фа!

Голоса: Ты не ври, не ври, добрый молодец!..

Рассказчик: А те жаль? Ну и соврал! У нас в старое время в эскадроне...

Голос: Теперь не старое время...

Голос: Эй, там... Суды пленных привяли... Можя шинель али сапоги сменять можно?

— А тапши их к огню мамонтовых детей...

— Гы-гы-гы...

(К огню подходят трое: буденновец и два пленных — бородачи казаки.)

— Здорово, отцы станичники. Какеи вы будите?

Пленные (с достоинством): Гундоровские...

Голоса: Гундорцы — самая злая сила! Наших, как-што и к нохтю.

— Так отцы?

(Пленные молчат.)

— Зави Митрея, он с казаков и быдто Гундорский. Митрей!

— Я-у!

— Иди суды!

— Я спать лег.

— Иди жа!

— Чаво?

— Иди кашу с салом исть!

— Ну! Бягу!

Гогот: Гы-гы-гы!

(Вбегает Митрий с ложкой.)

— Иде каша?

— Ужо сварим опосля. Эвон земляки, цалуй их.

(Митрий смотрит. Пленные стоят молча.)

Митрий (вяло, мертво): Товарищи, батя мой тута... (шаг к отцу, ложка в руке): Баты... Божжа мой, вот свиделись!...

(Старый казак стоит.)

Первый голос в сторону (сухо-грозно): Свиделись, да и простились... Скольки наших пленных зарубал, отец?

(Старый казак спокоен и молчит.)

Сысоев: Да, Митрей... И шол ба ты отселева.

Митрий (вдруг горячась к Сысоеву): Думаешь защипало? Кабы в тебя, где не защипало, взводнай! Гляди — жалостливый нашолси... (Разгорячась). А-ну, подь к матери... Я и сам, как надо бате милому галаву снесу... Баты, вы нашеих, мы вашних... Вот, батя... (Сует ложку за голенище.)

(Молчанье. Старый казак поводит шеей.)

Третий голос: Дай им, папашам, пожрать-покурить напоследок.

(Пауза.)

Четвертый: «...Растов-город мы праславим

На Садовой дом поставим...

Там та-та-там та-там.

Голос (к поющему): Брось!

Первый голос: Ишь, бороды распустили!

Сысоев (к первому): Не куражся.

Первый голос: Указчиком нам нанялси, взводной, а?!

Сысоев: Указ сам знаешь — сиди... Товарищцы, чего с папанек энтих возьмешь. Тоже бутылки темней... Глаза закрыты. Афицера их ведут...

Третий: Понятное дело.

Первый голос (мягко): А чиво они тогда идут?

Сысоев: И тебе подь до времени приходилось. Тоже ходил, как пешка... Ать-два... А потом опомнился. Что к чему разобрал...

Третий: Пуская живут старые, ума набираются... А?

(Смочит ша Митрия.)

Митрий (шаг вперед): Товарищцы, ежели меня спытать хотите — давайте.

(Кладет руку на эфес шашки.)

Старик (гордо и просто): Так, Митрей... Сила парень!..

(Пауза.)

Голоса первого, второго, третьего и четвертого: Брось Митрей. В их оружья нет, сдались сами... Не надо... Чаво их обижать... Садись, старые. Эй, ну... Закуривай... «Гоп, кума, не журысь»...

Четвертый голос: «...Растов-город мы праславим...

На Садовой дом поставим...»

Голос: Вот далси тебе Ростов... Дойдем, не гуди в уши!

Ведущий: «Просты и честны бойцы Красной армии. Были прямы все, — как Митрий, а Митрий был, как все».

Эпизод: «НА РОСТОВ».

На фоне кавалерийского марша и ж.-д. ритмов вспыхивают буквы сводок:

«17 ноября 1919 г. Приказ по Южному фронту: Конкорпус развернуть в Конармию.

24 ноября нами занята узловая станция Лиски... 9 декабря заняты валуйки.

13-й армией взяты Харьков и Полтава».

«Приказ по Южному фронту: Ударной группе Буденного овладеть Донбассом, разгромить окончательно главные силы противника».

Приказ по Конармии: «Стремительным натиском выдвинуться к Северному Донцу и занять мост и железнодорожную станцию Несветовичи».

(Мотив затихает.)

Ведущий: «Шашки вон! Двинули. Рубанули у Кубаньей и Меловатовки. Разбит корпус белой конницы генерала Шкуро, Улагая и Мамонтова. Бегут белые... Вперед!.. Подлетает 6-я кавдивизия. На рысях бей по Рубежной... Делай тарарам белым... Есть! Подлетели к мосту через Донец и Несветовичи — наш мост... (Мотив растет и вдруг обрывается.) Наш, да только взорванный...»

(К фрампе выходит боец в полушубке, валенках и папахе.)

— Чиво затихли? Чиво вам скушно? Дай я расскажу... Ну-с висит мост — сами видим. С того берега казаки бьют. Стрелят раз, у нас кто нить — брык... Смех и горе... Идем мост чинить... С нами шахтерский народ идет... Ну, пущай... Тащим шпалы, а казаки все бьют... Смех и горе... Склизко, темно, холодно...

Ташшу я шпалу, глянь лезет кто-то. Чево надо? (Имитирует старуху): «Покушай, грит, сынок». Старуха откель-то. Со станции верно... Огурцов дает и бумажку сует. (Имитирует): «Пятерочка царская» — грит. Чиркнул спичку я, верна, синенька. А тут по спичке пуля — жжик... (имитирует): «Сыночек, возьми деньги, у меня, грит, свой-то убитай. За вами, грит, похожу... (басом): «Иди, говорю, бабка, убьют. Ишь стреляют. (Обыкновенно). А огурец я съел, конечно, — хлеба только не было... А пятерочку не взял. Вот ей богу... На деньги штоль я польщусь?..

Мост, конечно, к утру справили... Шахтеры подсобили. Скольки шпал наклали в клетки, их. На клетки рельсы. И фьить — броневишки. Крути Гаврила... А подвыбило народу порядком со шпалами работавши... Да утром это фьить — и на беляков. Мы коней в поводу и через мост. Не дыши Деникин. Замри... 4-я кавдивизия идет да броневишки шыкают (имитирует паровоз).

В е д у щ и й: «Станция Лисичанск. Переездная. Мчит 4-я кавдивизия. Мчат рядом бронепоезда. Вперед на Волчеярскую, на Лоскутовку. Даешь Донбасс. Рядом по дороге бегут с кавалерией рабочие и шапки летят вверх. «Свои, наша армия пришла...» (Слышно «ура».) Бери Попасную. Удар в обход. Дело сделано — наша Попасная. К Бахмуту... Ходом — ходом. Шапки вон. 11-я кавдивизия в Бахмуте. Пал Славяно-сербск, Миллерово, Луганск (громко): Товарищ Ворошилов, твой Луганск взят! Давай дале... Держись Таганрог, держись Новочеркасск, держись белый Ростов!»

(Ритм.)

Эпизод: «ВИДИШЬ КЛАДБИЩЕ».

Степная даль. Виднеется кладбище. Железная дорога на Дебальцево, в Донбассе. Сырой декабрьский день. На первом плане стоит ж.-д. площадка Конной армии «Коммунар». (Площадка — два 3-дм. орудия в балниках и 8 пулеметов на один борт). Дверца в борту раскрыта, из нее головы матросов. На полотне кучка матросов в бушматах и кожаных куртках и бескозырках. Среди них командир, он отличается только тем, что у него фуражка с козырьком.

К о м а н д и р: Приехали — ставь, Дунька, самовар. Говорил — «все в порядке». (Дразнит): «Так точно в порядке». Эх вы, пальцем деланные.

1 - й: Ды-к, кто же думал?

К - р: А надо думать — раз тебе поручено.

2-й (кусает кулак и отчаянно): Ай-ой, вот попали. На мертвый якорь.

3 - й (горько): «Краса и гордость»...

4 - й (насмешливо): Ну вот, давайте говорить, языком работать.

2 - й: Мореплаватели.

(Пауза.)

К - р: Эй, на паровозе! Может до Дебальцевой дотянем?

О т в е т: Никак... Пар сел совсем.

К - р (горько): Военные моряки рабоче-крестьянского Красного флота, посланные в Конную армию, а! Военные моряки забыли погрузить уголь, а! Пар сел, а! Подымай аварийный сигнал, а! А кавалерия нас ждет — а?

(Попуры все — один свистит.)

1 - й: Командир, брось ругаться. Не потонем — тут не глубоко. Пугаться не надо. Ешь солому, а форс не теряй, вы-

ходи на улицу, в зубах ковырай, люди подумают мясо кушал.

К - р: Эй, на паровозе! Может до Дебальцевой дотянем?..

Ответ: Не-никак...

(Пауза.)

4 - й: Вон кавалерия идет.

К - р (смотрит в бинокль): 11-я дивизия. В шинелях и громоотводах, ну в этих новых шапках... (делает жест над головой): 4-я и 6-я — те в бекешах и бурках.

2 - й (кусает кулак): Ай-ой, вот попали.

(Подходят три кавалериста в длинных шинелях и шлемах-буденновках.)

— Здорово, флотские!

Ответ: Здравствуйте.

1 кав.: Что стали?

К - р (немного подумав): Пустяк — сейчас пойдем. Неисправность вышла на левом дышле, на колесной, значит, передаче.

2 - й кав.: Сейчас, значит, пойдете?

4 - й: Через пять минут. Чик-чик и готово.

3 - й: Ну давайте, братишки. Дивизия пошла уже. На Ростов. Крутите.

Ответ: Валите. На Ростов.

(Кавалеристы уходят. Моряки стоят, молча переглядываясь.)

К - р (исступленно). Братва...

(Пауза, слышна песня проходящей кавалерии.)

4-й делает шаг вперед, яростно кидает фуражку на землю, снимает быстро бушлат, фланелевку, кидает и их и остается в полосатой тельняшке. Засучивает рукава. Все на него смотрят. Он странно преобразается, горя бешеным задором и силой. Вынимает из бушлата наган, немного держит его, раз, вертит барабан и сует наган за пояс.

4 - й: Ну, раздевайся все, братва.

(Из дверей головы.)

2 - й: Чего?

К - р: Ты что, малохольный?

3 - й: Сдурел.

4 - й: Раздевайся живо. Дело есть. Грузить будем. Почти, чем у угольной стенки в Кронштадте... Скорее, братишки.

2 - й: С ума сошел.

4 - й (сильно): А ты молиться будешь (гнусавит): уголька пода-а-аждь госпо-о-оди... (сильно): Братва — видите кладбище... Ну? Ясно?

К - р: Ну, — что?

4 - й: Ну, ну — деревянные ведь.

2 - й: Кто деревянные — мы-то?

4 - й: Кресты де-ре-вянные.

(Тихий удивленный стон всех. Одно восхищенное восклицание «Елки-палки»... К-р бьет в ладонь 4-го, жмет ему руки и кричит: «Опребай правичка от старого морячка».)

4 - й: Ну, ясно. Кресты выворотим и в топку. Пар есть!

(Все точно ошпаренные. С треском летят кожаные тужурки и бушлаты, обнажая здоровые торсы в полосатых тельняшках.)

— К кладбищу. В цепь. Вылазь все... И пулеметчики, и командиры.

(Трое пуль летят с площадки. Образуется цепь в сторону от пути. По цепи с криками: «На-вались, ходом!» передаются посеревающие могильные осьмиконечные кресты.)

К - р: На паровозе! Счас с якоря снимаемся!

(Согласно) — Ага!

К - р (смотря на часы): В точку будем. Курс на Ростов...
Полный.

В е д у щ и й: «Оперативное задание было выполнено в срок».

Эпизод: «МАРКОВЦЫ».

В е д у щ и й: «К Ростову, преследуемые Конной армией, отступали белые. За Таганрогом на ночевку стали полки марковской офицерской дивизии»...

Изба. Стол. Лавки. Справа в полутьме кровать. Окно... В дверях старушка. В избу входят четыре марковца. Двое глухо запевают:

«Марш вперед, труба зовет

Марковские роты.

Звук лихой, зовет нас в бой —

К чорту все заботы!..»

Снимают амуницию, хлопают руками, как извозчики — вперед-назад, чтобы согреться, садятся, кашляют, курят и т. п. Винтовки ставят у входа рядом, вдоль стенки; на винтовках патронташи и т. п. У стенки стоит старушка.

1 - й (капитан, седоватый): Чогт, долго ли еще будет этот дгал. Бежим, как гысаки на Семеновском плацу... Пготивно...

2 - й: Капитан, красные так же бежали за Орел — военное счастье (напевает): «изменчиво и переменчиво...»

3 - й: Ту ва бьен, как говорят французы. Все идет хорошо. Офицер Х. (к 3-му): А, дежурный оптимист... Бон суар. Сколько верст осталось до Москвы. Сообщите мне, отставшему корниловцу, которого приютили (насмешливо) господа марковцы...

3 - й: Под Ростовом красные выдохнутся. У-ве-ря-ю.

1 - й: «Сумлеваюсь штоп», как говорил генерал Сухозакет — не очень ггамотен был.

3 - й: Гасда, новый анекдот... К Ленину в Кремле...

4 - й: Бросьте. Надоело... И кроме того, вы знаете за что Каин Авеля убил?.. За то, что тот ему рассказывал старые и... (в лицо 3-му) глупые анекдоты. Вот-с, сэр.

3 - й (отворачивается).

2 - й: А я маленькую рекогносцировку сделаю. Ужасно голоден. (К старухе): Бабуля, милая, нет ли сала?

Старуха: Нету сынок.

2 - й: Ну, а яйца, молоко?

Старуха: Забрали — попереди вас войско шло — все забрали.

2 - й (тоскливо): Господи! Матушка, дай поесть чегонибудь. Сметаны. Картошки.

Старуха: Картошечка есть, родной, есть картошечка...

2 - й (радостно): Ну вот хорошо... Спасибо... Бабушка, а это кто лежит тут?

Старуха: Внучка, внучка больная, сыночки. Тифом тронуло.

2 - й: Ну, бабуся, займись картошечкой... И лучку бы, а?

Старуха: Ладно, милый, ладно.

(2-й подходит к кровати, на которой лежит больная девушка лет 16. Вся в жару.)

2 - й (восторженно и чисто): Мурильо, Грёз... Буше... (С восторгом). Настоящая красота. Нет, вы посмотрите. (Офицеры подходят к кровати.)

1 - й: Да-а... Не больше 16-ти...

3 - й (дурачась): Я мог бы, знаете, оказать ей внимание.

(Входит бабка, неся вареную картошку в чугуне, соль, лук и бутылочку с постным маслом.)

Старуха: Кушайте, сыночки, кушайте, военные господа (второму). Лучку-то вот, возьми.

2 - й: Спасибо, родненькая. Похлопочи соломки нам, бабушка, поспать.

Старуха: Иду, сыночек, иду... (Уходит.)

Офицеры у стола, кое-кто жует уже. 2-й стоит у кровати, затем присоединяется к прочим. Ест стоя, потом запекает на мотив солдатской песни, давая шаг на месте.

«Ды-шала ночь восторгом сладо-страстья,
Не-ясных дум и трепета полна —
Я вас ждала-аа с безумной жаждой счастья...
Я вас ждала и млела у окна...

(3 - й и 4 - й дают ногу: «Ать-два»).

Наш уголок я убра-ла цветами.

К вам одному неслись мечты мои...

Минуты мне-ее казались часами,

Я вас ждала-а, а вы, вы все не шли... »

(3 - й и 4 - й дают ногу: «Ать-два»).

2 - й: Наша жизнь коротка и сурова.

1 - й: Это вступление к чему? И давно ли вы это постигли, вчегашний прапог.

2 - й (как бы не слушая): Обстановка: сзади красные, спереди — неизвестное... Мы голодны.

3 - й: Ешьте, боже мой, картошку.

2 - й (значительно): Я говорю о женщинах.

4 - й: А - а - а. Ну - с, слушаю.

2 - й: Будем прямы — девочка чудесна. Температура у нее не менее сорока. Огонь. Понимаете... Бла-жен-ство. И потом, не мы, так другие...

4 - й: Я — игрок. Раз драгуна под винтовку над окопом поставил. Под суд не хотел отдавать. Да. Держал пари. Убьет или нет. Игра. В теплушку тоже влез — к солдатам. В 18 году. Игра... И здесь игра — за любовь (жест к кровати): — сыняк... Или проскочит. Оч-ча-ро-вательно. Играю.

1 - й: Слушайте; бгосте. Вы же офицеры гусской армии.

2 - й: Капитан стареет.

3 - й (трусливо и жадно): А сыняк — наверняка, как вы думаете?

4 - й (подзадоривая): А если нет? (Поет): «Ночь дана для любовных утех».

2-й и 4-й идут к кровати. 1-й сидит и ест картошку. 3-й стоит, потом идет тоже к кровати.

3 - й (шуткой прикрывая дрожь в голосе): Капитан, вы можете кончить ваш ужин в приятной темноте?

(Трое наклоняются над кроватью.)

2 - й: Пылает... Угодно жребий *Ius primaе noctis*. Право первой ночи... «Марш вперед, труба зовет, марковские роты...»

3 - й: Я гащу свет.

(Подходит к керосиновой лампе и берет ее. В дверях шали.)

2 - й: Эй, бабка, не ходить сюда, проваливай (чуть пауза). В избу входит с маузером красный командир и становится, закрывая собой винтовки.

К р. к о м. (весело): Ну живо, вываливайтесь отсюда. Там всех пленных строят.

4 - й: Тушите лампу.

К - р (холодно): Поставьте лампу на стол. (Маузер ходит на уровне животов.)

(2-й сует руки в карман.)

К - р: Эй, руки в карман не совать! (Наводит маузер. Кричит в сени). Товарищ Сысоев, офицеров принимать будешь, проведешь их. Подходи по одному... Руки, сказано, прочь от карманов...

(Подходят. В затылок 2-й, 3-й, 4-й; к-р их обыскивает, у двух вынимает браунинги. Офицеры, беря шинели, проходят в сени. Капитан точно мертвый — вял и несчастен. В дверях Сысоев: «Здорово, молодцы». Вдруг вскрик: «Стой! Вот-а где ты?» Кидается к 4-му офицеру, тот ловко дает подножку — Сысоев падает. Командир целится в прочих. Офицер скрывается.)

К - р: Как он убежал? Проскочил? Ну, ладно!

Сысоев: Не ладно... Знали бы вы, товарищ командир... А-а... после. Ух поймаю, гад, живого съем!

Световая сводка:

«В Таганрогском направлении конными частями тов. Буденного захвачена марковская дивизия противника в составе 3 полков».

Ее сменяет 2-я сводка:

«Наша конница в переходе от Ростова».

Ее сменяет 3-я сводка:

«Конными частями тов. Буденного 8 января с боем взят город Ростов».

Эпизод: «В ВАГОНЕ».

В е д у щ и й: «Взят Ростов. Белые за Доном у Батайска. Стали — упираются... Не берет наша — Конную армию в дело. В поход, бей по тылам».

Пассажирский вагон на Владикавказской железной дороге. Март 1920 г. Разные пассажиры — смесь мешечников, красноармейцев, не успевших удрасть эмигрантов...

На верхней полке босые ноги. Одна нога почесывает другую.

С н и з у д а м а: Послушайте, солдатик, очень неудобно так ноги выставлять.

(Ноги шевелятся... Слышен голос): Я не солдатик, а господам и богу враг. И только.

— Это как?

— Я нашева полка боец. Буденнова.

Д а м а: А-а-а.

С т а р и к: Эй, почкенный, чайку попей с нами. Хоть чай и не водка — да чем богаты.

Б о е ц: Спасибо.

(Боец слезает — босый, без шапки, здоровый, красивый. Входит некая молодка с корзинкой. Садится. Боец глядит на нее, конфузится и прыгает наверх. В момент надевает сапоги, кубанку и слезает вновь, натягивая белые нитяные перчатки. Боец откашливается и церемонно садится, поглядывая на молодку, к столику — пить чай со стариком.)

— Чай, сахар... (Наливает и отхлебывает. Старик оглядывает бойца). Форму оглядываете. Деникин у нас в артелях. Сукно и прочее трофеи поставлять... Мы и одеваемся... Товар. (Хлопает по своим хорошим английским галифе.)

К молодке:

— За канпанию — не угодно?

М о л о д к а (шепчет, конфузясь): Ни...

— Вы как? Путешествуете? Или так? (Молодка еще более конфузится.) И есть дома, например, законная супруг? (Молодка совсем конфузится.)

С т а р и к (вмешивается): Изволили вы заметить, что у Буденного, как их величать не знаю, служите.

Б о е ц: Так точно. А теперь в отпуск. Семь дён имею...

С т а р и к: Не откажите поделиться впечатлением о Буденном — как их величать не знаю. Наслышаны, и знать про них любопытно.

Боец (пьет чай в перчатках, оттопыря мизинец, потом одергивает гимнастерку): Впечатление у mine от Буденного ничево. (Пауза). Хорошее (глядит на молодку)... Да... Вот было... (Постепенно попадает в русло воспоминаний и бросает «форс», становясь безыскусственным). Ростов—взяли. Белые у Батайска. Какое дело, а. Стоять мы постояли только постираться успели... Тут «та-та-та»... Тревога. «Седлать». Ну, седлаим. Ожидаются отважные бои, иттить на Дон — в степя. И только. Лишнего не класть, белье одеть чистое — на случай пуля тронет... Идем. За Дон. И шли несколько переходов. А там белы-ых... Ну, добре. (Пауза. К рассказчику подсаживаются ближе).

— Да... Деникин што? Зовет своих генералов от-кавалерии Павлова и прочих. «Как так — почему красные за Дон идут? Что б я больше имени Буденного-Ворошилова не слышал!» И только. «Кто они такие?» «Нижние чины, вашсокдитство», — ответ ему дают.

— Как так, не может быть?

— Виноват — только так и есть. Деникин усмехнулся и говорит: «Поймать.» И только. «Слушаемси.» Откозыряли генералы и покатились. Покатились ловить... Ну добре... А мы и сами за Дон идем — на-мол, лови! У Шаблиевки сошлись. Лови, ну! А они не ловят. Осерчали мы — побили их... (лукаво): Грех...! У Торговой ишо сошлись (серьезно): Ох, бой был! С холоду лютые — смерти не видят — идут белые. Останову нет. Прям беда... Однака и тут их побили. И только. В степь их угнали. А мороз! Спасу нет! Утром мы в разведку. (Начинаются усиленные жестикуляции). Глянь — чернеет. Белые (Пауза). Сдавайсь! Молчат. Сдавайсь! Молчат. К ним (Пауза). Стрельбы нету. Што за хреновина? (К молодке): Вин-новат... Подскакали. Сдавайсь! А они... — все мертвенькие. (Падает кружка. Женский вскрик). Замерзли. И только. (К дамочке): Вот, дамочка, дела-то...

— Двигаем дальше. Усе Деникин Буденнова-Ворошилова ловит, а мы ево бьем — чево не поймаишь... Упарились. Под Белай Глиной ушибли белых ишо раз! (Серьезно): Тут в нас комбрига Мироненко и комполка Усенко убило. Вечная память.

(Пауза.)

Старик: Ох-хо-хо. (Боец закуривает.) (К молодой): Вас табачный арабат не тревожит... (Молодка конфузится). Табак на грудь смягчение дает... Всю войну курю... До службы не курил... Да... (Серьезно): Идем, знач ета дальше — к Егорлыцкой. Наперли сюда белые все корпуса: офицерский — раз, донских — три, да кубанский. (Растопыривает левую руку, обводит взглядом всех. Белеют пять больших пальцев).

Голос: Н-да.

Голос: Ну?

Боец: Идем в атаку раз. Нам по морде. Идем в атаку два. Нам по морде. Идем три — по морде. Ах, ты мать... (Дамочка «ах!..» Боец вдруг давится)... пресвятая богородица!.. Батареи наши — отступать. А? Тут начдив 4-й Гороховиков...

Молодка (не выдержав, певуче): Шо це такэ — начдив четвертый?

Боец (оправляя гимнастерку): Ета, пожалуйста, как ба вам сказать по форме... Ну, вроде, как бы над тремя бригадами... Ну (Радостно). Начальник дивизии. Командир над шестью полками... Да... Мчит, эта, начдив 4-й Гороховиков. Конь ево огнем горит... Мчит к батареям. «Здравствуйте, грит, батарейцам-то, други. Вы, грит, што. Вы, грит, куда-а? Не в ту сторону наступаете, ну и добавил... (Рукой жест) Командует начдив 4-й Гороховиков, эта батарейцам-то: «Огонь со всех орудий, ну». И только... (Восторг аудитории). Бьем громом с орудий и белым говорим (поднимает голос): «Ну, теперь тих-хо, тиш-ше. Куда суесси, дура...» (Дамочка и старичок несколько отодвигаются. Прочие: Ага-а-а. Во!) Взяли Егорлыцкую. Побили пять корпусов (Жест руки). Гони, жару даем: а, лови Буденного! А, лови Ворошилова!.. (Смех. Голоса: Во! Ага!..) В корень разгрохали — и только. Ну, Деникин в море подалси. А тут ведомство не наше. Мы в Майкопе и стали отдыхать. Ну, тут благодарность. «Ту-ру ру» — Та-та-та — музыка... (Расправляет плечи и глядит на молодку). Ково и к награде... А, что вы об чем все мичтаите?..

Старичек (мешая): А кто же они точно Буденный-Ворошилов?

Боец (с трудом отрываясь от молодки): Го-о, я с Буденным сосед — с окна в окно полтыщи верст... Не, правда — он с Полтавской станицы, а я подальше. А Ворошилов — луганский, фабричный.

Один: Как же они командовать могут?

Боец (убежденно и сердито): Могут — раз надо! И только. Знаешь, дед, один солдат может ловчее четырех генералов справица... Не знаешь? Слушай — смотри. (Глядит кругом. Все смотрят. Боец начинает.) Четыре генерала — какие они, звесно старые. Спать лягают... Ну, штаны, извиняюсь, сняли, то-се... Кхе-кхе. Свечку задуть нады. Один дуит. (Дует, выпятив сильно нижнюю челюсть, воздух идет куда-то в нос). Не может потушить. Другой шкандыбаит. Дует тожа. (Дует, выпятив верхнюю губу.) Воздух идет вниз... Ах ты, господи, не потушишь. Лезит третий! (Дует, скривив рот влево.) Ничаво не выходит. Ну тада идет четвертый! (шамкает): «Дайте, я, ваши превосходительства». Дуит! (Дует, скривив рот вправо.) Ничаво. Не могут. Тады солдат тут случился, вроде меня хм-хм... Ен, ета, подходит и... (Снимает перчатку, слюнит пальцы и гасит пальцами воображаемую свечу.) Р-рас!.. и только.

Эпизод: «НА ОТДЫХЕ».

Группа буденновцев, занятых бездельем. Отдыхают.

Р а с с к а з ч и к: Шевелись-капайся... Кто сказку слушать?

— Про чего сказка-то?

— Про нашево полка бойца, как ево кадет обдуривал, и што с етова вышла.

— А ну-што?

(Подваливают к рассказчику. Слушают.)

— Шол нашего полка боец. Глядит — кадет. Ну, што, ма-ла ль их по Дону-Кубани пораспущена теперь, как Деникина разбили. Встретились, значит. То-се, увязался кадет бывшай за нашего полка бойцом. Это они идут, — глянь на дороге поросенок жаринай с кашей. Кадет — глаза завидушие, и гаварит: «Как же мы порося съедим?» «Порежем, товариш-шок, гаварит нашево полка боец, половину тебе, половину мне, я поем и ребят угошшу». «Нет, гаварит кадет, так не поделишь, кому-нить да больше выйдет... Вот давай спать лягим, кто лучше сон ввидит, тому и порося съесть». — «Давай!» Легли. Нашева полка боец глаза закрыл и сам чует, кады кадет заснет. Тот лежит. Глаза щурит. Обдурить на-

шево полка бойца хочит: самолучший сон выдумывает, — где мол ихнева краснова полка бойцу так выдумать, серые они ишо!.. Нашево полка боец смекает. Видит кадет на хитрость бьет. Стой! И нашева полка боец пороса р-раз и в торбу! А кадет все думайть. Надумал. Торк-торк нашева полка бойца. — А ну, какой тебе сон снился? А нашева полка боец и говорит: — Тьфу, разбудил, я весь сон и забыл!.. А тебе какой? — Ну, говорит кадет, мне хороший сон снился. Смотрю я — возле нас конь ходит, чисто генеральский, нова узда, удила с серебра, стремяна залатые, подушка на седле пуховая... Сел я на этава коня, да и поехал. Еду, еду, смотрю лестница на небо упирайтца. Слизаю. Полез по лестнице. Лезу, лезу в гору — смотрю на небо влез. Влез на небо — там палаты. Я туды. А там сам бог. Сидит и ужинаить. Иди, говорит, храбрый христолюбивый воин со мной ужинать. Так я с самим богом и ужинал... Во-как! Тады нашева полка боец пичальна говорит: Вроде и мне такой сон снился только похужи... Смотрю ета я, конь мой идет, ишо с Царицына у меня коняка. Какой — трусит и ланно. Да узда там, стремяна, сидю, усе обнаковенная, как у Буденнова бойца — игде нам богатое взять?! Сел я на коня и поехал. Еду, еду... Смотрю лестница в небо упирайтци. Слизаю. Полез в разведку. Лезу, лезу в гору — смотрю на небо влез. Влез на небо — там палаты. Коло палат — конь енеральский ходить, бьет копытом, огонь летить... Подушка на седле пухова, стремяна залатые... Так то мой конь был! — гаварит кадет. — Во-во! Твой!.. Лезу я дале в палаты. Походил, походил — дверь открываю... Винтовку на изготовку — дело знакомое. А ну, кто там вылаз? — Смотрю бог. А ты рядом с ним и ужинашь. Ну думаю компания. Занесли черти! Вижу только, што ты и гаваришь: Иди прочь краснава полка боец, не твоя тут места, иди забирай пороса, што мне христолюбивому воину пороса — я с богом с самим ужинаю. А на столе — уха, пироги, лапша, студень, говядина, кисель, ай... Чиво только нет. Ай!.. Закрутил хитрай кадет головой, да и пошел прочь. Не абдурить нашего полка бойца... Сказки конец. — Эй! Кто закурить даст?

— Г о л о с: Гэ! А пороса?

Р а с с к а з ч и к: Звестно, сам поел и взвод свой угостил...

Г о л о с: Эй, на занятье, собирайся, товарищи!

Эпизод: «БЕЙ ПАНОВ».

В е д у щ и й: «Не долго был отдых Конной... Заиграли трубачи снова: «Се-е-едай». Войной идет на нас белая Польша, Украина вновь в огне... Дивизия Буденного — 18 000 сабель — походом, в седле, идут на польский фронт. С Северного Кавказа к Умани. Маршрут под стать только красной коннице.... Более 1 400 верст.

(Песня: «С неба полуденного».)

Эпизод: «В ГОСПИТАЛЕ».

В е д у щ и й: «В первом бою с поляками ранен командир Буденновского полка».

Отдельная палата армейского госпиталя. Койка, шкафчик, слабый свет.

На койке — раненый командир полка. Сиделка.

К - р (бредит, у него свисает рука и тихо шевелятся пальцы): Где мои сапоги... Сняли сапоги... Я — на свалку (сестра поправляет подушку и выходит)... Мне надо сапоги... Кто подойдет — меня на свалку... я его ногой — в живот... А на сапоге подкова... Все кони подкованы... Товарищи, я надеюсь. Понятно... Подточите шашки... «Для встречи от середины... Ш-шай на кра-ул!..»

(Сиделка подходит. Раненый ее узнает.)

— Сестрица, вы?.. Как там наши, а? Ой-ой, как жжет... Ой, как больно (скрипит зубами). Ничего — мы служим без срока... Совестью не кривить — Красная армия... (Плача). Я хочу сам себя лечить. Я как собака — сам я травкой, травкой... Я сейчас... Я сейчас, в строй... Только пожую травку... И вылечусь... Арш-арш! За мной!

(Сестра его удерживает. Входит боец, раненый в руку, Охрименко.)

К - р: Ну? А? Прорвали? А?

О х р и м е н к о: Так точно (командир мечется).

Сестра: Вам худо?

Р а н е н ы й (у него реакция, счастливо): Мне хорошо. Прорвали...

В е д у щ и й: «И когда польский фронт, фронт кадровых европейских, обученных и снабженных богато войск был, как скорлупа, продавлен и расстроен Конной армией — скверно стало панам. Маршал Иосиф Пилсудский, глава государства Польского, признался: «Паника вспыхивала в местно-

стях, расположенных даже на расстоянии сотен километров от фронта, а иногда даже в высших штабах, и переходила все глубже и глубже в тыл. Стали давать трещины даже работы государственных органов: в них можно было заметить, какой-то неуверенный, колеблющийся пульс.. Наступали моменты непреодолимой тревоги с первыми потрясениями. Новое оружие борьбы — конница Буденного — становилась какой-то легендарной непобедимой силой... И чем дальше от фронта, влияние этого гипноза было все сильнее и непреодолимее...»

Эпизод: «В ШТАБРИГЕ».

Польский фронт. Лето 1920 г. Штабриг. 2 стола. Лавка. Комиссар, бывший рабочий. Флаг у стенки: «Бей панов». На гвозде висит комиссарская пашка.

Комиссар (в дверь): Товарищ Семененко, пленные поели?

Ответ из дверей: Пошамали.

Комиссар: Пусть ко мне идут.

(Идет к окну, наливает из жестяного чайника в кружку чай, пьет. Входят 5 польских солдат, крепкие с выправкой. Вытягиваются, щелкая каблуками. Комиссар делает жест, плотая чай и раскалывая зубами сахар.)

Комиссар: Садись, товарищи.

(Солдаты стоят руки по швам.)

Комиссар: Садись, товарищи. Ну? Давай говорить... Пойдем друг друга, а? Вы по-русски што, я по-польски. Так?..

(Солдаты деликатно присаживаются на лавку.)

Комиссар: Откуда родом? Скуда будешь?

1-й: З Варшавы.

Комиссар: А ты, друг?

2-й: З Люблина.

Комиссар (к прочим): А вы?

3-й: З Кракова.

4-й: Теж с Кракова.

5-й: З Бялы.

(Входит Семененко, полубосый, в кубанке, пимнастерке; с пашкой.

К комиссару.)

— Товарищ комиссар, клычут вас там... Та ще один пленный ось тут (тыкает в сени).

Комиссар: Иду. Пленный пусть сюда же идет. (Выходит из хаты с Семененко. Пленные переглядываются. Пауза. Входит 6-й пленный. Солдаты, увидев его, вскакивают «смирно».)

3 - й: Пан поручик!

6 - й: Тш-ш. Тихо!

(Осматривается. Солдаты садятся. Входит комиссар с пакетом и кипой газет.)

Комиссар (к 6-му): Друг, а ты какой? Понимаешь — откуда?

6 - й: З Лодзи.

Комиссар (живо): Рабочий?.. Работник?.

6 - й (подхватывая): Так, да... Так, так...

(На улице вдруг пулеметная стрельба, крики, взрыв. Все вскакивают. Комиссар к окну. Польский офицер, секунду в замешательстве, потом восклицает: «То — наши». Делает повелительный знак солдатам и кидается за шашкой, висящей на стене. Через несколько секунд на него сзади кидается один из польских солдат. Офицер и этот солдат катятся на пол. Комиссар схватывает шашку и обнажает ее. Офицер лежит, солдат давит его сзади.)

Семененко (вбегает): Бомбу, гадюка, бросыл! Двоих вбыло били хаты. Наши с пулеметив покрыли!.. Ой, высоко, гадюка, литас!

(Комиссар, подавляя волнение, вкладывает шашку в ножны и наливает из чайника чай в кружку, глотает. Солдат поднимается. Офицер тоже.)

Комиссар (к ним): Ну, што?

Солдат: Пан комиссар... (Жест в сторону офицера.) То — офицер, то поручник. Он хцел порубить пана комиссара... Он мое скрал — он мувил — он работник. Ни, ни — то я работник, то мы (тыкает рукой на одного и другого соседа). Я много страдал через них... Я сидел в тюрьме... Мне били в полиции...

Комиссар (к офицеру): Разумиете, понятно, а? Семененко. Сопроводи, друг, этого (кивок на офицера) в штабриг. (Вспомнив что-то). Только чтоб без «менок». Ни сапог, ничего не снимать. Ясно.

Семененко (полубосой, глядя на сапоги офицера): Эге ж, мне шо — ни було в мене чоботив, та хай и не буде... (К офицеру) Пийшлы, пан...

(Уходит, пропуская офицера вперед и придерживая левой рукой шашку.)

Комиссар: Садись, товарищи.

(Пленные садятся.)

Эпизод: «СМЕРТЬ КОММУНАРА».

Ведущий: «Тяжелые бои ведет Конная. Ее окружили поляки — армия Геллера...»

Вечерний свет. Поле. Остатки шнуровочных заграждений. Лежит раненый буденновец. Продаль кусты. Опрокинутый пулемет. Раненый отрывисто, с хрипом, полустонет, полупроизносит: «ха».

Шорох в кустах. Раненый левой рукой вскидывает револьвер.

Раненый (шепчет): Поляки... (громко): Кто идет? Стреляю!

(Тихо. Потом шорох возобновляется.)

Раненый (нервно): Кто идет?

(Тихо. Потом шорох возобновляется.)

Раненый (еще нервнее): Кто идет?

(Тихо. Из кустов ползет кто-то.)

Раненый: Стой!

Голос казака: Товарищ политрук, ета я. Вы только голос не оказывайте — услышат. (Подползает.) Вот баклажка, попейти... вот бинт... (Поит и осторожно перевязывает). Я как заметил, ишо в атаки, что вы, знач, немножко споткнувшись от раны, так потом Сысоеву сказал и суды пополз. Ихняя кавалерия в ложбину ушла, сидит там. Близка тут... Наши ждут наскоку... Вы попейте ишо.. Накрутили нам холку — паны эт-раз... Не знаю прорвемси ли...

(Раненый снова хрипло отрывисто дышит.)

Казак: Ну теперь давайти, товарищ политрук, подаваться к своим. Может проползем. Вас иде тронуло?

Раненый: В живот... и в правую... руку.

(Казак понял, что это значит.)

Казак: А я вас на горбу — легонько понясу...

Раненый: Наши, значит ждут... Поляки близко... (Вытаскивает левой рукой из грудного кармана книжку, дает казаку). Пиши. (Казак покорно берет книжку, карандаш и в темноте пристраивается). Пиши (медленно диктует): «Посылаю тут... партбилет... списки... ячейки... квитанции»... Написал?

Казак: Ага. Квитанции... Темно писать. Я чиркну... (Чиркает осторожно и, закрывая огонь телом, проверяет записку.)

Раненый (медленно диктует): «Приказываю бойцу... доставить все это... меня бросить... я уже... пропал... Прика-

зываю взять... пулемет тут брошен, и ленты... Вам он нужен. Я — нет. Придется... лишать себя жизни. (Казак нето всхлипывает, нето тянет сопли носом.)

Раненый (медленно): В нагане один патрон... Значит прощайте. С коммунистическим... приветом»...

Казак (дрогнувшим голосом): Товарищ, родной, давай я тебя донесу.

Политрук (мучительно): Пулемет...

Казак (моляще): Давай...

(Скользнул луч прожектора.)

Политрук (слабея): Пулемет... Скорей... Поляки ударят... Иди!

(Казак шарит по карманам, достает кисет и ломоть хлеба.)

Казак: На-ка вот, махорки... Покури... Хошь? Или поешь — хлеб тута... Товарищ политрук, а? Милай... Хошь? (пауза)... Прощай... братец мой... (нето всхлипывает, нето тянет сопли носом. Луч прожектора).

Казак осторожно тянет пулемет и коробку с лентой и ползком пропадает в темноте. Раненый отрывисто хрипит. Потом все тихо...

(Луч прожектора.)

Эпизод: «ДОПРОС ПЛЕННОГО БУДЕННОВЦА».

Комната. Некоторый комфорт. Полковник. 4 офицера, как один, сияющие формой. Лак и золото фуражек, шитье на воротниках, ордена, лакированные сапоги и пр.

Полковник: Прикажете ввести пленного.

(Адъютант отдает честь и выходит. Быстро возвращается. Входит в буденновском шлеме и гимнастерке без пояса пленный казак. За ним часовой комендантской роты, отчетливый солдат в начищенных ботинках и ладных обмотках. Пленный одергивает гимнастерку. Стоит, чуть расставив ноги. Крепкий, высокий, широкоплечий. Разглядывает офицеров. Один офицер шепчет ему: «шляпку долой». Потом суется к буденновке. Боец защитно подымает руку, отводит руку офицера и сам снимает шляпку и стоит, как прежде.)

Полковник: Здорово.

Боец (вежливо): Здравсьте.

Полковник: Какого полка, дивизии?

Боец (гордо и серьезно): Нашева Коннова полка боец.

(На лицах поляков выжидание.)

Полковник: Номер?

Боец: Ниграмотный я.

Полковник (подумав): Много ли вас — красных?

Боец: Многа.

Полковник: Точно! Сколько?

Боец (строго): В России миллионы с полтараста.

(На лицах поляков непонимание — смеется или серьезен пленный.)

Полковник: Говори, не дури, где красные части расположены?

Боец (убежденно): Расположены по всему свету... (Бережно поднимает буденновку и пальцем указывает.) Во где: в Европе — раз (один конец звезды), в Азии — два (другой), Африке — три (третий), Америке — четыре (четвертый) и пять (палец повисает)... Ипо как — забыл... Политрук знает.

(Офицеры изумлены и смотрят на полковника.)

Полковник: Ты что? Смеешься?

Боец (строго): Как на присяге — все всерьез. Какой тут смех. Не по девкам хорожусь.

Полковник (тая гнев): Поговори еще!

Боец (снисходительно): Ладно поговорю. Вот объяснил — где расположены мы. И верна (серьезно): И шли, скажем с боями, — народ попадает в эскадронах — другие вают... Везде. Добровольные бойцы. Вот и выходит — што везде расположены. Валом вают к нам.

(Пауза. Офицеры застыли.)

Полковник (ревет): Ты, босяк, тут агитацией заниматься?

(Офицеры суровеют.)

Боец: Зачем?! Я истинно глаза открываю.

Полковник: Кто тебя тут услышит? (Рукой на офицеров и часового.)

Боец: Услышат, верное слово — оно слышно. (Рукой широко вокруг, сначала в зал. Сильный гул хора из зала. «Слышим, братан, слышим!»)

(Офицеры сразу подаются назад.)

Эпизод: «ДЕЛО 31-го, 32-го и 33-го КАВПОЛКОВ».

Ведущий: «Еще весной шла Конная на Польшу — и дивизии лились черно-красным потоком по Украине — видели одну вещь люди. В рядах полков встречались бойцы в

старых офицерских шинелях... Трофейные. Ха. Потом пошли бои... А потом узналось, в чем было дело 28-го в селе Новоместо...»

Комната. Вечер. Еврейская семья—старик 60 л., старуха, сын ее, инвалид и один жилец. Мирно, тихо.

— Хаим какое войско пришло?

— Наше... Буденновцы...

(Входят несколько буденновцев, с ними сестра милосердия.)

1-й: Кто такие?

Старик: Жители здешние.

2-й: А-а-а, жида?.. Узи-узи?..

3-й (давая себе зарядку): Спикюлянты!

Старик: Я же часовой мастер... У вас наверное есть часики (вынимает свои для наглядности и от испуга). Так я вам поправлю. (Буденновец берет и кричит): Подержал шестнадцать секунд — мое! Лозунг.

2-й (к старухе): Эй, Хая, дочка есть?

3-й: Женница хотим, га-га-га...

(Старуха в испуге смотрит на мужа.)

Старик: Товарищи с дороги устали, товарищи выпьют вкусный чай?

1-й (трясет за грудь старика): Я ти дам чай... патлач старай!

(Старик пятится. Старуха кричит. Мужчины-евреи стоят неподвижно.)

1-й: Манету гони. Ну-у. В два счета. Ну-у. Ейн-цвей-дрей. Ну!

4-й (в старой офицерской шинели, к евреям): А, обрезацы, кричи: ферфален!

Один еврей (шагая вперед хромой ногой): Слушайте, так я инвалид с Красной армии. У меня вот — нога... Вы это видите?

Старик (хватаясь за соломинку): Вот Лева — этот мой сын. Евреи тоже служат. Смотрите на его ногу. Вы видите эту ногу?

2-й буденновец: Ты мне дочкины ноги покажи... Да повыше... Ну сказано — выкладывай капитал...

(Бьет старика. Сын его, хромая, спешит к отцу. Буденновец в старой офицерской шинели валит его.)

Старуха (кричит): Товарищи, не бейте его... Ой Хаим... Хаим...

3-й: Вот шухер на бану... Шша... жыды... Затыкай им пасти. Бей их!.. (Кто-то валит лампу. Вскрики, стоны, удары.)

Ведущий: «Военный комиссар 6-й кавдивизии Шепелев, трудовой донской казак, узнав о вспыхнувшем погроме, бросился останавливать бойцов».

ЭПИЗОД

Та же комната. Сестра набивает сумки вещами. 1-й боец, окровавленный, помогает ей. Бойцы шарают. Вбегает Шепелев.

Комиссар: «Бойцы!..»

(Пауза.)

Комиссар: Бойцы. Красные кавалеристы! Что вы делаете?

(Подходит один из бойцов в старой офицерской шинели. К комиссару тихо, иронически): Красные кавалеристы?

Комиссар (не понимая): Именем революционного закона вы арестованы!

2-й боец: Руки коротки.

Комиссар: Вы арестованы.

3-й боец: Што ты мешаешься, комиссар? Жыдов пощупали — тебе жаль?

Комиссар: Вы арестованы. Выходи все сейчас же отсюда (поднимает револьвер).

Боец в старой офицерской шинели (странно). Дай я на твою морду посмотрю, комиссар. Дай—последний раз.

(Подходят другие бойцы. Кучка нажимает на комиссара.)

Комиссар: Товарищи, я приказал...

1-й: Не кричи, комиссар. Не услышат.

2-й: Ну, прощай, коммунист.

3-й: Влип.

Боец в старой офицерской шинели (дразня): Красные кавалеристы. Дур-рак. А если я не красный.

Комиссар: Последний раз—арестованные, идите!

(Гогот.)

Комиссар начинает хватать бойцов. Легкая овалка. Сестра визжит: «Бей его!» Комиссара бьют и ранят. Выволакивают. Комната на вид пуста. Входит один в старой офицерской шинели с шапкой в руке: «Дело сделано».

комиссар кончен... Пополом — с плеча до пояса развалился (шашку в ножны). Первая бригада грабит... Мы сумеем уничтожить буденновскую дивизию... (Отдает честь в пространство). 6-я кав. дивизия Красной армии разложена... Это сделали мы...

В е д у щ и й (страстно, напряженно): «Кто мы? Кто мы?..»

Х о л о д н ы й г о л о с: «Главкомандующий вооруженными силами юга России генерал Деникин разрешил офицерам, оставшимся в тылу Красной армии, вступать в нее с целью подрывной работы»...

Эпизод: «ШТО ЖА ЭТА?»

В е д у щ и й: «6-я кавдивизия выстроена у Ракитино, Слушай приказ»...

Перед строем читают приказ:

«Конная армия была грозой неприятеля, любовью и надеждой трудящихся. Гордо реяли красные знамена, орошенные кровью павших за святое дело героев... И вдруг совершилось черное дело и целый ряд неслыханных в рабоче-крестьянской армии преступлений. Эти чудовищные злодеяния совершены частями одной дивизии, когда-то тоже боевой и победоносной. 31-й, 32-й и 33-й полки 6-й кавдивизии учинили ряд погромов, грабежей, насилий и убийств. Ими зверски убит военный комиссар 61й кавдивизии т. Шепелев.

Чтобы смыть позор, чтобы прикончить ликованье врагов, чтобы поднять славное имя Первой конной армии, чтобы подготовить ее к новым еще более сокрушительным победам, Революционный военный совет Первой конной армии постановил: 31-й, 32-й и 33-й кавполки, запятнавшие себя позором, по лишению всех присвоенных от имени Республики наград и отличий, разоружить и расформировать... Всех убийц, громил, бандитов и провокаторов и их сообщников из 31-го, 32-го и 33-го кавполков немедленно арестовать и предать суду Чрезвычайного трибунала.

(Строй стоит. Пауза.)

К о м а н д а: «Клади оружие!».

Жуткая, напряженная тишина. Мертво... Вот прогнули ряды и еще не ясно, что происходит. Бойцы с оружием в руках. Наконец видно, что оружие это в руках для того, чтобы его вложить на землю. Склоняются и никнут к земле боевые знамена. Выходит один рядовой боец:

— Как жа?... Как жа?... Как жа эта?... Што жа эта?... Што жа мы наделали? Загубили дивизию... Кто жа мы теперь?... Подлые, сирые... Совестью скривили... В Красной-то армии. А што обещали? Што в Царицыне!.. Как же?... (Застывает).

Эпизод: «ЧОНГАР».

Ведущий: «Затихли паны. Бойцам Конной приказ — добить Врангеля. Слово товарищу Ленину!».

«Товарищи, царский генерал Врангель начал наступление на Украину и Россию. Поддержанный французскими капиталистами, он продвигается вперед, угрожая Донецкому бассейну и Екатеринославу. Опасность велика... Пусть же все и каждый встанет грудью на защиту против Врангеля»...

Ведущий: «Бойцы Конной летят на Врангеля. (Сильный музыкальный фон.) С хода Конная прорывает фронт белых. Без оглядки бегут белые в Крым, за свои укрепления. И там останавливаются. За валами, за проволокой, за пулеметными шеренгами. На Перекопе и у Чонгара».

* * *

Полутьма. Сторожа. 7 человек: 3 командира, у телефона 4 телефониста.

Телефонист: Телефонограмма, товарищ командир, сейчас... «Головные части... 6-й кавдивизии... перешли в наступление... и... обстреливаются... сильным огнем... Движение... Алё, алё... Ну вот... Алё. (Дует в трубку). Да, да... Продолжается... с упорным боем... В частях... алё... алё... большие... потери.

Голос (тяжко): Ох-хо-хо.

Телефонист: Номер 230, оперативная.

Командир: Что у соседей? В пехоте?

Телефонист: Не добьешься их.

Командир: Вызови-ка еще бригаду.

Телефонист: Алё... алё... Бригада, алё... Афонькин. Алё... Не отвечают... Што если провод перебило?... Иэх!

(Переглядываются. Молчанье.)

2-й телефонист: Надо итти провод справлять.

(Один уходит.)

Телефонист: Гул идет... Алё... алё... Бригада... алё... (Умоляюще). Ну, бригада же... (пауза.)

Третий телефонист: Видна попал на проводе наш... Второму итти нада.

(Уходит второй.)

Телефонист: Алё, алё... И што там творится? Не раз-бери-поймешь... алё... (Нежно) Афоня... слухай... Алё... (Свирепо) Бригада — так вашу мать!.. Алё... Нет связи.

Командир: Товарищи. Надо третьему на проводу итти. (Встает третий. Сам себе командует.)

— Эй-ну, ша-гам арш!

(Выходя напевает): «Последний нынешний денечек гу-ляю с вами я друзья» и т. д.

(«Ария» слышна в отдаленности, потом обрывается лихим мотивом.)

Телефонист (гладит аппарат и «просит»): Алё... пожалуйста... алё... (Потом бросает это заня-тие). Што-то там на передовых?..

(Пауза.)

Командир: Связь не восстанавливается — сейчас чет-вертому итти.

4-й: Пойдем. (Серьезно). До самой смерти ничево нам не будет. (В дверях оборачивается). Хлеб привязут, на меня возьмете (уходит).

Темнеет.

(Пауза.)

Ведущий: «До рассвета ждали... (Алеет рассвет.)

Вдруг телефон дает сигнал. Телефонист слушает.

— Ага, передают... Да-да... Части 6-й кавдивизии... Алё... алё... Ну што там? (Дует)... ведут... (выжидательно боязливо): алё... Ага, в душу мать!.. (Кричит.) Преследование против-ника... Чонгарский мост пройден... позиции взяты... Крой, милоч... Афоня, эта ты? Крой, милоч.

Ведущий: «Ну, теперь 6-я кавдивизия может искупила грех».

Эпизод: «ПРОВЕРКА».

Вечерний свет. Зычный голос: «Становись на поверку». Сходятся чело-век 15. Строятся, легкий говор. Перед строем Сысоев со слиском.

Голос: Сысоев! Пленные. Куда их?

Сысоев (нервно): Офицеры! Суда, скорей.

(Приводят пленных донцов. 3 офицера и несколько казаков. Они стоят тихо. Сысоев кидается к офицерам, смотрит в лица.)

Сысоев: Нету!.. Ох, поймал бы... (Пауза.) Эскадрон, смирна! А-ну, слушай... Алексеенко Петр.

Г о л о с: Убит!

— Алексеенко Семен.

— Убит.

— Апанасенко Дмитрий.

— Убит.

— Алихов Василий.

— Ранетый.

— Богадаров Василий.

— Убит.

— Башлаенко Никифор.

— Убит.

— Бурлак Афанасий.

— Убит.

— Ваньковский Константин.

— Я-а (рука на перевязи).

— Ведерников Петр.

— Убит.

(Пауза.)

В е д у щ и й: «Когда закончили переключку, как всегда и везде»...

Сысоев: Эй товарищи пленные, стойте с уважением, смирна! Запевай!

(Строй поет Интернационал.)

(Буденновцы поют; вслушиваясь в их слова, начинают петь пленные донцы... Офицеры стоят в струнку, холодные, враждебно-покорные. Один сжимает кулаки.)

АНДРЕЙ ИРКУТОВ.

* * *

Знаю, когда ружейный огонь
Ляжет, как пес у границы,
Снова вспомнит маленький, серый конь,
Что был он когда-то птицей.

Ударит копытом в стойло с овсом,
Разбудит хозяина сонного,
Ржаньем напомним ему о былом,
О славных походах Буденного.

Выйдет хозяйка опять на крыльцо,
Сердце опять изранится.
Снова слезой молодое лицо
У молодой затуманится.

Некогда будет глаза целовать,
Гнать набежавшие тени.
Конь у крыльца станет биться, дрожать,
Грызть удила в нетерпении.

Тронет поводья привычно рука,
Сталью на стремях ноги!
Гикнет... и след молодца казака
Пылъ заметет на дороге!

Радость карьера выпьет до-пьяна грудь.
Повод не нужен. Как птица,
Маленький конь, и знаком ему путь
К западной нашей границе!

* * *

Шинель моя! Звезда моя! Мой шлем!
Мой конь, бегущий легкою рысцою!

Товарищи по Первой конной, с кем
Делил кисет, наполненный махрюю.

Года морщинами несут о сроках весть
А в памяти живут: и ласковый пригорок,
И друг, чубатый друг, которому не счесть,
Как много раз протягивал я «сорок».

И крепкий запах взмыленный коней,
И ласковые косы хуторянок,
И эта ширь украинских степей
Взволнованная грохотом тачанок!

С. ОРЛОВСКИЙ.

ЗАМЕТКИ О ПОЛИТРАБОТЕ В КОННОЙ АРМИИ.

Организатором, строителем и вождем Первой конной армии была наша ленинская большевистская партия. Политический аппарат армии и партийные организации были цементом, сплотившим Первую конную армию в несокрушимую силу, громившую врагов рабочего класса на всех фронтах гражданской войны.

Первая конная армия, рожденная в огне гражданской войны, росла и побеждала врага именно благодаря теснейшему сплочению широких беспартийных масс командиров и бойцов вокруг лозунгов нашей партии. Политбойцы, командиры и комиссары, жертвуя жизнью, своим примером давали массе образцы высокого героизма и стойкости в борьбе за победу пролетарской революции, за дело коммунизма.

Об этом свидетельствуют примеры беззаветной храбрости и смерти в боях начальников Политического управления Конармии т. Перельсона, комиссаров 6-й и 11-й дивизий тт. Бахтурова и Морозова и, наконец, гибель в боях с Махно командира и комиссара 14-й дивизии Конармии луганского слесаря Пархоменко.

В первые месяцы существования Конармии широкому развертыванию партийной и культурно-просветительной работы препятствовала маневренность частей Конармии. К тому же сама партийная прослойка в ее рядах была очень незначительна. Так в Конном корпусе осенью 1919 года у Воронежа на первой партийной конференции собралось всего 30 коммунистов. Но уже на 1 марта 1920 г., т. е. спустя всего навсего полгода, когда в Конармию влилось ядро коммунистов-рабочих, мы имели 800 коммунистов и 500 кандидатов, объединенных в 44 коммунистические ячейки.

Пархоменко—начдив 14-й кавалерийской.

К 15 мая 1920 г. в Конармии насчитывалось уже 126 коммунистических ячеек, объединявших 2 153 коммуниста и 1 000 кандидатов.

Из указанного числа на начальствующий состав Конармии приходилось: на 1 марта 1920 г. 141 коммунист, а на 1 мая того же года — 524 коммуниста.

Политическое управление Конармии в своем циркуляре подивам от 30/V—1920 г. дает этому росту такой анализ:

«Эти цифры показательны тем, что они с ясностью доказывают, что идеи коммунистической партии глубоко проникают в ряды наших бойцов и являются несомненными социальными выразителями их воли и стремлений».

Если просмотреть цифры, характеризующие культработу, то и на этом фронте мы в Конармии имели несомненный рост. По докладу зам. начпуарма на 3-й армейской партийной конференции (1920 г.) в Конармии к 15/III—1920 г. было 8 школ грамоты, 12 культпросветкомиссий, 4 клуба, 60 библиотек и 6 читален. За первую половину марта организовано 33 митинга, на которых присутствовало 6 000 конармейцев и проведено 301 групповая беседа. За этот же период Подивом было создано 13 советов на территории, освобожденной красными от противника.

Но уже на V партийной конференции (февраль 1921 г.) отмечался несомненный рост базы культпросветработы. Так к этому времени в Конармии имелось 137 школ, которые взяли на учет 9 500 неграмотных и 12 000 малограмотных. Библиотек было 42 и клубов 161.

Надо сказать, что партийно-политическую работу тормозили два существенных обстоятельства: первое заключалось в том, что постоянные передвижения Конармии, кратковременные дневки не давали возможности развернуть политическую работу. Этот недочет отмечали все партийные конференции Конармии. Так на V партконференции начальник Политотдела Конармии отмечал:

«Условия работы Конармии были невероятно тяжелы. Армия передвигалась с польского фронта на врангелевский, и части находились в движении вплоть до 27/X—1920 г., когда они вышли на позиции. В течение этого периода аппарат Пуарма был расщеплен на несколько разрозненных частей, что было общей бедой».

В целях объединения деятельности подивов по инициативе К. Е. Ворошилова был выделен особый полевой Политотдел армии.

Второй недочет заключался в том, что Конармия после формирования почти не получала пополнения политработниками. При занятии территории Польши она значительное количество политических работников оставляла в городах для организации советской власти (гг. Новоград-Волынский, Ровно-Дубно), в помощь местным коммунистам.

Все это не могло не отражаться на состоянии политической работы и на развертывании систематического воспитания молодых членов партии.

Известно, что на белопольском фронте, особенно после окончания войны с белополяками и при переходе на врангелевский фронт в некоторых частях Конармии развился бандитизм. Объяснялся он главным образом проникновением в ряды Конармии контрреволюционного элемента: махновцев и белогвардейцев, которые провокационными действиями стремились внести разложение в ряды Конармии, спекулируя на трудностях тогдашней боевой обстановки.

Случаи бандитизма вылились в убийство комиссара 6-й кавдивизии т. Шепелева, в освобождение уголовных элементов из тюрьмы и т. д.

Тонкая прослойка старых коммунистов тщетно принимала меры к прекращению этих безобразий. Комиссар дивизии т. Шепелев лично выехал на место одного из бандитских выступлений, обратился с речью к бойцам, призывая их прекратить грабеж населения, но был в спину пристрелен каким-то обозником. Надо сказать, что эти явления особенное распространение имели в тыловых подразделениях. Не всегда стойки и выдержаны были и отдельные коммунисты, поддававшиеся массе.

Выступая на IV партконференции (1920 г.) с докладом «О задачах коммунистов в Конармии», К. Е. Ворошилов говорил:

«Это мы, коммунисты, виноваты в том, что мы имеем теперь «черные» дни после светлых дней наших побед. Достаточно быть стойким и мужественным коммунистом, чтобы кучка негодяев разбежалась. Это показывает хотя бы случай с т. Мельничанским, который обезоруженный приехал

в 6-ю дивизию после убийства т. Шепелева. Его стойкость и твердость заставили бандитов бежать... Нужно не только считаться коммунистом, но и действовать по-коммунистически».

На этой конференции в резолюции, принятой по докладу К. Е. Ворошилова, указывалось, что:

«Коммунисты недостаточно энергично борются против разлагающих армию элементов... Многие коммунисты только по имени называются коммунистами, они не руководят массами, а плетутся в хвосте за ними; являются не вождями, а подголосками несознательных бойцов».

В основе же своей армия была безусловно здоровой и крепкой. Ее политический аппарат не только сумел быстро ликвидировать рецидив партизанщины и бандитизма, но на пути к Каховскому плацдарму (Крым) привел армию в боевой вид, и она успешно выполняла боевые задачи, поставленные ей на врангелевском фронте.

Конармия использовала малейшую возможность для разветвления партийно-политической работы. Так, например, по взятии Ростова-на-Дону (7/I—1920 г.) при Пуарме организуется партийная школа, в состав которой делегируются комячейками полков коммунисты. Такая же школа для подготовки политруков эскадронов организуется и при 11-й кавдивизии.

Типичной темой для митингов того времени был «текущий момент». В одном из донесений 24-го кавполка, например, читаем, что в октябре 1920 г. на собрании в дер. Любимовка тт. Чекунов и Абрамов выступили на тему «Революция и контрреволюция», «Четыре власти»; на следующий день были беседы «Что такое советская власть и кадетская власть».

В январе 1920 г. в г. Ростове-на-Дону состоялась конференция культпросветработников, на которой было представлено 30 частей. Конференция ставила своей задачей плановость культпросветработы и систематическое ее проведение.

Результаты политической работы сказались в Конармии и на взаимоотношениях ее с населением, и в широкой трудовой помощи беднейшему крестьянству и в помощи продовольствием промышленным центрам Республики.

Приведем для характеристики взаимоотношений с населением телеграмму одного из исполкомов (Днепровский), в которой говорится следующее:

Днепровский уисполком и упартком сообщают, что за все время пребывания 11-й кавдивизии Конармии в нашем районе не было никаких эксцессов и недоразумений между частями и населением. Политработники 11-й кавдивизии принимали активное участие в советской и партийной работе, чем способствовали укреплению советской власти на местах. Кроме политической работы красноармейцами дивизии было вспахано и засеяно около 7 000 десятин земли и перевезено 10 000 пудов грузов. Зам предисполкома Копыло. Секретарь парткома Вишневский».

Группа сотрудников политотдела Первой конной армии (1 января 1920 г. Ростов.)

В день 3-й годовщины Октябрьской революции части Первой конной армии собрали для красной столицы и направили в Москву следующее количество продовольствия: мяса 20 тонн, муки 45 тонн, сахару 3,5 тонн и кофе 300 килограмм.

Таковы в кратких и беглых чертах основные моменты политической работы Конармии.

Конная армия была сильна своим командным и политическим составом, основные кадры которого выросли в огне гражданской войны из среды рабочих и трудовых крестьян:

Ворошилов—луганский слесарь—и крестьянин Буденный—лучшие представители Первой конной армии. В дни 10-й годовщины Первой конной ее старые бойцы должны передать молодым свои лучшие боевые традиции: беззаветную преданность пролетарской революции, крепкое единство, сплоченность командного и политического состава, умение совместно организовывать и вести за собой массы на решающее участие в решающие минуты.

Конная армия побеждала при сочувствии и поддержке рабочих и трудового крестьянства. Рабочие Донбасса, Екатеринославщины, Царицына, передовые крестьяне Украины, Крыма и Северного Кавказа своим энтузиазмом обеспечили успехи Первой конной. Дни 10-й годовщины должны еще больше сплотить части Красной армии и всей рабочей и советской общественности с трудовым крестьянством, укрепить рабочее шефство над частями красной конницы.

По окончании гражданской войны многие тысячи бойцов, командиров и политработников Первой конной переключили свой боевой энтузиазм на строительство социалистического хозяйства.

Недавно — в период дальневосточного конфликта — многие из них выражали желание вновь вступить добровольцами в ряды Красной армии.

Молодые бойцы конных кавалерийских частей ведут сейчас упорную учебу, активно участвуют в социалистическом строительстве.

Во время дальневосточного конфликта они уже показали свою преданность революции, дав решительный отпор китайским белобандитам. По кличу партии и рабочего класса молодые бойцы высоко будут нести победные знамена Первой конной!

С. ОРЛОВСКИЙ.

ЖЕНЩИНА В КОННОЙ АРМИИ.

На полях империалистических войн, чаще в почтительной отдаленности от огня битв, встречались два типа женщин.

Один тип — женщины буржуазного общества, женщины «высшего круга», наблюдавшие бойню, как острое ощущение, развлекавшиеся от избытка досуга игрой в «благотворительность». Кутежи на глазах солдат, измученных войной, мимолетные встречи, флирт, романы и связи, интриги, в достаточной степени запачкали белоснежный наряд такой «сестры милосердия».

Д. Фурманов, встречавший в годы империалистической войны таких женщин, резко бичует их в своем дневнике:

«Ну и действительно уж барыни! Словно они не на работе, а где-нибудь на водах, на курорте. Чувствовали себя великолепно, требовали вместо чая какао, раздражались на непрожаренные котлеты, лопяли целый день прислугу по своим таджим и смешным надобностям, заявляли громкие протесты по поводу папироски, выкуренной возле их куше и пр.».

То же самое пишет и Д. Оськин. В его «Записках солдата» рассказывается о том, как раненые солдаты по нескольку дней не перевязывались в вагонах санитарных поездов. «То невнимание, похожее на издевательство, с которым относился к нам лечебный персонал, — пишет Д. Оськин, — вызывало у раненых необычайную злобу к врачам и к сестрам милосердия».

Однако были женщины и другого типа. Их поставляла мелкобуржуазная разночинная интеллигенция. Личная неудовлетворенность, индивидуалистические мотивы «искажения подвига» толкали этих женщин на тяжелый путь «сестры милосердия». Только очень немногие из них выдержива-

ли суровую, жестокую действительность и, закаляясь в ней, становились другим солдатом. В большинстве же их засасывало болото тыла.

Иного покроя были женщины — участницы гражданской войны. Раскрепощенная революцией, женщина-работница, женщина-крестьянка глубоко осознала, что в отстаивании завоеваний Октября она не только может, но и должна занять почетное место в цепи бойцов великих классовых битв.

Блестящ, стремителен и славен боевой путь нашей Конной армии. Тысячи бойцов, командиров и политработников пали смертью храбрых в жесточайших схватках с врагами революции на деникинском, белопольском и врангельском фронтах гражданской войны.

И не одна сотня пролетарок, горящих огнем классовой ненависти к врагам, охваченных жаждой победы пролетарского дела, положила свои молодые жизни в донских степях, у предгорья кавказских хребтов, в перелесках и болотах панской Польши и у самого Черного моря.

Они были, эти наши женщины, подлинными героинями, скромно творившими чудеса храбрости. Обвеянные стужами и славой, полуголодные, оборванные пролетарки, грязные и забывшие то, что они женщины, не сходили днями с коней. Они кровью вписали не одну блестящую страницу в историю Конной армии.

Те, кто остался из них в живых, теперь победно бьются на разных участках социалистической стройки, выкорчевывая остатки капитализма в нашей стране, высоко неся знамя наступающего социализма.

На полях революционных битв мы видели эту женщину нового класса и в роли бойца, и командира, и сестры и военного администратора.

О боевой жизни этих женщин нередко помещались заметки в родной для конармейца газете «Красный кавалерист». Вот например, одно из многих, безымянное сообщение в № 229 этой газеты:

«В конце мая погибла сестра 3-го эскадрона, 43-го кавполка в бою под Животовым. Она не покидала рядов в самые опасные моменты. В тяжелую минуту она была всегда около раненых красноармейцев. Сестра не щадила своей молодой жизни, она шла смело туда, куда звал ее долг коммунистки. Красноармеец В. III.»

Не один десяток этих героинь пролетарского долга у нас в армии за свои подвиги награжден орденом боевого Красного знамени. По этим подвигам, по коротким реляциям самих бойцов мы можем проследить весь тяжелый героический путь, который наша женщина проделала в рядах армии.

В сентябре 1920 г. 20-й кавполк повел атаку на окопы белополяков. Бой принял ожесточенный характер. Каждая из сторон стремилась захватить инициативу в свои руки. Коммунистка сестра Раиса Прудникова в этот день, как обычно, находилась среди бойцов своего эскадрона с санитарной сумкой и винтовкой. Когда эскадрон бросился в атаку, Прудникова двинулась вместе с ним и, попав под пулемет, была сражена несколькими пулями. Белополяки отбили атаку и заставили эскадрон отступить. Бойцы хотели вынести сестру из боя, но она решительно отказалась от всякой помощи, не желая рисковать жизнью своих товарищей. Действительно — задержись бойцы на одну минуту и они угодили бы в плен полякам.

Возобновив атаку через некоторое время, конноармейцы уже не нашли Прудниковой в живых.

Вот другой случай, когда польские банды окружили 2-ю кавбригаду в районе села Г. 64-й кавполк, в 3-м эскадроне которого работала сестра Ксения Ильина, под отчаянным обстрелом противника стал прорывать смыкающееся кольцо. Во время жесточайшего боя за обладание селом был ранен в ногу один красноармеец. Пуля, изорвав мышцу, ударилась о кость и застряла под кожей.

Раненый уцепился за повод лошади, безуспешно пытаясь подняться на седло. Но тут его заметала Ильина. Осмотрев раненого товарища, она достала бритву и сделав разрез мышцы, извлекла зубами, за неимением пинцета, пулю, забинтовала ему ногу и, посадив на свою лошадь, увезла к перевязочному пункту.

Сдав раненого, Ильина опять помчалась в передовую цепь, где ее сразила польская пуля.

Так дрались и умирали наши женщины.

На деникинском фронте каждый боец 4-й кавдивизии знал по боевой работе сестру 5-го эскадрона 19-го кавполка Таисию Плотникову. В бою под станицей Егорлыкской, где решалась судьба южной контрреволюции, три сотни кадет

прорвались в тыл красных, внеся замешательство в наши цепи. Тов. Плотникова не растерялась: она выстрелом из револьвера уложила белогвардейского офицера и повела бойцов в атаку, которая увенчалась полным успехом. Прорвавшиеся были стиснуты в кольцо и зарублены. За этот и за ряд других подвигов т. Плотникова получила два ордена Красного знамени.

Кто в 3-й кавдивизии не знал храбрую наводчицу пулемета бойца-пулеметчицу 35-го кавполка т. Кузнецову Павлину! В бою под селом Непадовка Киевской губ. она, будучи в разведке, нарвалась на головные силы противника. Отрезанная от наших, т. Кузнецова с горсточкой дозорных открыла ураганный огонь из пулемета. Неприятель разомкнул кольцо, и весь дозор благополучно ушел из окружения.

Тов. Кузнецова неоднократно выручала часть из тяжелого положения, и были случаи, когда она, раненая, не переставала работать за пулеметом. За высокие боевые заслуги т. Кузнецова награждена орденом Красного знамени.

Мы знаем в 11-й кавдивизии двух лекпомов 61-го кавполка т. Патрикееву Зинаиду и т. Пацановскую Марию. Обе они, неоднократно раненные, оставались в строю. В бою под Агайманом (врангельский фронт) т. Пацановская из-под пулеметного огня полкилометра волокла на себе раненого красноармейца и вынесла его из боя.

И Патрикеева и Пацановская по представлению бойцов награждены орденом Красного знамени, так же как и сестры 4-й кавдивизии Еремеева Мария, Тоцкая Пелагея, Ясинская Ольга и Чумакова.

Были женщины, беззаветно преданные своему делу, которые, несмотря на полное истощение, крайнюю усталость и болезнь не покидали работы, умирая на своем посту.

При оставлении г. Ровно к нам пришла учительница т. Богоявленская Евгения Васильевна, не желавшая остаться в городе, в который должны были вступить белополяки. Она показала себя в армии замечательным работником, принимая живейшее участие в политпросветработе, организуя школы грамоты и т. д. Прodelав с армией весь тяжелый путь на врангелевский фронт, т. Богоявленская вступила в нашу партию.

13 февраля 1921 г. она, заразившись сыпняком, умерла в Екатеринославе. Несмотря на уговоры т. Богоявленская только за несколько часов перед смертью, сломленная усталостью, легла в постель.

Тов. Чумакова—красная партизанка Манычского кавполка
4 кавдивизии.

На великих, героических образах участниц гражданской войны должно воспитываться наше молодое поколение женщин.

Нет сомнения, что и в будущей решающей схватке с капиталом трудящаяся женщина сумеет быть и бойцем, и командиром, и сестрой, идя в первых рядах борцов за мировой Октябрь.

ОРИЩЕНКО.

ПЕРВАЯ КОННАЯ АРМИЯ НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ.

8-й Всероссийский съезд советов призывает всех рабочих, крестьян, трудовое казачество и красноармейцев на дружную не менее героическую совместную борьбу всех на трудовом фронте по организации новой победы над разрухой и голодом.

(Из обращения Съезда к Красной армии и флоту 23—29 декабря 1920 г.)

Разрушительная империалистическая война, навязанная капиталистами трудящимся массам, помимо истребления миллионов людей, пожирала колоссальные материальные средства. Уже к концу 1916 г. экономика капиталистической России была на краю краха.

Пролетариат, взявший в дни Октябрьской революции власть в свои руки, мог бы немедленно приступить к устройству новой жизни и в первую очередь разрешить задачи экономического восстановления страны на социалистических началах. Однако буржуазия с ее верными слугами не сдавала без боя своих позиций; при поддержке всего капиталистического мира она организовала свои вооруженные силы под руководством черносотенных генералов и обрушилась на молодое пролетарское государство.

Разразившаяся гражданская война с многочисленными фронтами, интервенция и блокада отодвинули экономическое восстановление страны, и трудящиеся массы, под руководством коммунистической партии, с оружием в руках встали стальной стеной на защиту великих завоеваний Октября.

1918 и 1920 годы характеризуются наивысшим напряжением всех сил и средств советской страны, ведшей жесточай-

шую борьбу с внутренней и внешней контрреволюцией, потерпевшей полное поражение. Этот период 8-й Всероссийский съезд советов определил так: этими тремя годами величайших лишений, кровавых жертв трудящиеся завоевали себе право на мирный труд.

Тяжелые разрушения империалистической войны, а затем и гражданской, интервенция, блокада и неурожай привели страну Советов к разрухе, нищете и голоду. Транспорт замирал; заводы и фабрики, за отсутствием сырья и топлива, остановились, сельское хозяйство пришло в полный упадок.

Перед советской республикой, блокируемой всеми империалистическими государствами, встали во весь рост огромные задачи восстановления народного хозяйства.

Исторический 8-й Всероссийский съезд советов выработал план хозяйственного возрождения страны и призвал всех рабочих, крестьян и красноармейцев к новой борьбе на трудовом фронте.

Первая конная армия, пройдя боевой путь небывалых подвигов и героизма, путь разрушения твердынь контрреволюции, путь укрепления диктатуры пролетариата, кровью завоевала себе возможность приступить к мирному труду.

В конце 1920 г. она была отведена на отдых в район теперешнего Днепропетровска. Острые клинки, наводившие смертельную панику на врагов советской власти, вложены в ножны. Конармеец, передав шашку и винтовку в левую руку, в правую твердо взял лопату.

Бойцам Первой конной армии стало ясно, что фронт трудовой и фронт военный — это единый фронт революции. Без победы на обоих этих фронтах немыслима окончательная победа над контрреволюцией.

12 декабря 1920 г. бойцы-делегаты Первой конной армии собрались в г. Днепропетровске (б. Екатеринослав) на свой 1-й Армейский съезд. Сознывая все значение достигнутых побед на фронте военном и тяжесть предстоящих боев на другом фронте — фронте борьбы с разрухой, бойцы первым долгом выразили на съезде желание организовать субботник.

Утром 16 декабря 1920 г. более 400 делегатов совместно с Реввоенсоветом армии построились со знаменами под звуки

духового оркестра. 10 грузовиков быстро доставили их на Брянский завод. Здесь бойцы показали умение владеть лопатой и киркой не хуже, чем пашкой и винтовкой; они быстро очистили Мартеновскую печь, заводские цехи, разгрузили 7 вагонов чугуна, 1 вагон мусора, 50 тонн меди, перенесли балки, болты, гайки и пр. В общем было перенесено до 50 000 пудов всевозможных тяжестей. Эта первая атака бойцов Первой конной армии на фронте труда закончилась победой. Стала очередь за новыми и новыми победами.

1-й Армейский съезд много уделил внимания хозяйственному строительству страны. В его постановлении было сказано: «Товарищи - красноармейцы, которые остаются под ружьем, должны выполнить ряд доступных армии трудовых задач. Своими субботниками и воскресниками они должны помочь крестьянству, помочь государству. Далее, при благоприятных условиях армия сможет и должна будет заняться заготовкой для себя сена, дров, овощей и пр.».

И действительно, Первая конная армия с кипучей энергией выступила на помощь беднейшему крестьянству. С наступлением весенней посевной кампании 1921 г. части Первой конной армии в местах своих стоянок проделали огромную работу, которая выразилась в следующем. Обработано свыше 50 000 гектаров пахотной земли, запахано 161 огород и 60 гектаров огородной земли, очищено 14 садов, организовано 124 кузницы, в которых отремонтировано 434 плуга, 121 борона, 24 сеялки и 59 повозок, перевезено 260 тонн посевного материала, 35 тонн разного зерна, 25 тонн угля для Упосевкома, привлечены и пущены в ход для ремонта земледельческих орудий и сельскохозяйственного инвентаря 2 завода полностью, 3 частично и 25 мастерских, всего работало бойцов 10 744, лошадей 17 152.

Вся эта работа велась методами военного управления, отдавались приказы, составлялись сводки, посылались донесения и пр. Небезынтересно привести приказ командующего войсками Украины и уполномоченного РВСР — покойного Михаила Васильевича Фрунзе:

«Приказ от 9 апреля 1921 г. № 462.

Несмотря на отвлечение значительных воинских сил для борьбы с бандитизмом на Украине, войска окрутов и армий приняли живое участие в борьбе с нашей хозяйственной разрухой, в частности в по-

севой продовольственной весенней кампании на Украине. Из представленных мне предварительных частичных сведений по округам и армиям видно, что кроме собственной войсковой огородной кампании воинскими частями с 20 марта по 1 апреля вспахано 12 900 гектаров поля, 1 087 гектаров огорода, засеяно 8 842 гектара, перевезено 646 тонн продовольствия; работало 12 387 человек и 15 244 лошади. Для ремонта сельскохозяйственных машин было направлено в деревню 79 походных кузниц, ими починено 105 плугов, 57 борон, 18 машин; особенно интенсивно работает в этом отношении Первая конная армия, предоставляя 18% людей и 28% лошадей; слабее работает Киевский военный округ, правда воинские силы его более отвлечены на борьбу с бандитизмом, охрану сахарных заводов, лесных заготовок; считаю однако, что процент представляемых на посевкампанию КВО мал, особенно мал он в 44-й, 45-й и 60-й дивизиях. Отмечая в общем благоприятную картину помощи посевкампании, требую и от остальных частей приложить все старания, чтобы прийти на помощь посевкампании всеми силами и средствами, находящимися в их распоряжении, помня, что враг побеждается столь же оружием на поле брани, сколь борьбой с голодом и разрухой в тылу».

К этому нужно добавить, что Первая конная армия не могла всецело отдаться мирному труду; в то время по Украине разгуливали банда Махно и другие бесчисленные бандитские пайки. Они, как гнойник на здоровом теле, причиняли большой вред советскому государству. Конармеец часто вынужден был вновь братья за отточенный клинок и уничтожать бандитов. Трудящиеся массы Украины благодарны бойцам Первой конной армии, части которой по заслугам награждены трудовыми орденами Красного знамени. Бойцы не успокаивались достигнутыми результатами, они готовы были еще на больший размах работы, но им вскоре пришлось Украину оставить: Первая конная, по соображениям главного командования, должна была перейти на Северный Кавказ.

Совершив 700-километровый переход из Украины на Северный Кавказ и приведя себя в порядок, армия на ряду с боевой работой приняла деятельное участие на фронте труда и главным образом в заготовке объемистого фуража. Вследствие засухи эта заготовка проводилась под флагом ударности, ибо надежд на снабжающие органы было слишком мало. Там, где позволила обстановка, при наличии сенокосных угодий, дивизии заготовили 574 тонн сена. Наконец части Первой конной армии по директивам центра бросили большое количество людей на борьбу с голодом, в результате

чего в тех районах, где работали конармейцы, продналог был выполнен в течение месяца, в 90—100% нормы; всего для продработы армия выделила 2 915 бойцов и 110 человек комсостава.

Пережив тягчайшую зиму 1921 г., с хроническими перебоями в продфураже, когда были случаи месячного неполучения зерна и объемистого фуража, части армии принуждены были приступить к самозаготовкам, с целью хотя бы частично обеспечить себя и смягчить возможные кризисы в будущем. Главное внимание было обращено на заготовку сена. В результате — дивизии самозаготовили запасы, колеблющиеся от 5-месячной до годовой потребности; всего было скошено до 18 500 гектаров; вся эта работа протекала в необычайно сложных и трудных условиях. Если принять во внимание отсутствие сеноуборочных машин, отсутствие кредитов и натурфонда, которые опоздали и попали в части по окончании кампании, категорическое запрещение пользоваться обывательскими подводами, малый штатный обоз, отсутствие прессов и проволоки, то стане тпонятн атитаническая работа комполитсостава и героев-бойцов.

В дальнейшем, желая иметь в своем распоряжении хоть небольшие продфонды, дивизии обработали и засеяли всяких культур 3 470 гектаров и в условиях, тождественных с сенокампанией.

Путем использования своих транспортных средств, живой силы и хозяйственных расчетов, армия заготовила 40 000 куб. метров дров и доставила их на складочные места в пунктах потребления. И наконец, на части армии было возложено обязательство по оборудованию занимаемых казарменных помещений и производству текущего ремонта.

Первая конная армия не имела специальных трудовых заданий республиканского масштаба. Но она с честью выполнила работу по самообеспечению и оказанию помощи беднейшему населению в местах своей стоянки. Улучшившееся экономическое положение Советской страны позволило армии вплотную подойти к непосредственной работе по боевой подготовке своих рядов.

ТВОРЧЕСТВО БОЙЦОВ.

Приводимые ниже стихотворения принадлежат перу бойцов 11-й кавалерийской дивизии. Они взяты из сборника «Красный кавалерист—Поволжье». Сборник этот был выпущен Государственным издательством в 1921 г., когда 11-я кавалерийская дивизия, оторванная от своих боевых товарищей—14-й, 61-й и 4-й дивизии—боролась с бандитами в лесах Полесья. Дивизионная газета «Красный кавалерист» печатала на своих страницах рассказы, стихотворения и очерки бойцов-буденновцев. В дни воляжского голода возникла мысль собрать стихотворения в сборник и распространить его в пользу голодающих поволжан. Не помню, принесло ли это предприятие, какие-нибудь материальные результаты, но основную свою задачу—сохранение для истории творчества бойцов—сборник выполнил.

Андрей Иркутов.

ПРИВЕТ БУДЕННОМУ.

Здравствуй, наш командар Первой конной!

Тебе с Запада шлем мы привет.

Как живешь, наш товарищ Буденный?

На письмо ты пришли нам ответ.

Мы, бойцы твоей славной дивизии,

Оторвавшись от общей семьи,

Производим бандитам ревизию,

Истребляем на нашем пути!

Кроме этого славного дела

Помогаем крестьянской нужде:

Как один, все и дружно и смело

Убираем хлеба мы к зиме.

Голодающим здесь помогаем,

Отчисляя недельный паек,

Твой приказ боевой выполняем,

Крепко держим в руках мы клинок.

Ну, прощай, командарм Первой конной!

Шлем привет Ворошилову Климу!

На призыв твой, товарищ Буденный,

Снова лавой железной двинем мы!

Боец Д. Тюрин.

БОЙ.

Сверкают шашки, сверкают пики
Лихих буденновских орлов!
А кони быстры, кони дики!
Они, как молния, — вперед!

Вдали орудия грохочут,
И резко режет пулемет.
А кони дико павших топчут,
Несясь без удержу вперед!

И тяжелой лавой заливают
Оторпевшего врага.
И вот, столкнулись! Убегают!..
И клич гремит: Ура!

Курсант партшколы 11-й кавдивизии В. Г у ш и н.

НА СМЕРТЬ КОМАНДИРА.

Там на Западе далеко
Есть змея — Горычь-река.
Разливается широко,
Крутосклонны берега.

Раз пришлось в бою с панами
Нам Горычь-реку занять
И крутыми берегами
На позициях стоять.

По заставам вихрем несся
Командир наш Литваков.
Только слышно свистом косит
Воздух шашкой удалой.

Да недолго он боролся,
Да недолго воевал,
Только тяжкий стон раздался,
Литваков с коня упал.

Он убит в бою с врагами,
Коммунизм он защищал.
И крутыми берегами
Его полк наш провожал.

Пулеметчик Т е л и н.

НА СМЕРТЬ ТОВАРИЩА НИЛОВА.

Ты добился чудесной свободы,
О которой так долго мечтал.
А вчера над твоею могилой
Весь наш полк безутешно рыдал.

Ты нашел свою черную долю
И убит у бандитских траншей,
И лежишь ты теперь одиноко
Средь зеленых кудрявых ветвей.

Спи, любимый, хороший товарищ!
Ты многое дал на земле,
И имя твое не забудет
Наш полк никогда и нигде.

Красноармеец Голубев.

ПОМОЩЬ БЕДНЯКАМ.

Не треск пулеметов — гул пушек
Был слышен над нашим полком
В то время, как мы выступали
Пахать полосу бедняков.

На помощь мы им поскакали,
Как только разбили врагов,
И этим мы всем доказали,
Что братья мы всех бедняков.

Не так уж давно говорили,
Что мы лишь пришли разрушать.
Так знайте, товарищи - братья,
Мы призваны вам помогать!

Красноармеец Мурындин.

ДУМЫ.

Бегут поля, летят поля,
Стрелой конь несется.
Гудит засохшая земля
А сердце, сердце бьется!

И думы тяжкие гнетут
И мучают невольно.

Там дома, дома его ждут
И сердцу больно, больно.

И мысли мчатся, как поля,
Что мимо пробегают,
И разбуженная земля
О сне своем вздыхает.

Я молод, молод — сила есть,
Я верю в наше дело;
И нас таких не перечесть —
Нас верных, сильных, смелых,

Но если духом мы падем,
То кто же будет в битвах?
Кто знамя красное возьмет
И кто пойдет трубить нам?

Мы жизнь свою всю проведем
В жестких днях, в суровых,
И песни буйные поем
Среди огней грозových!

Вся наша жизнь в борьбе пройдет
За светлую коммуны
Про наши подвиги споет
Наш сын, свободный, юный!

И подгоняет вновь коня,
И снова бодр и светел,
И шлют бегущие поля
Ему свои приветы.

Красноармеец Ю. К.

СТИШКИ ПРО НАШИ ГРЕШКИ.

Из Украины, издалека
К небу вьется пыль высоко.
И никто понять не может
Что за штука, ах ты боже!

С красным флагом, все верхами
И сверкают все глазами.
Выходи, честной народ.
Полк буденновцев идет!

Впереди с посадкой важной
Едет командир отважный.

Да хоть ростом небольшой
Но с разумной головой.

Не бросая слов на ветер,
Должен я о нем отметить,
Что дошел он до начальства
Через смелость и удалство.

Рядом с ним, с серьезным взглядом,
Слева, сбоку едет рядом,
Всех кругом бросая в жар
Наш военный комиссар!

Для хороших он хороший,
Для плохих же нету строже,
Но за правдой и за делом
Подходи к нему все смело.

Дальше, задавая тон,
Едет первый эскадрон!
Командир в череске тонкой
Позади башлык червонный.

Да в боях хорош бывает,
Его смелость всякий знает.
А за первым очень скромно
Выступает в виде ровном

Эскадрон лихих бойцов,
Их ведет сам Судаков!
Он служил в полку гусарском,
Не в одном был деле жарком

И, борясь за свободу,
Он прошел огонь и воду.
Вот прошел уже и он;
Дальше — третий эскадрон!

Третий сразу выделялся:
Первым он в боях являлся,
При атаках головным,
По количеству большим.

И ему не раз случалось,
Что начальство удивлялось.

Плясуны — коль веселиться!
Храбрецы — с врагом коль биться!

И лошадки нанодбор
Удивляют общий взор.
Словом, дружная семейка.
Командир же Пелипейко,

Страх врагов почти три года,
Пал убитым за свободу.
Дезертиры не встречайтесь,
Коль попали, то прощайтесь.

Не уйти от цепких рук:
Там горячий политрук!
Отступив шагов на двадцать,
Чтоб удобней разобраться,

Быть видней со всех сторон,
Шел четвертый эскадрон.
Кони все там вороные,
Есть хорошие, плохие,

Это видно из окон...
Дальше пятый эскадрон.
Цвет коней у этих серый
У бойцов вид загорелый.

Ровным шагом, как один...
Их ведет Александрин!
Отнесясь довольно строго,
Я скажу, что под Острогом

Доказал свою отвагу
И нагнал полякам страху.
Дальше тройками повозки
С пулеметами. Громоздки

Сбоку кажутся на вид,
Но когда нужда случится,
Пулемет карьером мчится
И врага разит!

Красноармеец Мих. Л-ский.

КОННИЦА ЛИХАЯ.

(Песня Конармии).

Из лесов, из-за суровых темных гор
Наша конница несется на простор,
На просторе хочет силушку собрать,
Чтоб последнюю буржуям битву дать.

Кликнул грозный клич Буденный удалой:
Эй, товарищи лихие, все за мной.
Эй, ребята, веселей да не робей,
На врага пойдем лютого поскорей.

И несется наша конница вперед,
Кулакам - врагам поблажки не дает.
Эй вы, царские холопы, палачи,
Ну попробуй-ка, попробуй, подскачи.

Скоро, скоро всех врагов мы разобьем
И свободной вольной жизнью заживем...
Постоим за наше дело головой,
Слава коннице буденновской лихой!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Сталин и Конная армия.—К. Е. Ворошилов	3
Первый приказ Реввоенсовета Конной армии	4
Первая конная.—С. М. Буденный	6
На Касторную.—М. Кремень	16
Петр Петров (поэма).—А. Иркутов	44
Из полевой книжки.—С. Тимошенко	49
Танки.—И. Косоков	56
В плену у деникинцев.—Бушев	62
Вперед (стихотворение).—С. К. Минин	67
Филька Черпак.—И. Косоков	72
Последний патрон.—И. Косоков	78
Первая встреча с С. М. Буденным.—Сердич	85
Страничка из боевой жизни 4-й кавдивизии.—М. Кузнецов	89
Красный Верден и металлист Ворошилов.—Е. Щаденко	92
Подкрепление.—И. Косоков	98
Дела сильнее слов.—И. Косоков	102
Начдив 6.—Е. Щаденко	104
Буква „А“.—А. Иркутов	114
Отрывки.—А. Домбровский	125
Первая конная (отрывки из пьесы).—В. Вишневский	132
Стихи.—А. Иркутов	182
Заметки о политработе в Конармии.—С. Орловский	184
• Женщина в Конармии.—С. Орловский	191
Первая конная на трудовом фронте.—Орищенко	196
• Творчество бойцов	201

7627

